

В. И. ЛЕНИН О ТРЕТЬЕМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

ЗП-3
Л-45

В. И. ЛЕНИН

О ТРЕТЬЕМ
СЪЕЗДЕ
ПАРТИИ

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП /б/ • 1935

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К тридцатилетию III съезда партии

В. И. ЛЕНИН

О ТРЕТЬЕМ
СЪЕЗДЕ
ПАРТИИ

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) 1935

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

25 апреля 1935 г. исполнилось 30 лет со дня открытия III съезда партии.

Отмечая этот исторический юбилей, Партиздат выпускает настоящий сборник статей и речей В. И. Ленина, относящихся к периоду борьбы за III съезд и к непосредственной работе самого съезда.

Введением к сборнику дается статья, характеризующая работу III съезда и его решения.

В приложениях к сборнику даются принятые съездом резолюции.

III СЪЕЗД ПАРТИИ

Вводная статья

25 апреля 1905 г. в Лондоне открылся III съезд партии. Съезду предшествовала упорная борьба, которую вели Ленин и большевики с меньшевиками—этой агентурой буржуазии в рабочем движении—и с примиренцами—этой агентурой меньшевизма в рядах партии. III съезд был чисто большевистским съездом, который определил тактическую линию нашей борьбы за победу революции.

I. ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Съезд собрался в момент нарастающего массового рабочего, крестьянского и национально-революционного движения.

В начале XX столетия под руководством революционной социал-демократии прокатилась волна политических забастовок и демонстраций по всей России: в Петербурге, Москве, Сибири, Урале, Прибалтике. Особенно бурно они протекали на юге России (Баку, Ростов). Под руководством товарища Сталина прошел ряд забастовок и политических демонстраций в Тифлисе (1901 г.) и в Батуме (1902 г.). В ноябре 1902 г. в Ростове под руководством комитета социал-демократической партии были проведены демонстрация и открытые митинги, в которых участвовало 30 тыс. рабочих.

Сочетание политических забастовок и демонстраций означало, как указывал Ленин, «переход к массовой организованной борьбе». Под влиянием пролетарского движения начались также крестьянские волнения, особенно на юге России. Если

в 1900 г. произошло 50 крестьянских выступлений, то уже в 1902 г. их насчитывалось 340. Наблюдались случаи, когда крестьянская беднота выступала также и против кулака (Закавказье, Кубань, Латвия).

В конце 1904 г. на нефтяных промыслах Баку произошла всеобщая политическая забастовка, в которой участвовало 50 тыс. рабочих различных национальностей. Бакинская забастовка, руководимая большевиками, проходившая под лозунгами восьмичасового рабочего дня и свержения самодержавия, вызвала забастовки солидарности в Тифлисе, Батуме, Потти и затем почти по всей Украине. Политические стачки, их боевой характер показали, что рабочий класс выступает в качестве вождя начинающейся революции.

Росту революционного движения в стране способствовали также постоянные неудачи царской армии в русско-японской войне.

Начатая царским правительством в 1904 г. русско-японская война преследовала задачи завоевания Манчжурии, Кореи и Монголии, где помещики должны были получить новые земли для эксплуатации; война должна была также удовлетворить потребности торгово-промышленной буржуазии, заинтересованной в получении выхода к Тихому океану, к китайскому рынку и наживавшей на войне миллиардные барыши.

В русско-японской войне были заинтересованы и империалистические государства Запада (Англия и Германия), которые также стремились к разделу территории на Дальнем Востоке. Эта империалистическая русско-японская война должна была, по замыслам царского правительства, отвлечь массы от революционной борьбы.

Большевики в русско-японской войне занимали интернационалистскую позицию: создавали социал-демократические группы в армейских частях и содействовали поражению царского правительства в войне. Поражение царизма в русско-японской войне обострило революционный кризис в стране.

Ленин писал:

«Порт-Артур капитулировал»...

«Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата»*.

Под угрозой надвигавшейся революции царское правительство пытается опереться на либеральную буржуазию. Ей разрешено устраивать съезды, банкеты. На этих банкетах произносились «оппозиционные» речи о необходимости конституции и о том, что не мешало бы представителям буржуазии приобщиться к царскому правительству.

Меньшевики опубликовали план «земской кампании», в котором рабочим предлагалось ходить на банкеты и просить буржуазию выступать перед царским правительством от имени всего народа. Участие в банкетной кампании либералов меньшевики считали «высшим типом» политической демонстрации, а самостоятельные выступления пролетариата на улицах против царского строя, по их мнению, являлись «низшим типом» борьбы. Таким образом меньшевики предлагали рабочему классу *плестись в хвосте либеральной буржуазии*. Уже накануне революции 1905 г. оппортунизм меньшевиков проявился полностью.

Ленин, большевики воспитывали в рабочем классе вождя революции, звали рабочих не на банкеты либералов, а на улицы, на демонстрации против самодержавия. Ленин писал, что победы над царизмом можно добиться только «силой массового натиска, способного перейти в народное восстание».

Бурный рост рабочего и крестьянского движения указывал на приближение революции. В создавшемся положении достаточно было одного толчка, чтобы революция началась по всей стране. Этим толчком были события 9 января 1905 г.

* Ленин, т. VII, стр. 44—45.

9 января петербургские рабочие во главе с попом Гапоном с хоругвями и иконами пошли к Зимнему дворцу, к царю. «Царь-батюшка» велел расстрелять рабочую демонстрацию.

Уроки этой зверской расправы не прошли даром. Вера рабочих в царя была расстреляна. «Дремлющая Россия,—писал Ленин,—превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа». 9 января 1905 г.—начало первой русской революции.

Свалить царизм и закрепить победу революции возможно было только при условии, если гегемоном ее выступит рабочий класс во главе со своей большевистской партией.

Революция 1905 г. была первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма. Она происходила в империалистической стране, какой уже являлась тогда Россия. Противоречия между пролетариатом и буржуазией полностью созрели, и рабочий класс имел своим врагом не только самодержавие и русскую буржуазию, но также и западноевропейскую буржуазию, которая боялась революционного свержения самодержавия. На деньги, полученные в виде иностранных займов, царь усмирлял русскую революцию. Царская Россия была узловым пунктом всех противоречий империалистической эпохи. Товарищ Сталин писал:

«...царская Россия была очагом всякого рода гнета—и капиталистического, и колюпального, и военного,—взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всеилние капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма—с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов—Турции, Персии, Китая—с захватом этих районов царизмом, с войной за захват?»*

В захвате новых колоний и закабалении новых народов интересы русского царизма сливались с интересами западноевропейского империализма.

* Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 4, изд. 10-е.

«Но из этого следует,—писал товарищ Сталин,—что кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую»*.

Рабочий класс России, руководимый большевистской партией, боролся за такую победу над царизмом, которая бы обеспечила немедленное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

II. БОРЬБА ЛЕНИНА ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ПАРТИЮ

II съезд нашей партии, состоявшийся летом 1903 г., был по существу учредительным съездом партии. I съезд, состоявшийся весной 1898 г., по сути только провозгласил основание Российской социал-демократической рабочей партии. К тому же арест всего Ц. К., избранного съездом, лишил партию единого признанного центра.

В русской социал-демократии того времени налицо не только организационный, но и идейный разброд. Ленин называет этот период периодом «разброда, распада и шатания». «Легальные марксисты»—Струве, Булгаков, Бердяев, Туган-Барановский быстро «развиваются» в сторону превращения в открытых идеологов буржуазии. Под влиянием западноевропейского оппортунизма складывается оппортунизм российский. «Экономисты» пытаются привить молодому рабочему движению России все самые модные откровения европейских извратителей марксизма. Бурный рост стачечного движения эти люди стараются удержать в рамках одной лишь экономической борьбы, мощно развертывающееся рабочее движение они

* Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 5, изд. 10-е.

хотят удержать в хвосте либерализма. Отсутствие единого авторитетного идейного и организационного центра облегчает их разлагающую работу.

Тогдашняя партия представляет собой сеть подпольных и заграничных разрозненных кружков, групп, союзов, комитетов. Каждая из этих организаций действует самостоятельно, в одних случаях объединяясь, в других борясь друг с другом. Нет единого плана революционной борьбы, нет единой тактики. Между тем бурно растущее революционное движение требует руководства.

«Но брели разню и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России... Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема...»*

В 1900 г. В. И. Ленин возвращается из далекой сибирской ссылки. Еще будучи в ссылке, он обдумывает и подготавливает план создания революционной сплоченной пролетарской партии, план преодоления разброда и идейных шатаний, план создания боевой организации революционеров, объединенных единой программой, действующих по единому плану, руководимых единым авторитетным центром.

Этот центр, эту единую организацию нельзя было создать сразу. Собрать немедленно съезд всех действующих в России и за границей социал-демократических коллективов и кружков, чтобы на таком съезде избрать единый центр взамен Ц. К., арестованного после I съезда, нельзя было, ибо это значило бы только усилить разброд, это значило бы создать рыхлую, идейно бесформенную организацию, какими были партии II Интернационала. Немедленного съезда добивались оппортунисты из заграничного «Союза русских социал-демократов». Ленин идет более трудным, но зато единственно верным путем. Ленин берется за создание партии нового типа, отличной от

* Ленин, т. IV, стр. 500.

партии II Интернационала. Раньше, чем объединиться, надо размежеваться, говорит Ленин. Надо было объединить подлинных марксистов, подлинных пролетарских революционеров, а для этого надо было сначала отмежеваться от оппортунистов, называющих себя членами партии.

Ленин основывает за границей центральный орган партии — славную ленинскую «Искру». Задача «Искры» — теоретически разработать все основные вопросы русской революции, разработать программу партии, теоретически и политически разгромить российский оппортунизм и сплотить в единую боевую организацию пролетарских революционеров, *подлинных марксистов*. «Искра» была не только газетой и не обычного типа газетой, — это был организатор партии. Агенты (уполномоченные) «Искры» разъезжали по России, распространяя газету, организуя и сплачивая сторонников «Искры» в единую организацию. «Искра» громила экономизм, «Искра» наносила первые сокрушительные удары царизму и идущим с ним на сделку либералам, вчерашним «легальным марксистам».

Ленин излагает в «Искре» свой план построения партии. Сначала кратко, — но уже это краткое изложение ленинского плана в знаменитой статье «С чего начать?» вызывает восторг всех подлинных пролетарских революционеров и бешеное сопротивление оппортунистов. С особой злобой выступают они против ленинских принципов централизации и дисциплины. Для проведения их оппортунистических теорий, для их оппортунистической тактики кустарничество и кружковщина, самостоятельность всякого вида кружков и группочек представляет наибольшие удобства. Против Ленина выдвигаются демагогические обвинения в зажиме, в «диктатуре вождей», в запрещении свободы критики и т. д. и т. п. К этой демагогии оппортунисты прибегали и прибегают всегда, когда им предъявляется требование подчиниться революционной пролетарской дисциплине.

Тогда Ленин выступает со своей знаменитой книгой «Что делать?». Эта книга идейно окончательно разбивает эконо-

низм. Эта книга, написанная с исключительной глубиной и силой, доныне сохранила все свое значение. Эта книга становится евангелием всех подлинных марксистов, пролетарских революционеров. Эта книга вызывает величайшее озлобление всех оппортунистов, всех мелкобуржуазных любителей расхлябанности, недисциплинированности, анархической распушенности, барского отношения к дисциплине. С особой силой книга бьет по кружковщине и кустарничеству в революционной борьбе, по неспособности придать борьбе революционный размах.

Эта книга сразу придает борьбе Ленина за создание партии величайшее международное значение. Эта книга, громя русских оппортунистов, сразу наносит жестокий удар по всему международному оппортунизму.

Ленин пишет:

«...Ни для кого не тайна, что в современной международной социал-демократии образовались два направления...»

И дальше в сноске:

«...В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную... В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабрианцы, французские минкстерналисты, немецкие бернштейншанцы, русские критики,—все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма»*.

В России «Что делать?» производит огромное впечатление. Все подлинные революционеры торжествуют: они получили ясную и четкую программу борьбы и строительства партии. Подавляющее большинство комитетов в России спланивается вокруг «Искры», принимает положения ленинской книги «Что делать?». Агенты «Искры» в России организационно закрепляют

* Ленин, т. IV, стр. 366.

ее работу в соответствии с ленинским планом, подготавливают съезд партии. Вокруг Ленина объединяются все подлинно пролетарские революционеры, имя Ленина становится знаменем марксизма и пролетарской борьбы в России. С особой яркостью выразил это товарищ Сталин.

«...Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры» привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина—Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие—стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения»*.

II съезд приносит победу «Искре». Окончательно добит экономизм, партия получила программу и устав (хотя и несовершенный, с мартовской формулировкой знаменитого первого параграфа). Но тут оказывается, что борьба не кончена, что за партию нового типа, за ленинскую партию предстоит еще тяжелая и длительная борьба.

«Искра» была основана по инициативе Ленина. При основании «Искры» Ленин и руководимая им группа его единомышленников из «Союза борьбы» не без труда привлекли к работе над созданием «Искры» Плеханова и возглавлявшую им группу «Освобождение Труда». Из всех действовавших тогда организаций группа «Освобождение Труда» была наиболее последовательной. Плеханов и группа «Освобождение Труда» боролись с экономистами, Плеханов одним из первых во

* Сталин, О Ленине.

всем II Интернационале выступил в то время против немецкого оппортуниста Бернштейна. Но уже тогда в деятельности Плеханова и его ближайших соратников по группе «Освобождение Труда» стали звучать фальшивые ноты.

Еще в 1895 г., когда Ленин ополчился против первых же попыток Струве, тогда еще считавшегося ортодоксальным марксистом, Плеханов занял примиренческую позицию по отношению к Струве. Это было уже не случайным.

При обсуждении тактических и особенно программных вопросов в редакции «Искры» у Ленина с Плехановым обнаружилось серьезное расхождение.

Эти расхождения особенно резко выявились при разработке программы партии. Ленин критиковал академический характер проекта программы, написанного Плехановым, говоря, что этот проект больше похож на учебник, нежели на боевую программу боевой, революционной партии. Ленин критиковал проект Плеханова за отсутствие в нем ясного и четкого положения о борьбе за диктатуру пролетариата, критиковал недостаточное подчеркивание классово-политической самостоятельности пролетариата в революционной борьбе. И под давлением ленинской критики плехановский проект программы был значительно улучшен.

Не мало споров было в редакции «Искры» и по острым вопросам революционной борьбы. Кроме Ленина и Плеханова в состав редакции «Искры» входили еще Мартов, Потресов и члены группы «Освобождение Труда» П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич. Вся тяжесть работы в «Искре» вынес на себе Ленин. В ту пору, когда Ленин основывал «Искру», в 1900 г., привлечение группы «Освобождение Труда», Мартова и Потресова диктовалось всем положением дел. Но по мере того как развертывалось революционное движение в России, по мере того как росла партия, по мере того как выдвигались новые, более сложные задачи, вырастали новые силы в подпольных комитетах, действовавших в России, становилось все яснее, что из шестерки, стоящей во главе «Искры», пятеро

не понимают существа новой эпохи и в руководители партии не годятся. Если до съезда они с оговорками, сопротивляясь, все же шли за Лениным, фактически редактировавшим «Искру», то на II съезде выявилось со всей отчетливостью, что эти люди из руководства должны выпасть. Товарищ Сталин сказал:

«Поворот оказался роковым для пяти членов этой шестерки. Они выпали из тележки. Ленин остался в единственном числе... Теперь ясно каждому большевику, что без решительной борьбы Ленина с пятеркой, без оттеснения пятерки наша партия не могла бы сплотиться как партия большевиков, способная повести пролетариев на революцию против буржуазии»*.

Разгром экономистов, этих прямых «продолжателей» дела «легальных марксистов», и оппортунистов из Бунда, ушедших со съезда, поставил во весь рост вопрос о дальнейшем пути партии и ее руководстве. Борьба на самом съезде по вопросам об уставе, о профессиональной организации революционеров, об отношении к либералам, по вопросам программы и по другим вопросам — показала, что в партии есть оппортунистическое крыло, которое собирается стать «продолжателем» только что разгромленных экономистов. Не для того Ленин боролся столько лет с экономизмом, за создание пролетарской партии *нового типа*, не для того боролся с кустарничеством и кружковщиной, чтобы отдать руководство партии в руки людей, могущих свести на-нет результаты этой тяжелой и долголетней борьбы.

III. ПОЛОЖЕНИЕ В ПАРТИИ ПОСЛЕ II СЪЕЗДА И БОРЬБА ЗА III СЪЕЗД

После раскола на II съезде Ленину и большевикам пришлось выдержать тяжелую борьбу с дезорганизаторами-меньшевиками, которые, получив поддержку у лидеров II Интернационала, вели разлагающую работу в партийных организациях в России и за границей.

* Стенографический отчет XV съезда, стр. 378—379.

Плеханов шел на съезде вместе с Лениным во всех основных вопросах. И при выборах центральных органов партии Плеханов согласился с Лениным сократить состав редакции Ц. О., с тем чтобы в нее вошли Плеханов, Ленин и Мартов.

Как известно, в тот период центральные учреждения партии были построены следующим образом: редакция центрального органа партии (Ц. О. «Искра»—за границей), Центральный комитет (Ц.К.—в России) и Совет партии как высший партийный орган, который разрешает конфликты, возникающие между Ц.О. и Ц.К. Совет партии составлялся из пяти человек: по два представителя посылались Ц.О. и Ц.К., председатель Совета был избран съездом. На II съезде председателем Совета партии был избран Плеханов.

В Ц.К. были избраны большевики (Ленгинк, Кржижановский, Носков). Борьба Ленина за создание пролетарской партии увенчалась успехом,—вокруг Ленина сплотилось большинство съезда (откуда и название «большевики») и создало ленинскую партию. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 г.,—писал впоследствии Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме». Потресов, Аксельрод и Засулич в редакцию «Искры» не были избраны.

Но эта победа Ленина вызвала бешеное сопротивление меньшевиков. Все носители оппортунизма, все сторонники кустарщины и кружковщины с их желанием «свободы» для каждого кружка и группочки, с их пренебрежением к пролетарской дисциплине—все это объединилось против Ленина. Меньшинство съезда составилось из блока будущих меньшевиков с только что разгромленными экономистами (Акимов и др.). Мартов, Аксельрод, Троцкий и другие, и на съезде дравшиеся против Ленина по вопросам устава, отказались подчиниться партийной дисциплине, отказались подчиниться решениям съезда. Началась дикая травля Ленина. Мартов, Троцкий и компания не брезгали демагогией и клеветой по адресу Ленина. Мень-

шинство съезда и партии пыталось навязать большинству свою волю.

В течение первых недель после II съезда Плеханов продолжал поддерживать Ленина, но вскоре уступил напору меньшевиков и перешел на их сторону, решив единолично кооптировать (т. е. ввести) в состав редакции «Искры» забаллотированных съездом старых членов редакции: Аксельрода, Потресова, Засулич, а также и Мартова. Ленин оказался в «Искре» один против пяти.

Ленин не мог согласиться с таким вопиющим нарушением воли съезда, воли партии,—и вышел из состава «Искры».

Ленин писал в Россию членам Ц.К. партии: «Плеханов жалко струсил раскола и борьбы!.. Плеханов изменил нам»*. «Надо, чтобы Россия восстала твердо за Ц.К.»**. Ленин в письме к Лядову писал 10 ноября 1903 г.: «Борьба за Ц.К., за скорый (летом) новый съезд—вот что нам остается»***.

Ленин обращается к партии, требуя созыва нового—третьего—съезда. В октябре 1903 года Ц.К. кооптировал в свой состав Л. Красина, Р. С. Землячку, Ф. Гусарова и М. Эссена. В ноябре были дополнительно кооптированы Л. Гальперин и Ленин (по решению II съезда Ц.К. имел право кооптировать в свой состав). Из членов Ц.К. солидарны с Лениным были Ленгник, Эссен, Землячка, а большинство Ц.К.—Красин, Носков и др. были против созыва съезда, стояли за примирение с меньшевиками. Весной 1904 года Ленгник и Эссен были арестованы. Тов. Землячку оставшиеся в Ц.К. партии примиренцы произвольно объявили вышедшей из Ц.К. Таким образом, в Ц.К. восторжествовали примиренцы по отношению к меньшевикам. В этих условиях Ленин развернул огромную работу по разоблачению меньшевиков и примиренцев, развернул энергичную борьбу за созыв III съезда.

* Ленин, т. VI, стр. 107—108.

** Там же, стр. 108.

*** Там же, стр. 112.

В апреле 1904 г. Ленин опубликовал свою работу «Шаг вперед, два шага назад», в которой, анализируя всю работу и решения II съезда партии, вскрыл оппортунизм меньшевиков (Аксельрода, Троцкого и др.) и показал, что в лице «новоискровцев» образовалась оппортунистическая партия. После II съезда меньшевики организовали негласный фракционный центр в составе Троцкого, Мартова, Аксельрода и Потресова. Этот меньшевистский негласный центр ставил своей задачей дезорганизаторской, фракционной работой помешать Ленину, большевикам в их работе по укреплению партии и по проведению в жизнь решений II съезда. Российские и европейские оппортунисты единым фронтом ополчились против этой книги

«Шаг вперед, два шага назад», против Ленина. Аксельрод предложил представить книгу Ленина на суд II Интернационала. Каутский выступил со статьей в новой «Искре», в которой писал, что он за Мартова, против Ленина. Даже Р. Люксембург выступила со статьей в новой «Искре» против Ленина, защищая меньшевистский взгляд на партию.

Находясь в меньшевистском лагере, Троцкий наиболее полно сформулировал антипролетарскую платформу меньшевиков в их борьбе против большевистской партии и решений II съезда.

Для меньшевика Троцкого между старой и новой «Искрой» «лежит целая пропасть». Ленин, разоблачая Троцкого, писал:

«Старая «Искра» учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрывку оппортунизма—главным образом в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западноевропейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает—неза-

писимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания—политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола... кроме подчинения меньшинства большинству»*.

Когда уральские большевики (Уфимский, Среднеуральский и Пермский комитеты) в своем документе против меньшевиков писали, что централизованная партия, сильная и властная организация, нужна для подготовки пролетариата к диктатуре, Троцкий выступил против уральцев, заявляя, что партия не должна ставить задачу завоевания диктатуры пролетариата. На II съезде меньшевик Троцкий, как и все реформисты, был против диктатуры пролетариата. Таким образом, не случайно, впоследствии, после Октября, когда власть пролетариатом была завоевана, Троцкий вместе с Зиновьевым, Каменевым и другими боролся против диктатуры пролетариата и скатился в лагерь контр-революции. Троцкий от имени всех меньшевиков в 1904 г. заявлял, что дисциплина в партии вещь вредная, устав не нужен, централизм опасен, единство партии не обязательно, меньшинство может не подчиняться большинству, надо насадить в партии фракции и группировки. Ленин, выявляя оппортунистическую природу Троцкого и всех меньшевиков, писал:

«Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе»... Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением»**. Ленин вел решительную борьбу против «барского анархизма», за партию, партийность, пролетарскую дисциплину и революционную политику.

* Ленин, т. VI, стр. 327.

** Там же, стр. 309—310.

Этот «барский анархизм» Троцкий проявлял впоследствии на всем протяжении революции. И после победы пролетарской диктатуры, когда вплотную стали задачи построения социализма в нашей стране, Троцкий вкупе с Зиновьевым, Каменевым и др. пытались протолкнуть в нашу большевистскую партию меньшевистскую, капитулянтскую платформу и меньшевистские организационные принципы. Партия Ленина—Сталина неуклонно боролась за боевую централизованную организацию, спаянную железной дисциплиной, непримиримую ко всякого рода оппортунизму. Разгромив троцкизм, наша партия добилась величайших исторических побед.

В июле 1904 г. примиренческий Ц. К. опубликовал декларацию, в которой брались под защиту меньшевики, Ленин обвинялся в нетерпимости, якобы послужившей причиной раскола. В декларации примиренцев объявлялось, что Ленин отстраняется от работы в Ц. К. Примиренческий Ц. К. стал открыто служить меньшевикам. Против меньшевиков, против лидеров II Интернационала, против примиренцев-цеккистов, агентов меньшевиков в рядах партии, Ленин ведет упорную борьбу за III съезд, опираясь главным образом на местных партийных работников, действующих в России в подпольи.

В первой половине августа 1904 г. в Женеве состоялось совещание 22 большевиков, на котором присутствовали: Ленин, Н. Крупская, П. Лепешинский, О. Лепешинская, М. Ольминский, А. Луначарский, А. Богданов, Р. Землячка, В. Воровский, С. Гусев, В. Бонч-Бруевич, В. Величкина, М. Лядов, П. Красиков, В. Ногин и др.

На совещании 22 большевиков, собравшемся по инициативе Ленина, принимается обращение ко всем членам партии. В этом обращении Ленин призывает партию к немедленному созыву III съезда. Решения II съезда грубо нарушаются. Меньшевики насилуют волю партии. Съезд—единственное средство, чтобы выйти из кризиса в партии.

Для подготовки и проведения всей организационной работы по созыву III съезда совещание 22-х решило создать Бюро

Комитетов Большинства, задача которого подготовить созыв партийного съезда. Товарищи, намеченные в состав Бюро Комитетов Большинства, выехали в Россию для партийной работы и подготовки созыва III съезда. Воззвание 22 большевиков было поддержано «Обращением к членам партии», изданным Московским комитетом (Стасова, Ленгник, Бауман и др.).

«Искра», перешедшая в руки меньшевиков, стала антипартийным органом. Ленин решает издавать новую партийную газету, в которой можно было бы вести борьбу за укрепление партии. 4 января 1905 г. выходит первый номер *большевистской газеты «Вперед»*. В состав редакции «Вперед» вошли Ленин, Воровский, Ольминский, Луначарский и Богданов. *«Вперед» проводит ленинские принципы, разоблачает меньшевиков и примиренцев в Ц.К. и ведет борьбу за созыв III съезда.*

В то время как примиренцы в Ц.К. вели свою меньшевистскую линию, в местных организациях развернулась борьба против примиренчества Ц.К. *Кавказский союзный комитет и Тифлисский комитет, где работал товарищ Сталин, высказываются за созыв III съезда и выносят резолюции недоверия примиренческому Ц.К., идущему на уступки меньшевикам, считая подобную тактику серьезной политической ошибкой. Товарищ Сталин редактирует газету «Борьба пролетариата», в которой ведется борьба за ленинские принципы, за III съезд.* В письме к Кавказскому союзному комитету от 20 декабря 1904 г. Ленин писал:

«Дорогие товарищи! Получил Ваше письмо насчет «Борьбы пролетариата». Постараюсь писать и передам товарищам по редакции. Занят теперь усиленно работой для нового органа. Вам послали уже подробное письмо на этот счет. Откликнитесь поскорее и посылайте, пожалуйста, побольше, побольше и побольше рабочих корреспонденций. От Вас зависит теперь успех органа в особенности, ибо начало особенно трудно. Ваш Н. Ленин»*.

* «Ленинский сборник» XV, стр. 267.

Во время подготовки к III съезду большую работу в деле борьбы за большевистскую партию выполняет товарищ Сталин. Командированный Кавказским союзным комитетом в Баку, товарищ Сталин разоблачает меньшевиков и примиренцев в Ц. К., энергично борется за созыв III съезда.

В Баку приезжает от Ц. К. примиренец Носков, но товарищ Сталин быстро разоблачает примиренца.

Товарищ Сталин пишет брошюру «Вскольз о партийных разногласиях», в которой разоблачает хвостистскую политику меньшевиков и пропагандирует ленинские взгляды на партию. В письме Кавказскому союзному комитету партии Н. К. Крупская писала: «Дорогие товарищи, получили записку Барсова (М. Цхакая), который сообщает, что союз выпустил брошюру «Вскольз о партийных разногласиях», которая произвела сенсацию. Пришлите ее нам».

Товарищи Сталин, Стопан, Цхакая и другие большевики ведут борьбу в Закавказьи за созыв III съезда. Петербургский, Одесский, а также Рижский комитеты выносят решение о недоверии примиренческому Ц. К.

В сентябре—октябре 1904 г. состоялись в России три областные конференции партии: 1) Южная, в которую вошли комитеты Одессы, Николаева, Екатеринослава, 2) Кавказская, объединившая комитеты Тифлиса, Баку, Батума и Имеретинно-мингрельский комитет, 3) Северная, куда вошли Петербургский, Нижегородский, Тверской, Северный и Рижский комитеты. Все эти областные конференции высказались за немедленный созыв III съезда, осудили примиренческий Ц. К. и утвердили Бюро Комитетов Большинства (БКБ) в составе гг. Литвинова, Землячки, Лядова, Гусева, Рыкова, Эссена, Богданова, Румянцева и Владимирова. БКБ под руководством Ленина немедленно приступило к созыву III съезда.

После решений указанных трех конференций, представлявших больше половины партии, по уставу, принятому II съездом, партийные центры обязаны были созвать новый съезд. Однако меньшевики, во главе с Плехановым заседавшие в Совете

партии, вновь нарушают решения II съезда и отказываются созвать новый съезд.

Под давлением действующих в России комитетов в конце февраля 1905 г. члены Ц.К. начали добиваться соглашения с Бюро Комитетов Большинства. Ленин советовал членам Бюро Комитетов Большинства быть бдительными к примиренческому Ц.К.

В марте 1905 г. Ленин писал:

«Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой, партией будем громить рыхлое чудовище ново-искровских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслуживали гибели, как презренные формалисты...

Мы провозгласили *раскол*, мы зовем на съезд *впередовцев*, мы хотим организовать *впередовскую* партию и рвем, немедленно рвем *все и всякие* отношения с дезорганизаторами»*.

Указания Ленина о том, что меньшевики и примиренцы не отражают действительного мнения партии, подтверждаются целиком. Большинство русских комитетов высказывается за созыв III съезда. Часть членов Ц.К. вынуждена согласиться на созыв съезда и заключает соглашение с Бюро Комитетов Большинства. Избирается организационный комитет по созыву III съезда, куда на паритетных началах входят члены Бюро Комитетов Большинства и члены Ц.К. В извещении о созыве III партийного съезда, выпущенном Бюро Комитетов Большинства 28 февраля 1905 г., было сказано, что начавшаяся революция требует сплоченной пролетарской партии.

«Мы, сторонники партийного *большинства*, давно уже ведем борьбу за единство партий. Мы давно указывали на единственно-возможный для партии, единственный достойный ее выход из этой неурядицы, на партийный съезд.

...Как же отнеслись ко всему этому центры? Ц.О. (новая «Искра». *Ред.*) упорно продолжал свою борьбу против большин-

* Ленин, т. VII, стр. 101.

ства партии и, лицемерно говоря в последнее время о партийном мире, угрожал расколом на съезде... Совет партии отчаянно боролся против съезда, открыто нарушая устав партии.. На все вопросы большинства Ц. К. отвечал отказом созвать съезд или при помощи уклончивых ответов старался затянуть дело. Между тем время не ждет. Грозные события надвигаются. Ввиду этого организационное бюро приступает к делу организации съезда... Надо спасти честь партии, спасти дело пролетариата» *.

IV. О КОНСТРУИРОВАНИИ III СЪЕЗДА

На III съезде присутствовали 24 делегата с решающими голосами и 14 с совещательными. Были представлены основные партийные комитеты: Петербургский, Московский, Саратовский, Полесский, Одесский, Северо-западный, Северный, Кавказский союз (8 голосов), Харьковский, Нижегородский, Николаевский, Самарский, Тверской, Уральский, Сибирский, Тульский, Орловско-брянский, Казанский, Рижский, Курский, Кубанский, Воронежский, Смоленский.

Развертывавшаяся революция выдвигала перед большевистской партией ряд насущнейших вопросов: как подготовить и провести вооруженное восстание, как сплотить вокруг революционного пролетариата его союзника—крестьянство, какой орган власти появится в результате вооруженного восстания рабочих и крестьян и наше отношение к этому будущему революционному правительству, как партия рабочего класса должна относиться к либеральной буржуазии, как укрепить влияние партии в массах и обеспечить победу революции,—все эти вопросы требовали своего разрешения на III съезде партии.

Ленин писал в статье «Третий съезд»: «Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России

* См. настоящий сборник. Приложение.

накануне III съезда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе. Во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще. В-третьих, — главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент» *.

Первым на повестке дня III съезда был доклад *Организационного комитета, представителя от Бюро Комитетов Большинства*. В докладе была охарактеризована дезорганизаторская деятельность меньшевистского Совета партии (Плеханов, Аксельрод, Мартов) и примиренческого Ц.К., восставших против созыва III съезда, а также та борьба по завоеванию местных комитетов и подготовке съезда, которую вело Бюро Комитетов Большинства. Следующий доклад был сделан представителем Ц.К. в *Организационном комитете*. Этот доклад сделал *Красин*, который оправдывался в своей примиренческой позиции тем, что, мол, нужно было идти на временные уступки для объединения в одной партии большевиков с меньшевиками. Только после того, как было создано Бюро Комитетов Большинства и подавляющее большинство местных партийных организаций высказалось за созыв съезда, только тогда Ц.К. решил взять инициативу в свои руки и просить Совет партии (состоявший из меньшевиков) санкционировать созыв съезда. Совет партии отказался от созыва III съезда. Тогда Ц.К. под давлением Бюро Комитетов Большинства послал представителей в Организационный комитет, который и созвал III съезд партии.

По предложению Ленина, в прениях по докладу Организационного комитета обсуждался вопрос, *законны ли созыв и открытие III съезда, несмотря на запрет Совета партии*. В своем выступлении Ленин сказал:

«Съезд совершенно законен. Правда, по букве устава его можно считать незаконным, но мы впали бы в карикатурный формализм, если бы так понимали устав. По смыслу же устава съезд вполне законен. Не Партия существует для

* Ленин, т. VII, стр. 301.

Совета партии, а Совет партии для Партии... С точки зрения духа устава и даже его буквы, если взять его в целом, ясно, что Совет партии это — доверенный Комитетов Партии. Доверенный Комитетов отказывается исполнить волю своих доверителей. Если доверенный не исполняет воли Партии, Партии остается лишь осуществить эту волю самой. И Комитеты нашей Партии не только имели право, но и обязанности были созвать Съезд сами. И я утверждаю, что Съезд созван вполне законно»*.

Все делегаты, выступавшие по этому вопросу, говорили о законности созыва III съезда. В резолюции «О конструировании съезда» сказано, что большинство комитетов представлено на съезде и поэтому он законен.

Отдельные делегаты (например Лядов, Миха Цхакая) коснулись также вопроса о предложении вождя германских социал-демократов *А. Бебеля* заменить съезд третейским судом, в котором под верховенством вождей II Интернационала будет разрешен спор большевиков с меньшевиками. Сейчас же после раскола на II съезде Бебель предложил примирить две партии. Ленин ответил Бебелю, что разногласия в русской социал-демократии носят принципиальный характер и поэтому примиренческая позиция Бебеля пользы не принесет. Бюро Комитетов Большинства также ответило Бебелю, что все партийные вопросы сможет разрешить только III съезд партии. Таким образом делегаты съезда признали правильным ответ Ленина и Бюро Комитетов Большинства Бебелю.

Еще в знаменитой брошюре «Что делать?» Ленин подчеркивал огромное международное значение борьбы с российским оппортунизмом. Так же, как всякий удар по царизму и русской буржуазии означал удар по международному империализму, так и борьба против российского оппортунизма неминуемо превращалась в борьбу с международным оппортунизмом и переносилась на международную арену. вмеша-

* Протоколы III съезда, стр. 60—61.

тельство Бебеля означало открытую поддержку меньшевизма вторым Интернационалом. И большевики повели борьбу с международным оппортунизмом по всему фронту.

V. О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ

Основным на III съезде был вопрос о вооруженном восстании. Только вооруженным восстанием можно свергнуть царское правительство. Об этом Ленин говорил в 1897 г. в своей брошюре «Задачи русских социал-демократов», а позднее—в брошюре «Что делать?» (1902 г.) Ленин возвращается к вопросу о вооруженном восстании. *Большевики в борьбе с реформистами всегда пропагандировали идею вооруженного восстания.* В связи с событиями 9 января 1905 г. Ленин пишет статью, в которой заявляет, что революционное движение выдвигает непосредственную задачу организации вооруженного восстания. Наш лозунг—«К оружию!». Ленин ставит перед партией задачу организовать вооруженную борьбу масс. В это же время меньшевик Мартов в новой «Искре» поместил статью под названием «9 января», в которой выступает против военно-технической организации восстания. Мартов писал, что надо вооружать народ «одним незаменимым оружием, *жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого.* Вот куда должны мы направить свои усилия—на пропаганду в массах *самовооружения для целей восстания*». Значит Мартов предлагал вооружать рабочих не оружием, а только идеей о стихийном самовооружении. Мартов заявлял, что партия и рабочий класс не должны руководить вооруженной борьбой масс.

«Нелепо и вредно,—писал Мартов,—мечтать о *монополии* активной роли в надвигающемся восстании для русской социал-демократии... Мы будем только рады, если вслед за *священником*, популяризовавшим в массах наше требование *разрыва государства с церковью*, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим *народный поход на Зим-*

ний дворец, русская революция обогатится генералом, который первый поведет народные массы в победный бой против царского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти».

Вот о чем мечтали меньшевики! Только бы не гегемония пролетариата, только бы не организовывать восстания. Как было бы хорошо, если бы во главе движения стал генерал или чиновник! Меньшевики были верны своей анти-пролетарской линии на протяжении всей истории нашей революции. Впоследствии в 1917 г. меньшевики и эсеры помогали генералам расправляться с революционным выступлением масс.

В начале 1905 г. в этой же статье «9 января» меньшевик Мартов выступает против ленинского положения *об организации революции*. Аксельрод в № 62 новой «Искры» писал, что дело может идти лишь о восстании «одичалых масс». Так меньшевики характеризовали народную революцию, возглавляемую пролетариатом! Так характеризовали меньшевики вооруженное восстание народа! Ориентируясь на либеральную буржуазию, будучи ее агентами в рабочем классе, меньшевики всеми силами пытаются помешать партии рабочего класса возглавить борьбу масс, мешают организовать революцию, организовать вооруженное восстание. В статье «Должны ли мы организовать революцию» В. И. Ленин дает сокрушительный отпор меньшевикам и показывает, почему пролетарская партия должна готовить вооруженное восстание.

На III (большевистском) съезде докладчик «О вооруженном восстании и отношении к нему с.-д. партии» ставит ряд *военно-технических вопросов по подготовке вооруженного восстания*.

«Революционера-организатора, революционера-боевого руководителя, центральный штаб революции со всей относящейся сюда агентурой,—вот что должна создать С.-Д. и чего она до сих пор еще не имеет»*.

* Протоколы III съезда, стр. 118.

По предложению Ленина, в выступлениях делегатов на съезде ставились конкретные вопросы военно-технической организации восстания. На III съезде не только признавалось, что необходимо создать вооруженную силу, но и указывалось, как создавать боевые дружины, как доставать оружие, как распределять его и обучать обращению с ним; указывалось, как установить связь с солдатами. Большевистский «Вперед» в № 1 в начале 1905 г. писал (и на III съезде цитировалось):

«Местная организация должна, во всяком случае, заранее выяснить себе стратегическую картину расположения города и путей к нему, чтобы знать, где имеет смысл оказывать сопротивление и строить баррикады, где было бы это безнадежно, где удобнее всего с самого начала прервать пути сообщения и сношений—железные дороги, телеграфы и телефоны,— где расположены оружейные магазины и склады... и т. д...»*.

Указывалось, что необходимо воздействовать на армию, создавать партийные группы, конспиративные организации в армейских частях.

В резолюции III съезда о вооруженном восстании сказано, что съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»**.

Таким образом III (большевистский) съезд конкретно поставил все вопросы организации и руководства восстанием.

* Протоколы III съезда, стр. 126.

** Там же, стр. 519.

В развитие решений III съезда—по мере того, как стачечное движение приводило к раскачке масс, по мере того как разворачивалось революционное движение в крестьянстве и в армии и созревала всеобщая политическая забастовка, которую надо было переводить в вооруженное восстание.— Ленин дает ряд конкретных указаний местным организациям, как готовить восстание. В письме в «Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете» Ленин осуждает тех работников, которые занялись бумажной волокитой, «учеными записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела». *Ленин требует живой, конкретно-оперативной работы.*

Ленин говорил, что подготовка вооруженных сил должна проходить под лозунгом *вооружения народа.*

«...Мы должны добиваться не разоружения, а всеобщего народного вооружения. Только оно вполне обеспечит свободу. Только оно вполне свалит реакцию»*. *Этот лозунг—вооружение народа—означал борьбу за вооружение трудящихся масс под руководством пролетариата и его партии.* Этот лозунг означал борьбу за создание боевых дружин, особых отрядов пролетариата как основного ядра революционной армии, борьбу за переход на сторону революции солдат и масс, борьбу за вооружение трудящихся масс крестьянства. Ленин писал летом 1905 г.:

«Пролетариат начал в России эту великую освободительную войну, он сумеет продолжать ее, образуя сам отряды революционной армии, подкрепляя отряды перешедших к нам солдат или матросов, привлекая крестьян, наполняя новых, формирующихся и закаляющихся в огне гражданской войны *граждан* России героизмом и энтузиазмом борцов за свободу и счастье всего человечества»**.

Большевики боролись за руководство пролетариатом

* Ленин, т. VIII, стр. 397.

** «Ленинский сборник» XVI, стр. 160.

крестьянской борьбой, за подготовку и проведение вооруженного восстания и на деле осуществляли гегемонию пролетариата в революции.

Меньшевики были против руководящей роли пролетариата в революции: *она боялись военно-технической организации вооруженного восстания.* На своей Женевской конференции, заседавшей одновременно с III съездом партии—в противовес ему, в резолюции «О вооруженном восстании» меньшевики заявили, что нельзя приурочить восстание «к заранее назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами». Восстание—это стихийный процесс, его готовить невозможно, заявили меньшевики. Но каким путем победит революция? На это меньшевистская конференция ответила, что новая революционная власть появится либо «из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения». *Ставится знак равенства между вооруженным восстанием* (которое не подготавливается, а стихийно возникает) *и между решением* представительного учреждения буржуазии (которое появится на свет без восстания). Это есть отказ от вооруженного восстания. *Отказ от организации вооруженного восстания, преклонение перед стихийностью—общая черта всех оппортунистов.* Так же, как в организационном вопросе, в вопросах дисциплины меньшевики продолжали линию экономистов с их пресловутым лозунгом «свободы критики», так и в вопросе о восстании меньшевики продолжали линию экономистов в их преклонении перед стихийностью. Меньшевик Троцкий, как и все оппортунисты, распространялся о том, что восстание не делается. Такова была позиция также и лидеров II Интернационала.

У большевиков—победа революции через организованное вооруженное восстание. У меньшевиков—реформистская линия—стремление избежать вооруженного восстания, стремление выслужиться перед буржуазией, ставка на самотек и стихийность.

VI. О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

На III съезде стоял вопрос «О *Временном революционном правительстве*». Доклад В. И. Ленина назывался «Об участии с.-д. во Временном революционном правительстве».

В своем докладе Ленин развивал ту мысль, что в результате победы вооруженного восстания установится *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*.

«И такая победа будет именно диктатурой, т.-е., она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем», созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контр-революционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма»*.

Временное революционное правительство—форма новой власти; классовое содержание этой новой власти—революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Временное революционное правительство явится организацией войны. После победы над царизмом пролетариат вместе с крестьянской беднотой поведет борьбу за немедленное *перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую*, за завоевание диктатуры пролетариата. Большевики (Мартынов, Мартов, Плеханов) указывали, что если пролетарская партия примет решающее участие в восстании, то ей придется взять власть, и если, паче чаяния, власть попадет в руки рабочей партии, то это будет сразу социалистическая

* Ленин. т. VIII, стр. 62.

революция. Ленин в своем докладе на III съезде, разоблачая меньшевистских вождей, сказал:

«Революционный народ стремится к самодержавию народа, все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя. Успешный переворот поэтому не может не быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, интересы которых *против самодержавия царя* совпадают. На лозунге «врозь идти, вместе бить» сошлись и «Искра», и «Вперед», но «Вперед» добавляет: если вместе бить, то вместе добить и вместе отбить попытки врага вернуть потерянное. После свержения самодержавия борьба не прекратится, а обострится»*.

Для того чтобы закрепить завоевания народа, нужна победа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, чтобы двигать вперед революцию к социалистической диктатуре пролетариата. «Кто идет штурмом на крепость,—говорил Ленин,—тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью. Одно из двух: или возьмем крепость, чтобы удержать ее, или не идти на приступ и заявить, что хотим только малое местечко около крепости»**.

Такое «малое местечко» возле буржуазной крепости хотели «завоевать» себе меньшевики.

Ленин в своем докладе на съезде ответил Плеханову, который пытался в статьях новой «Искры» использовать «Обращение» Центрального комитета «Союза коммунистов» к членам союза, написанное Марксом в 1850 г., для оправдания оппортунистической позиции меньшевиков в революции 1905 г.

Разоблачая Плеханова, который выдергивал из произведений Маркса отдельные цитаты вместо того, чтобы на основе учения Маркса изучить соотношение классовых сил, борющихся в России,—Ленин на съезде сказал:

«Плеханов же ни единого слова не говорит о конкретных

* Протоколы III съезда, стр. 212.

** Там же, стр. 213.

русских условиях. Весь багаж его ограничивается парой не к месту приводимых цитат. Это чудовищно, но это так» *.

Ленин заявляет на съезде: «Без демократической диктатуры пролетариата и крестьянства республика в России невозможна. Это утверждение «Вперед» выставил на основании анализа реальной ситуации. К сожалению, Маркс этой ситуации не знал и о ней не писал. И потому ни подтверждать, ни опровергать одними только цитатами из Маркса анализа этой ситуации нельзя» **.

Сколько раз враги большевиков, враги Ленина, извращающие учение Маркса, отвлекаясь от конкретной обстановки, вырывали цитаты Маркса, пытаясь подкрепить этими цитатами свой оппортунизм, доказывая этим свое непонимание учения Маркса. Ленин всегда показывал, что учение Маркса не сумма заученных догм, а руководство к боевому действию.

Так в революции 1905 г. меньшевик Троцкий пытался использовать написанное Марксом «Обращение» Центрального комитета «Союза коммунистов» для оправдания сочиненной Парвусом и Розой Люксембург и подхваченной Троцким полуменьшевистской схемы перманентной революции.

Взяв у Маркса идею перманентной (непрерывной) революции, Троцкий извратил ее, исказил и приспособил для борьбы против Ленина.

Сущность этой теории перманентной революции, проникнутой насквозь «меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства», сводилась к *отрицанию ленинской теории революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как этапа к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую, к отрицанию возможности победы социализма в нашей стране, к утверждению неизбежности враждебного столкновения рабочего класса с крестьянством и гибели власти рабочего класса, если не подоспеет государственная под-*

* Протоколы III съезда, стр. 216.

** Там же, стр. 217.

держака победившей революции европейского пролетариата. О неизбежной гибели власти рабочего класса в России писали и меньшевики в резолюциях Женевской конференции. В этом пункте Троцкий выступал, как последовательный меньшевик.

Идея перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую ведет свое начало еще от Маркса. Это и была настоящая, неизменная марксова теория перманентной революции. Ленин так прямо и говорил: «Мы стоим за непрерывную революцию». Как отмечает товарищ Сталин, Ленин взял «идею непрерывной революции Маркса в ее чистом виде» и сделал «ее одним из краеугольных камней своей теории революции».

«Маркс вовсе не предлагал *начать* дело революции в Германии 50-х годов прямо с пролетарской власти *вопреки* планам наших русских «перманентников»;

Маркс предлагал лишь *увенчать* дело революции пролетарской государственной властью, сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой, с тем, чтобы, добившись власти пролетариата, разжечь потом революцию во всех странах,— *в полном соответствии* со всем тем, чему учил Ленин и что он проводил в жизнь в ходе нашей революции, следуя своей теории пролетарской революции в обстановке империализма» *.

Ленин всегда учил умело применять учение Маркса к живой, конкретной обстановке. Ленин развивал и обогащал учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, в эпоху империализма и пролетарских революций. Ленин в революции 1905 г. обогатил учение Маркса постановкой вопроса о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую в эпоху империализма.

Ленин писал, что «...от революции демократической мы

* Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 22—23, изд. 10-е.

сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути...»*

Меньшевики в новой «Искре» высказывались против участия представителей социал-демократии во временном революционном правительстве и рекомендовали действовать только «снизу», т.-е. направлять давление масс на временное буржуазное правительство и помочь контр-революционной буржуазии укрепить свою власть.

Опираясь на Энгельса, Ленин заявляет:

*«Принцип «Искры» — только снизу и ни в коем случае сверху» — принцип анархический**.*

III съезд считал возможным и нужным *действовать «сверху и снизу»*. Действие «сверху и снизу» обеспечит размах революции, укрепит завоевания буржуазно-демократической революции и обеспечит немедленное перерастание ее в революцию социалистическую. В резолюции III съезда сказано:

«... б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей Партии в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль Партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости Социал-Демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие Социал-Демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата

* Ленин, т. VIII, стр. 186.

** Протоколы III съезда, стр. 219.

идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого Социал-Демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеванной революции»*.

И на меньшевистской конференции в Женеве стоял вопрос «О завоевании власти и участии во Временном правительстве». Меньшевики отрицали революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Они считали, что временное правительство будет и должно быть буржуазной властью. Громкими фразами, вроде: «Пролетариат не должен пачкать своих рук в этой власти», они прикрывали полную отдачу завоеванной революции в руки буржуазии. Это не помешало им через 12 лет, в 1917 г., проводить эту же тактику, не только отдавая власть буржуазии, но самим войти в буржуазное правительство, чтобы защищать власть буржуазии от революционных рабочих и крестьян, а позднее вооруженной силой вместе с царскими генералами бороться против советской власти вооруженной рукой.

Меньшевики в оправдание своей буржуазной политики пытались прикрыться решениями конгрессов II Интернационала. На Парижском (1900 г.) и на Амстердамском (1904 г.) конгрессах II Интернационала было осуждено правое крыло французской социалистической партии, которое послало своего представителя (Мильтерана) в буржуазное капиталистическое правительство (через ряд лет II Интернационал санкционировал участие, представительство в империалистических правительствах, но тогда, до 1905 г., Мильтеран был осужден за участие в таком правительстве). И вот меньшевики, якобы «слева» критикуя большевиков, в действительности занимали доподлинно оппортунистическую позицию. Меньшевики сравнивали *буржуазное капиталистическое правительство Франции с революционным правительством рабочих и крестьян, органом революционной власти, завоеванным в результате победы*

* Протоколы III съезда, стр. 520.

вооруженного восстания. Все эти «левые» разговоры нужны были меньшевикам для того, чтобы помочь либеральной буржуазии стать у власти. Как показали последующие события (1917 г.), меньшевики без зазрения совести входили в буржуазные империалистические правительства и, пользуясь государственной властью, расправлялись с революционным пролетариатом и крестьянством.

Меньшевики в своей резолюции на Женевской конференции нигде не упомянули о республике. Две линии резко выявились в разрешении вопроса о временном революционном правительстве: одна пролетарская—в резолюции III съезда и другая буржуазная—в резолюции Женевской конференции меньшевиков.

VII. ОТНОШЕНИЕ К КРЕСТЬЯНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

На III съезде обсуждался вопрос *«Об отношении к крестьянскому движению»*. Докладчиком был Ленин.

Рост крестьянского движения в стране показывал, что революционная борьба крестьян направлена против помещичьего землевладения. У 10 млн. крестьянских хозяйств было 73 млн. десятин земли, в то время как у 28 тыс. помещиков было 62 млн. десятин. Крепостнические пережитки, помещичий гнет особенно сказывались в деревне. В лице рабочего класса крестьянство получило своего руководителя в борьбе против царизма, в борьбе за получение помещичьей, церковной, монастырской, удельных и т. п. земель.

В своем докладе на III съезде Ленин сказал:

«Теперь крестьянское движение стоит на очереди дня, и партия пролетариата должна официально заявить о том, что она всячески поддерживает и отнюдь не ограничивает размах этого движения»*.

Ленин считал нужным, чтобы в резолюции было сказано, что социал-демократы будут организовывать и поддерживать

* Протоколы III съезда, стр. 256.

стачки сельскохозяйственных рабочих, особенно во время жатвы, покоса и т. п.

Второй доклад по крестьянскому вопросу на съезде сделал т. Миха Цхакая (Барсов), который рассказал о революционном движении крестьянства в Закавказье. Кавказский союзный комитет уделял большое внимание работе в деревне. М. Цхакая рассказал на съезде, какую большую организационную и агитационную работу проделали рабочие Батума среди крестьян Гурии, Мингрелии и Имеретии. Гурийский комитет находился под контролем Батумского комитета, где в 1902 г. работал товарищ Сталин. 7 и 9 марта товарищ Сталин организовал в Батуме мощные политические демонстрации и митинги, зверски разогнанные жандармами и в результате которых большое количество рабочих было посажено в тюрьму и выслано из Батума. «Эти гурийские, мингрельские, имеретинские и другие батраки и безземельные крестьяне—свидетели кровавой расправы—повезли с собой на родину также изданные в Батуме прокламации о событиях 9 марта, писанные товарищем Сосо (Сталиным), и разнесли по селениям Западной Грузии революционную заразу, нашедшую здесь благоприятную почву; уже вскоре после того начались открытые возмущения крестьян против помещиков и правительства»*. Ряд батумских рабочих, высланных в деревню после демонстраций и столкновений с полицией в 1902 г., помогли крестьянам вести борьбу с помещиками. М. Цхакая сказал в докладе на съезде следующее:

«После знаменитой батумской бойни, в марте 1902 г., целые сотни рабочих были высланы из Батума на родину. Значительная часть высланных—гурийцы, остальные—мингрельцы и имеретинцы. Вот эти-то, сосланные в свои деревни, в свои разоренные хозяйства рабочие, вкусившие от древа социализма и получившие от самодержавия в виде нагаек, тюрьмы и пуль первые уроки политического образо-

* «Сталин и Хашим». Партиздат, 1935 г.

вания,—смело и бодро начали агитировать среди крестьян. Плоды этой агитации немедленно, уже через несколько месяцев и даже недель, давали о себе знать... Крестьяне Гурин начали собираться в разных местах и обсуждать свои дела, как выйти из своего угнетенного положения. И вот этой же весной (1905 г.) они объявляют забастовку всем помещикам, попам, требуя уменьшения арендной платы и уничтожения разных поборов со стороны помещиков и попов».

Под влиянием батумских рабочих гуринские крестьяне применяли пролетарские методы борьбы с помещиками. Гурин с помощью социал-демократов покрылась целой сетью кружков, конспиративно работавших и связанных с единым центром. В районе Имеретинско-мингрельского комитета также раскинулась сеть кружков, устраивались громадные митинги, в которых участвовали от одной до пяти тысяч крестьян. Союзный комитет выпускает листовки для крестьян. Переведена на грузинский язык книга Ленина «К деревенской бедноте», изданная в 1903 г., где указывалось, как надо всем крестьянам под руководством пролетариата бороться с царем и помещиками и отдельно организовать крестьянскую бедноту для борьбы с кулацкой кабалой.

В Гурин, Мингрелии, Имеретии вспыхнули восстания крестьян, которые были подавлены царским правительством. III съезд в специальной резолюции «По поводу событий на Кавказе», написанной Лениным, посылает

«горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении на Кавказе...»

В резолюции III съезда, предложенной Лениным и принятой съездом, было сказано:

«Пропагандировать в широких слоях народа, что Социал-Демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации по-

мещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель»*.

Необходимо создавать революционные крестьянские комитеты и отдельно организовать бедноту.

Таким образом III съезд большевиков четко сказал, как надо бороться, чтобы завоевать крестьянство на свою сторону и укрепить боевой союз пролетариата и крестьянства под гегемонией (руководством) пролетариата.

Меньшевики же на своей Женевской конференции оппортунистически рекомендовали крестьянам ждать... Учредительного собрания, которое даст крестьянам землю. Эту же линию меньшевики проводили и в 1917 г., будучи у власти, дополняя эту линию посылкой карательных отрядов против крестьян... Немедленную конфискацию помещичьих земель через организацию революционных крестьянских комитетов меньшевики отвергли. Меньшевики, в том числе и Троцкий, отрицали гегемонию пролетариата в революции, отрицали необходимость боевого союза пролетариата и крестьянства. Этим объясняется, что меньшевики на Женевской конференции ясно сказали, что крестьянство организовывать на борьбу с царизмом не следует.

Две линии и в крестьянском вопросе: революционная—большевистская и оппортунистическая—меньшевистская, были уже полностью определены весной 1905 г.

VIII. ОТНОШЕНИЕ К ЛИБЕРАЛАМ, ОТНОШЕНИЕ К ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Большевики рассматривали революцию 1905 года, как революцию буржуазно-демократическую, происходящую под гегемонией пролетариата.

«Новоскровцы в корне неправильно понимают смысл и значение категории: буржуазная революция,—пишет Ленин.—В их рассуждениях постоянно сквозит мысль, будто буржуаз-

* Протоколы III съезда, стр. 523.

ная революция есть такая революция, которая может дать лишь то, что выгодно буржуазии. А между тем ничего нет ошибочнее такой мысли... Но совершенно нелепа мысль, что буржуазная революция не выражает вовсе интересов пролетариата...

Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм»*.

Ленин в ряде статей до 1905 г. показал антиреволюционную природу русской буржуазии. Если на арену политической борьбы выступает рабочий класс как самостоятельная политическая сила (особенно в эпоху империализма), то буржуазия уже не может быть революционным классом. Следует учесть, что русская буржуазия и экономически связана с самодержавием (казенные заказы, купеческие земли и т. п.). Боясь победы революционного пролетариата, который борется за такую победу над царизмом, которая немедленно перерастала бы в социалистическую революцию, буржуазия идет на сделку с царским строем. Ленин учил—и опыт революции 1905 г. это подтвердил,—что по мере того, как пролетариат будет переводить всеобщую забастовку в вооруженное восстание, буржуазия полностью покажет свою контр-революционную сущность. III съезд партии сказал, что, не отказываясь использовать либеральную буржуазию, когда она выступает оппозиционно против царизма, нужно вместе с тем давать классовую оценку русского либерализма, как контр-революционного класса.

Меньшевики на своей Женевской конференции вынесли резолюцию «Об отношении к другим революционным и оппозиционным партиям». В этой резолюции подтверждается потресовская резолюция о либералах второго съезда. Вместо классовой оценки либерализма вновь ставится ряд дополнительных условий для соглашения с *ипм. Помочь либеральной*

* Ленин, т. VIII, стр. 56—57.

буржуазии стать крепко на ноги и подчинить своему влиянию рабочий класс—такова линия меньшевиков.

Ленин вскрыл буржуазную сущность «меньшевистской тактики». Меньшевистская конференция в своей резолюции «идет рядом с либеральной и монархической буржуазией». III съезд большевистской партии «своей резолюцией сознательно поднимает до своего уровня способные на борьбу, а не на мажорство, элементы революционной демократии»*.

«Есть буржуазная демократия и буржуазная демократия. И земец-монархист, сторонник верхней палаты, «запрашивающий» всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку заключающий с царизмом сделку насчет куцой конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, «наивно-республикански» предлагающий «прогнать царя», есть тоже буржуазный демократ»**.

У большевиков—союз пролетариата с крестьянством, при руководстве рабочего класса. У меньшевиков—союз с буржуазией, отказ от гегемонии пролетариата, от союза с крестьянством. Меньшевики предлагают плестись в хвосте либеральной и монархической буржуазии.

На III съезде стоял вопрос «О практических соглашениях с социалистами-революционерами». В резолюции III съезда подтверждается решение II съезда о том, «что «социалисты-революционеры» являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны Социал-Демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще. Принимая затем во внимание, что свои буржуазные тенденции «социалисты-революционеры» преследуют под флагом социализма... Съезд считает их деятельность вредной не только для политического развития пролетариата, но и для обще-демократической борьбы

* Ленин, т. VIII, стр. 54.

** Там же, стр. 59.

против абсолютизма»*. С партией «социалистов-революционеров» возможны лишь частичные соглашения на отдельных этапах борьбы с царизмом, причем эти соглашения должны проходить под контролем Центрального комитета.

IX. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

На III съезде стоял вопрос «*Об отношении рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях*». Большевики, продолжая дело экономистов, пытались сеять вражду и недоверие между членами партии рабочими и интеллигентами. Большевики, будучи мелкобуржуазными интеллигентами, преклоняющимися перед стихийностью рабочего движения и не терпящими пролетарской дисциплины, были проводниками буржуазного влияния в рабочем классе. Большевикская партия выражает общеклассовые интересы пролетариата. Большевикская партия—рабочая партия. И поэтому Ленин предлагает больше рабочих вводить в комитеты. Ленин заявил на III съезде:

«Я давню уже в своих печатных произведениях советовал, чтобы в Комитеты вводили рабочих в возможно большем числе... Вводить рабочих в Комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших Комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих. Если совет, высказанный в литературе,—по возможности вводить рабочих в Комитеты,—оказался недостаточным, то было бы целесообразно, чтобы такой совет был высказан от имени Съезда. Если вы будете иметь ясную и определенную директиву Съезда, то вы будете иметь радикальный способ для борьбы с демагогией: вот ясная воля Съезда»**.

* Протоколы III съезда, стр. 525.

** Там же, стр. 297.

Ряд делегатов, исходя из ленинских указаний, говорили на съезде, что надо изменить методы работы, включать в работу комитетов больше рабочих-партийцев. Делегат Посталовский (Михайлов) в своем выступлении сказал: «На практике к интеллигентам предъявляют очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие». Ленин бросил реплику: *«Совершенно верно»*.

После съезда большевистские комитеты проделали большую работу по подготовке кадровиков рабочих-партийцев и их включили в работу партийных комитетов.

На III съезде был принят устав партии. Большевики боролись за боевую пролетарскую партию нового типа, поэтому еще на II съезде Ленин требовал записать в уставе, что каждый член партии входит в партийную организацию и выполняет все ее указания. Ленин заботился об укреплении рабочего ядра партии. Ленин говорил: лучше один работающий в партии, чем десять болтающих или шатающихся. Для большевиков организационный вопрос всегда подчинен задачам политической борьбы. В 1902 г. Ленин писал, что рабочий класс России должен выполнить величайшую задачу мировой социалистической революции, но что эта задача будет разрешена только при условии, если во главе рабочего класса будет стоять централизованная партия. На II съезде была принята мартовская формулировка первого параграфа устава, которая облегчала зачисление партии мелкобуржуазными элементами и не делала партию боевым авангардом рабочего класса. III съезд отменил мартовскую формулировку первого параграфа устава и принял первый параграф в ленинской формулировке, который гласил:

«Членом Партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий Партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций».

Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается ежегодно Центральным комитетом партии. Ц. К. назначает редактора Ц. О. из своей среды.

На съезде стоял вопрос: создать ли *единый центр*, который назначит из своей среды редакцию Ц. О.,—или сохранить систему двух центров: Ц. К. и Ц. О. и согласовывающий работу этих центров—Совет партии (как было после II съезда). Съезд большинством голосов высказался за *единый центр*. Нужна полная спаянность в работе Ц. К.

На III съезде стоял вопрос «*О пропаганде и агитации*». Громадный рост социал-демократической работы, необходимость руководства всеми формами революционной борьбы пролетариата требуют подготовки больших кадров агитаторов и пропагандистов из рабочих-партийцев. Партия всегда уделяла большое внимание партийно-воспитательной работе. Теория марксизма является руководством к боевым действиям. Вооружить революционной теорией партийные кадры, особенно рабочих-партийцев,—эту задачу поставил III съезд. В последующий период партия ее разрешила.

III съезд постановил, что для обсуждения вопросов партийной работы Ц. К. должен созывать партийные конференции. (I партийная конференция состоялась в декабре 1905 г. в Таммерфорсе (Финляндия). На этой конференции участвовал товарищ Сталин и сделал сообщение о положении в Закавказье.)

III съезд постановил, что Ц. К. и местные комитеты должны регулярно осведомлять партийные организации о всех общепартийных и местных делах, поскольку этому не препятствуют конспиративные соображения. Ввиду того, что «Искра» ведет оппортунистическую линию, она не может быть центральным органом партии, и III съезд поручил Ц. К. создать новый центральный орган, дав ему имя «Пролетарий». Редактором «Пролетария» избран был В. И. Ленин.

III съезд принял резолюцию «Об отколовшейся части партии». Меньшевики являются оппортунистической партией, преклоняются перед стихийностью рабочего движения. В вопросах тактических меньшевики стремятся сузить размах партийной работы, высказываются против независимой партийной тактики по отношению к буржуазным партиям, выступают

против руководящей роли пролетарской партии в народном восстании и во Временном революционном правительстве. Поэтому III съезд предложил вести идейную борьбу с этим оппортунистическим течением—меньшевизмом.

Ленин внес следующую поправку к резолюции о меньшевистских организациях:

«Принимая во внимание возможность того, что некоторые меньшевистские организации откажутся признать решения съезда, съезд предлагает Ц. К. распускать такие организации и утверждать параллельные им и подчиняющиеся съезду организации, как комитеты, но лишь после того, как тщательным выяснением будет вполне установлено нежелание меньшевистских организаций и комитетов подчиниться партийной дисциплине»*.

Эта резолюция была принята и по постановлению съезда отнесена к резолюциям, не подлежащим опубликованию.

Две партии, которые существуют с 1903 г., в революцию 1905 г. имели две разные платформы. Решения III большевистского съезда дали четкие установки на организацию революционных сил для победы над царизмом. Решения меньшевистской Женевской конференции взяли линию на отказ от самостоятельности пролетарской политики в революции, на подчинение пролетариата либеральной буржуазии, линию на «мирное» капиталистическое развитие России.

Решения III съезда были направлены против оппортунистов в российском и международном рабочем движении и продолжали линию на раскол с оппортунизмом в международном масштабе.

Вот почему лидеры II Интернационала в своих печатных органах помещали материалы меньшевистской конференции, были солидарны со всеми ее решениями и отказывались печатать резолюции III большевистского съезда. Ленин в июле 1905 г. в письме в секретариат Международного социалистического бюро писал следующее:

* «Ленинский сборник» XXVI, стр. 228.

«Так как Международное Бюро считает возможным черпать сведения в «некоторых немецких газетах», я вынужден заявить, что почти все немецкие социалистические газеты, а особенно «Die Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung» стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, напр., тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в которой она защищала дезорганизацию в партии. В «Leipziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций III съезда! После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социал-демократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах Российской социал-демократии»*.

Революционные события 1905 г.—рабочее, крестьянское и национально-революционное движение—полностью подтвердили правильность большевистской линии в революции.

Всеобщая октябрьская забастовка была подготовлена работой большевистской партии. Всеобщая забастовка показала силу и мощь рабочего движения и заставила царское правительство издать манифест 17 октября 1905 г. о предоставлении народу кое-каких политических свобод и о созыве Государственной думы. Это была уловка со стороны царского правительства, чтобы затормозить революционное движение. Большевики призывали продолжать борьбу до полного свержения царизма через вооруженное восстание. В Москве в декабре 1905 г. большевики превратили всеобщую забастовку в вооруженное восстание. Это была реализация решений III съезда. Вооруженное восстание показало героизм московского пролетариата. Восстание в Москве показало, что только при умелой организации и твердом руководстве восстанием, в соединении вооруженной борьбы рабочих и крестьян, при-

* Ленин, VIII, стр. 11—12.

соединении к революционному народу войска—только при этих условиях вооруженное восстание победит.

«Незабвенный героизм московских рабочих,—писал Ленин,— дал образец борьбы всем трудящимся массам России...» На уроках декабря 1905 г. учился российский и мировой пролетариат.

Решения III большевистского съезда мобилизовали партию на борьбу с царизмом. Революция 1905 г. была генеральной репетицией Октябрьской революции 1917 г. Опыт революционных битв рабочего класса и крестьянства в 1905 г., работа большевистской партии подготовили победу революции 1917 г., победу диктатуры пролетариата.

Товарищ Сталин писал, что достоинство ленинского плана в революции 1905 г. «состояло в том, что он, прямо и решительно формулируя классовые требования пролетариата в эпоху *буржуазно-демократической революции* в России, облегчал переход к революции социалистической, носил в себе в зародыше идею *диктатуры пролетариата*. В борьбе за этот тактический план большинство русских практиков пошло за Лениным решительно и бесповоротю. Победа этого плана положила фундамент той революционной тактике, благодаря которой потрясает ныне наша партия оковы мирового империализма»*.

Тридцать лет прошло со времени III съезда большевистской партии. Тридцать лет отделяют нас от этой исторической даты. Минувшие годы были годами, когда история на каждом шагу развития революции блестяще подтверждала теоретические установки учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Эти годы были для большевиков годами непрерывной борьбы с врагами рабочего класса и оппортунистами всяческих мастей за победу революции.

Пролетариат, руководимый большевистской партией, свергнул власть царизма, совершил первую в мире социалисти-

* Сталин, О Ленине.

ческую революцию, свергнув власть буржуазии и установив диктатуру пролетариата на одной шестой части земного шара. Он высоко поднял знамя социализма. Пролетариат и трудящиеся Советского союза победоносно строят социализм, претворяя в жизнь великое учение Маркса—Ленина. Пролетариат и угнетенные народы всего мира с восторгом смотрят на наше великое строительство и, вдохновляемые нашим примером и нашей борьбой, неустанно ведут борьбу с капитализмом, готовясь к последнему и решительному бою.

За эти тридцать лет партия под руководством Ленина—Сталина прошла славный героический путь, выросла в могучую, непобедимую силу, стоящую во главе первого в мире пролетарского государства, победоносно строящего социализм.

Ленинские боевые традиции—борьба за революционную политику пролетариата, за четкие лозунги, мобилизующие массы на борьбу за окончательную победу социализма, за полный разгром классового врага и оппортунистов всех мастей—агентуры контр-революционной буржуазии в рядах партии,—эти традиции с честью выполняет наша партия под руководством товарища Сталина.

СТАТЬИ И РЕЧИ
В. И. ЛЕНИНА
О ТРЕТЬЕМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленина) равно чтению чужого письма.

Для понимания дальнейшего скажу прежде всего о составе съезда, хотя это и будет отчасти забеганием вперед. Решающих голосов на съезде было 51 (33 делегата с 1 голосом и 9 с двумя, 9 «двуруких»). Совещательных голосов, если я не ошибаюсь, 10, всего значит 52 человека. Политическая группировка этих голосов, как она выяснилась в течение *всего* съезда, такова: решающие голоса — 5 бундовских, 3 рабочедельских (2 от Союза Русских Социал-Демократов за границей и 1 от Питерского Союза Борьбы), 4 южнорабоченца (2 от группы Южный Рабочий и 2 от Харьковского Комитета, вполне солидарного с Южным Рабочим), 6 нерешительных, колеблющихся («болото», как звали их — в шутку, конечно, — *все* искряки), затем около 33 искровцев, более или менее твердых и последовательных в своем искрянстве. Эти 33 искровца, которые, будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на съезде, раскололись, в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце съезда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев «мягкой», вернее, «зигзаговой» линии (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), искровцев, стоявших (как ниже будет видно) за справедливость, за равнодействующую etc., и около 24 голосов искровцев твердой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии.

Повторяю, такая группировка окончательно сложилась и вполне выяснилась лишь *post factum**, в конце съезда (имевшего до 40 заседаний!), и я забегаю вперед, очерчивая эту группировку вначале. Оговорюсь также, что группировка эта дает лишь *приблизительное* число голосов, ибо по отдельным мелким вопросам (а однажды, в вопросе о «равноправии языков», о чем ниже, и по крупному поводу) голоса нередко разбивались, часть воздерживалась, группировки смешивались и т. д.

Состав съезда определен был предварительно Организационным Комитетом, который имел право, по уставу съезда, приглашать на съезд кого найдет нужным, с совещательным голосом. На съезде была выбрана, с самого начала, комиссия для проверки мандатов, в которую (комиссию) перешло все и вся, относящееся к составу съезда. (В скобках сказать, и в эту комиссию вошел бундист, который, измором брал всех членов комиссии, задержав их до 3-х часов ночи и оставшись все же «при особом мнении» *по каждому вопросу*).

Начался съезд при мирной и дружной работе всех искряков, между которыми оттенки в мнениях были, конечно, всегда, но наружу эти оттенки, в качестве политических разногласий, не выступали. Кстати заметим наперед, что раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдаленно, с этим расколом.

Довольно важным актом в самом начале съезда был выбор *бюро* или *президиума*. Мартов стоял за выбор 9 лиц, которые бы на каждое заседание выбирали по 3 в бюро, причем в состав этих 9-ти он вводил даже бундиста. Я стоял за выбор только трех на весь съезд, и притом трех для «держания в строгости». Выбраны были: Плеханов, я и товарищ Т (о нем часто будет идти речь ниже—искровец твердой линии, член

* — впоследствии. *Ред.*

О. К.). Этот последний прошел, впрочем, небольшим большинством голосов против одного южнорбоченца (тоже члена О. К.). Разногласие между мюю и Мартовым по вопросу о бюро (разногласие, характерное с точки зрения всего дальнейшего) не повело, однако, ни к какому расколу или конфликту: дело уладилось как-то мирно, само собою, «по-семейному», как улаживались большею частью вообще дела в организации Искры и в редакции Искры.

К началу же съезда относится (тайное и неформальное, конечно) заседание организации Искры по вопросу о ее мандатах на съезде. Заседание пришло равным образом к мирному, «полюбовному» решению вопроса. Я отмечаю это заседание лишь потому, что считаю характерным, во-1-х, дружную работу искряков в начале съезда, а, во-2-х, их решение прибегать, в случаях сомнительных и спорных, к авторитету организации Искры (вернее, членов организации Искры, присутствовавших на съезде), причем, конечно, обязательного значения голосования этих собраний не имели, ибо правило: «императивные мандаты отменены», каждый может и обязан вотировать на съезде по своему личному, свободному убеждению, без всякого подчинения какой бы то ни было организации,— это правило, говорю я, всеми искряками признавалось, и в начале чуть ли не каждого заседания Искры громко провозглашалось председателем.

Далее. Первым инцидентом на Съезде, который вскрыл, что не все обстоит ладно среди искряков, и который послужил «завязкой» финальной драмы (или трагикомедии?), явился пресловутый «инцидент с О. К.». На этом инциденте надо остановиться подробно. Он имел место еще тогда, когда съезд занят был своим собственным конституированьем, когда обсуждался еще регламент съезда (поглотивший, кстати сказать, тому времени в силу обструкции бундистов, не упускавших случая намеренно и ненамеренно затормозить где можно и чем можно). Суть инцидента с О. К. состояла в том, что О. К., с одной стороны, отклонил еще до съезда протест «Борьбы»

(группы Борьбы), требовавшей допущения на съезд, и поддержал это отклонение в комиссии по проверке мандатов, а, с другой стороны, тот же О. К. внезапно заявил *на съезде*, что он приглашает с совещательным голосом Рязанова. Разыгрался этот инцидент следующим образом.

Еще до начала заседаний съезда Мартов сообщил мне конфиденциально, что член организации Искры и член О. К. (назовем это лицо буквой N) решил настаивать в О. К. на приглашении с совещательным голосом на съезд одного лица, которое сам Мартов не мог характеризовать иначе, как терминном «перебежчик». (Лицо это, действительно, склонялось одно время к Искре, с тем, чтобы впоследствии и притом через несколько недель, перейти на сторону Рабочего Дела, хотя и находившегося уже тогда в стадии полнейшего упадка). Мы поговорили об этом с Мартовым, оба возмущенные тем, что член организации Искры делает такой шаг, сознавая, конечно (ибо Мартов предупреждал товарища N), что этот шаг есть прямой удар в лицо Искре, и не считая тем не менее нужным посоветоваться с организацией. N действительно внес свое предложение в О. К., но это предложение было отклонено благодаря горячему протесту товарища Т, обрисовавшего всю переменчивую политическую фигуру «перебежчика». Характерно, что Мартов не мог уже тогда, по его словам, даже говорить с N, несмотря на прежние хорошие личные отношения: настолько поражен он был этим шагом. Стремление N бросать палки под колеса Искре выразилось еще и в принятом при его поддержке выговоре редакции Искры со стороны О. К.,—выговоре, который касался, правда, очень мелкого случая, но тем не менее возбудил сугубое негодование Мартова. Сообщения из России, переданные мне тоже Мартовым, указывали к тому же на тенденцию N пускать слухи о розни между искровцами заграничными и русскими. Все это настраивало искровцев самым недоверчивым образом по отношению к N, а тут еще подоспел такой факт. О. К. отклонил протест «Борьбы», члены О. К. (Т и N),

приглашенные в комиссию проверки мандатов, равным образом высказались оба (*и N в том числе!!!*) против «Борьбы» самым решительным образом. Тем не менее О. К. устроил внезапно, во время перерыва одного утреннего заседания съезда, свое заседание у «окошка» и решил на этом заседании пригласить с совещательным голосом Рязанова! *N был за приглашение*. Т, конечно, безусловно против, заявляя притом о незаконности такого решения О. К. после того, как вопрос о составе съезда передан уже в особую, съездом выбранную, комиссию по проверке мандатов. Конечно, южно-рабоченские члены О. К. + бундист + N провалили товарища Т, и решение О. К. состоялось.

Т известил об этом решении редакцию Искры, которая (не в полном составе, но с участием Мартова и Засулич), конечно, постановила единогласно выступить на борьбу с О. К. на съезде, ибо многие искряки уже высказались публично на съезде против «Борьбы», и отступить в этом вопросе было невозможно.

Когда О. К. (в послеобеденном заседании) заявил съезду о своем решении, Т заявил в свою очередь о своем протесте. Южно-рабоченский член О. К. обрушился тогда на Т, обвиняя его в нарушении дисциплины (!), ибо О. К. постановил на съезде этого не раскрывать (*sic!*). Понятно, что мы (Плеханов, Мартов и я) обрушились тогда со всей энергией против О. К., обвиняя его в восстановлении императивных мандатов, в нарушении суверенности съезда и т. д. Съезд встал на нашу сторону, О. К. был разбит, была принята резолюция, отнимающая у О. К. в качестве коллегии право влиять на состав съезда.

Таков был «инцидент с О. К.». Во-1-х, он окончательно подорвал у многих искряков политическое доверие к N (и укрепил доверие к Т), во-2-х, он не только доказал, но и *показал* воочию, как шатко еще искровское направление даже в таком центральном, архи-будто бы-искровском, учреждении, как О. К. Стало ясно, что кроме бундиста в О. К. есть еще 1) южно-

рабоченцы с их особой политикой; 2) «искровцы, стыдящиеся быть искровцами», и только *частью* (3) искровцы, сего не стыдящиеся. Когда южно-рабоченцы пожелали объясниться с редакцией Искры (приватно, конечно) по поводу этого печального инцидента—*товарищ N, очень важно заметить это, не выразил тогда никакого желания объясниться*,—то редакция объяснялась с ними, причем я прямо сказал южнорабоченцам, что съезд вскрыл окончательно этот крупный политический факт: наличие в партии многих искровцев, стыдящихся быть искровцами, и способных, просто в пику Искре, выкинуть такое коленце, как приглашение Рязанова. Со стороны N меня так возмутило это коленце, после речи N в комиссии *против* Борьбы, что я публично на съезде сказал: «товарищи, бывавшие на зарубежных конгрессах, знают, какую бурю возмущения вызывают всегда там люди, говорящие в комиссиях одно, а на съезде другое». Такие «искровцы», которые боялись бундовских «упреков», что они «ставленники Искры», и *из-за этого только* выкидывали *политические коленца* против Искры, не могли, разумеется, вызывать доверия к себе.

Общее недоверие искровцев к N возросло в громадной степени, когда попытка Мартова объясниться с N привела к *заявлению N о выходе его, N, из организации Искры!!* С этого момента «дело» об N переходит в организацию Искры, члены которой были возмущены *таким* выходом, и организация имела 4 заседания по этому вопросу. Заседания эти, особенно последнее, чрезвычайно важны, ибо в них окончательно сформировался раскол внутри искряков по вопросу, *главным образом*, о составе Ц. К.

Но прежде чем перейти к рассказу об этих (приватных и неформальных, повторю еще раз) заседаниях организации Искры, скажу о работах съезда. Работы эти велись дружно тем временем, в смысле единого выступления всех искряков, и по 1-му пункту порядка дня (место бунда в партии) и по 2-му (программа) и по 3-му (утверждение Ц. О. партии). Согласие искровцев обеспечивало крупное сплоченное большинство

на съезде (компактное большинство, как выражались бундовцы с огорчением!), причем «перешителыные» (или «болото») и южюрабоченцы и тут не раз проявляли себя в мелочах своей полной неустойчивостью. Политическая группировка не вполне искровских элементов съезда выяснялась все более и более.

Возвращаюсь к заседаниям организации Искры. На первом заседании было решено попросить у N объяснений, представив этому N указать, в каком составе организации Искры он, N, хочет с ней объясняться. Я решительно протестовал против такой постановки вопроса, требуя отделения политического вопроса (о недоверии искряков к N на данном съезде в политическом отношении) и личного вопроса (назначить комиссию для расследования причин странного поведения N). На 2-ом заседании было доложено, что N хочет объясняться без T, хотя N намерен, де, не говорить ничего лично о T. Я протестовал вторично, отказываясь от участия в таком объяснении, когда нечлен организации устраняет, хотя бы на секунду, члена, говоря однако не о нем; я видел в этом недостойную игру, и пощечину, наносимую N-ом организации: N не доверяет организации даже на столько, чтобы ей предоставить определить условия объяснения! В 3-ем заседании имело место «объяснение» N, объяснение, которое *не удовлетворило* большинство участников объяснения. 4-ое заседание произошло при полном составе всех искряков, но этому заседанию *предшествовал* ряд важных эпизодов съезда.

Во-первых, стоит отметить эпизод с «равноправием языков». Дело шло о принятии программы, о формулировке требования равенства и равноправности в отношении языков. (Каждый пункт программы обсуждался и принимался отдельно, бундисты чинили тут *отчаянную* obstruction и чуть ли не $\frac{2}{3}$ съезда, по времени, ушло на программу!). Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что Искра не хочет «равноправия языков»,—тогда как

на деле редакция Искры не хотела лишь этой, неграмотной, по ее мнению, несуразной и лишней формулировки. Борьба вышла отчаянная, съезд разделился *пополам*, на две равные половины (кое-кто воздерживался): на стороне Искры (и редакции Искры) было около 23-х голосов (может быть 23—25, не помню точно), и столько же против. Вопрос пришлось отложить, сдать в комиссию, которая нашла формулу, принятую всем съездом *единогласно*. Инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма, вскрыл окончательно шаткость и нерешительных (которых именно тогда, если не ошибаюсь, и именно искровцы мартовского толка *сами* прозвали *болотом!*) и южноробоченцев, которые все были против Искры. Страсти разгорелись отчаянно и *резкие* слова бросались *без числа* против южноробоченцев искряками, *особенно мартовцами*. Один «лидер» мартовцев чуть до скандала не дошел с южноробоченцами во время перерыва, и я поспешил тогда возобновить заседание (по настоянию Плеханова, боявшегося драки). Важно отметить, что и из этих, наиболее стойких, 23 искряков, мартовцы (т.е. позднее пошедшие за Мартовым искряки) были в *меньшинстве*.

Другой эпизод—борьба из-за § 1 «устава партии». Это был уже п. 5-ый Tagesordnung'a*, близко к концу съезда. (Принята была, по п. 1, резолюция против федерализма; по п. 2—программа; по п. 3-му признание Искры центральным органом партии**, по п. 4-му выслушаны «делегатские до-

* — порядка дня. *Ред.*

** Очень важно иметь в виду, что в Tagesordnung съезда, принятом по моему докладу в *О.К.* и *утвержденном съездом*, стояли 2 отдельных пункта: п. 3. «Создание Ц.О. партии или утверждение такового» и п. 24. «Выборы центральных учреждений партии». Когда один рабочеделец спросил (по п. 3), кого мы утверждаем, заголовок, что ли? редакции мы не знаем даже!, то *Мартов* взял слово и объяснил, что утверждается *направление* «Искры», независимо от состава лиц, что состав редакции этим отнюдь не предрешается, ибо выборы центральных

клады», часть их, а остальная сдана в комиссию, ибо выяснилось, что у съезда не остается уже времени (денежные средства и личная сила были исчерпаны).

Пункт 1-ый устава определяет понятие члена партии. В моем проекте это определение было таково: «Членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов же вместо подчеркнутых слов предлагал сказать: *работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*. За мою формулировку стал Плеханов, за мартовскую—остальные члены редакции (за них говорил на съезде Аксельрод). Мы доказывали, что необходимо *сузить* понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения организационного хаоса, для устранения такого безобразия и такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за *расширение* партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой—расплывчатой организации и т. д. Курьезно, что почти все сторонники Мартова ссылались, в защиту своих взглядов, на «Что делать?»! * Плеханов горячо восстал против Мартова, указывая, что его жореснистская формулировка открывает двери оппортунистам, только и жаждущим этого положения в партии и вне организации. «Под контролем и руководством»—говорил

учреждений предостоят по п. 24, и всякие императивные мандаты отменены.

Эти слова Мартова (по п. 3, до раскола искряков) очень и очень важны.

Разъяснение Мартова вполне соответствовало *общему* нашему пониманию значения п. 3 и п. 24 Tagesordnung'a:

После 3-го пункта Мартов в речах не раз даже употреблял на съезде выражение: *бывшие* члены редакции «Искры».

* См. IV том Сочинений, стр. 359 *Ред.*

и—означают на деле не больше и не меньше, как: *без всякого контроля и без всякого руководства*. Мартов одержал тут победу: принята была (большинством около 28 голосов против 23 или в этом роде, не помню точно) его формулировка, *благодаря* бунду, который, конечно, сразу смекнул, где есть щелочка, и всеми своими *пятью* голосами провел «что похуже» (делегат от Рабочего Дела именно так и мотивировал свой вотум за Мартова!). Горячие споры о § 1 устава и баллотировка еще раз выяснили политическую группировку на съезде и показали наглядно, что бунд + Рабочее Дело могут *решить судьбу* любого решения, поддерживая меньшинство искровцев против большинства.

После споров и баллотировки § 1 устава имело место *последнее* (4-ое) заседание организации Искры. Разногласие между искряками по вопросу о личном составе Ц. К. выяснилось уже вполне и вызвало раскол в их рядах: одни стояли за искровский Ц. К. (в виду распускания организации Искры и Группы Освобождение Труда и необходимости доделать искровское дело), другие—за допущение и южнорбоченцев и за преобладание искровцев «зигзаговой линии». Одни были безусловно против кандидатуры N, другие за. Чтобы последний раз попытаться столкнуться, и собрали это *собрание 16-ти* (членов организации Искры, причем считались, повторяю, и совещательные голоса). Голосование дало такие результаты: против N—9 голосов, за—4, остальные воздержались. Затем большинство, не желая все же *войны* с меньшинством, предложило список примирения, из 5 лиц, в том числе 1 южнорбоченец (угодный меньшинству) и один боевой член меньшинства, остальные же искровцы последовательные (из коих—это важно—один участвовал в съездовой драке лишь в конце ее, и был собственно беспристрастен, двое же не участвовали в драках вовсе и были в личном вопросе абсолютно беспристрастны)². За этот список поднялось 10 рук (потом прибавился еще один и стало 11), против—1 (только один Мартов!), остальные воздержались! Примирительный список, сле-

довательно, был сорван *Мартовым*. После этого вотировались еще 2 «боевых» списка той и другой стороны, но оба собрали лишь меньшинство голосов.

Итак, в последнем собрании организации Искры мартовцы *по обоим вопросам остались в меньшинстве*, и тем не менее они объявили войну, когда один член большинства (беспристрастный или председатель) пошел к ним после собрания, чтобы сделать последнюю попытку соглашения.

Расчет мартовцев был ясен и *верен*: бундовцы и рабочедельцы, несомненно, поддержали бы список *зигзаговой линии*, ибо за месяц заседаний съезда все вопросы так выяснились, все личности так обрисовались, что *ни единый* член съезда не затруднился бы выбрать: что лучше или какое из зол меньше. А для Бунда + Рабочее Дело, разумеется, зигзаговые искровцы были меньшим злом и всегда им будут.

После собрания 16-ти, когда искровцы окончательно разошлись и война между ними была объявлена, начинаются собрания двух партий, на которые раскололся съезд, т.е. частные, неофициальные свидания всех единомыслящих. Искровцы последовательной линии собирались сначала в числе 9 (9 из 16), потом 15, наконец 24, считая *решающие голоса, а не лиц*. Такой быстрый рост объяснялся тем, что списки Ц.К. стали уже ходить и списки мартовцев отгалкивали громадное большинство искряков сразу и бесповоротню, как списки дряблые: кандидаты, проводимые Мартовым, зарекомендовали себя на съезде с безусловно отрицательной стороны (вылянье, невыдержанность, бестактность etc.). Это, во-1-х; во-2-х, разъяснение искрякам того, что происходило в организации Искры, привлекало их в массе случаев на сторону большинства, и неуменье Мартова выдержать определенную политическую линию выяснилось для всех и каждого. Поэтому 24 голоса сплотились легко и быстро на последовательной искровской тактике, на списке в Ц.К., на выборе тройки в редакцию (вместо утверждения старой, неработоспособной и расплывчатой шестерки).

Съезд в это время кончил обсуждение устава, причем Мартов и К⁰ еще раз (и даже не раз, а несколько раз) *победили* большинство искряков при *близгородном содействии бунда + Рабочего Дела*—напр., по вопросу о кооптации в центры (вопрос этот решен был съездом *в духе Мартова*).

Несмотря на эту порчу устава, весь устав в целом был принят всеми искряками и всем съездом. Но после общего устава перешли к уставу бунда, и съезд отверг *подавляющим* большинством голосов предложение бунда (признать бунд *единственным* представителем еврейского пролетариата в партии). Кажется, один Бунд стал здесь почти против всего съезда. Тогда *бундисты ушли со съезда, заявив о выходе из партии*. У мартовцев убьло пять их верных союзников! Затем и рабочедельцы ушли, когда заграничная Лига русской революционной социал-демократии была признана *единственной* партийной организацией за-границей. У мартовцев убьло еще 2 их верных союзника! Получилось всего на съезде 44 (51 — 7) решающих голоса, и из них *большинство* последовательных искряков (24); коалиция же мартовцев с южнорабоченцами и с «болотом» вместе давала лишь 20 голосов.

Зигзаговой линии искровцев предстояло подчиниться,— как подчинялись, без единого слова, искровцы твердой линии, когда их *бил* и разбил Мартов коалицией с бундом. Но мартовцы зарвались уже до того, что вместо подчинения пошли на скандал и на раскол.

Скандалом было возбуждение вопроса об утверждении старой редакции, ибо достаточно заявления хоть одного редактора, чтобы съезд обязан был *рассмотреть* весь целиком вопрос о составе Ц. О., не ограничиваясь простым утверждением. Шагом к расколу был *отказ* от выбора Ц. О. и Ц. К.

Сначала о выборе редакции. В Tagesordnung'e стояло, как уже было указано выше, по п. 24: *выбор* центральных учреждений партии. А в *моем* комментарии к Tagesordnung (комментарий этот был известен *всем искрякам задолго до съезда и всем членам съезда*) стояло на полях: *выбор*

3-х лиц в Ц.О. и 3-х в Ц.К. Следовательно не подлежат никакому сомнению, что из недр редакции вышло требование выбирать тройку и *никем* из редакции опротестовано оно не было. Даже Мартов и другой лидер мартовцев защищали эти «две тройки» перед *целым рядом делегатов* еще до съезда.

Я лично, за несколько недель до съезда, заявил Староверу и Мартову, что потребую на съезде *выбора* редакции; я согласился на выбор 2-х троек, причем имелось в виду, что редакционная тройка *либо* кооптирует 7 (а то и больше) лиц, *либо* останется одна (последняя возможность была специально оговорена мною). Старовер прямо даже сказал, что тройка значит: Плеханов + Мартов + Ленин, и я *согласился* с ним,—до такой степени для всех и всегда было ясно, что только такие лица в руководители и могут быть выбраны. Надо было озлиться, обидеться и потерять голову после борьбы на съезде, чтобы прийти задним числом нападать на целесообразность и дееспособность тройки. Старая шестерка до того была недееспособна, что она *ни разу за три года* не собралась в полном составе—это невероятно, но это факт. *Ни один* из 45 номеров «Искры» не был составлен (в редакционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина. И *ни разу* не возбуждался *крупный* теоретический вопрос *никем* кроме Плеханова. Аксельрод не работал вовсе (0 = ноль статей в Заре и 3—4 во всех 45 №№ Искры). Засулич и Старовер ограничивались сотрудничеством и советом, *никогда* не делая чисто редакторской работы. Кого следует выбрать в *политические руководители*, в *центр*,—это было ясно как день для всякого члена съезда, после месячных его работ.

Перенесение на съезд вопроса об утверждении старой редакции было *нелепым провоцированием на скандал*.

Нелепым,—ибо оно было бесцельно. Если бы даже утвердили шестерку,—один член редакции (я, например) потребовал бы переборки коллегии, разбора внутренних ее отношений, и съезд обязан был бы начать дело сначала.

Провоцированием на скандал, — ибо *неутверждение* должно было быть понято как *обида*, — тогда как выбор заново ровнехонько ничего обидного в себе не включал. Выбирают Ц.К., — пусть выберут и Ц.О. Нет речи об утверждении О.К., — пусть не будет речи и об утверждении старой редакции.

Но понятно, что, *потребовав* утверждения, мартовцы *вызвали* этим протест на съезде, протест был воспринят как *обида*, оскорбление, *вышибание*, отстранение...

Редакция ушла со съезда на время обсуждения вопроса о выборе или утверждении. После отчаянно-страстных дебатов *съезд решил: старая редакция не утверждается**.

Только после этого решения *бывшие* члены редакции вошли в залу. Мартов встает тогда и отказывается от выбора *за себя* и за своих коллег, говоря всякие страшные и жалкие слова об «осадном положении в партии» (для невыбранных министров?), об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» (в роде лиц, от имени Искры подносящих ей Рязанова и говорящих в комиссии одно, на съезде другое?).

Я отвечал ему, указывая *невероятное смешение политических понятий*, приводящее к протесту против выбора, против переборки съездом коллегий должностных лиц партии.

Выборы дали: Плеханов, Мартов, Ленин. *Мартов опять отказался*. Кольцов (имевший 3 голоса) тоже отказался. Съезд принял тогда резолюцию, поручающую двум членам редакции Ц. О. кооптировать себе 3-го, *когда они найдут подходящее лицо*.

После этого выбраны три члена Ц.К. *и только один из них назван съезду* счетчиком записок, — а также выбран (тайно, записками) пятый член Совета Партии.

* Один мартовец держал *такую* речь при этом, что один делегат закричал после нее секретарю: вместо точки поставь в протоколе слезу! Защищали старую редакцию особенно горячо наиболее «*болотные*» люди.

Мартовцы и все «болото» за ними *не подавали записок* и подали об этом письменное заявление в бюро.

Это был явный шаг к расколу, к *сорванию съезда*, к непризнанию партии. Но когда один южноробоченец прямо и заявил, что *сомневается* (sic!) в законности решений съезда, то Мартов устыдился и опроверг его, *заявив публично, что в законности решений не сомневается.*

К сожалению, этим хорошим и лояльным словам Мартова не соответствовали его (и мартовцев) дела и поступки...

Съезд сдал затем в «протокольную комиссию» вопрос об опубликовании протоколов и принял 11 резолюций тактических:

- 1) о демонстрациях.
- 2) » профессиональном движении.
- 3) » работе среди сектантства.
- 4) » » учащейся молодежи.
- 5) » поведении на допросах.
- 6) » фабричных старостах.
- 7) » международном конгрессе 1904 г. в Амстердаме.
- 8) » либералах (Старовера).
- 9) » либералах (Плеханова).
- 10) » социалистах-революционерах.
- 11) » партийной литературе.

Затем съезд был закрыт председателем после краткой речи, напоминающей всем об обязательности решений съезда.

Рассматривая поведение мартовцев после съезда, их отказ от сотрудничества (*о коем редакция Ц.О. их официально просила*), их отказ от работы на Ц.К., их пропаганду бойкота,— я могу только сказать, что это безумная, недостойная членов партии попытка разорвать партию... из-за чего? Только из-за недовольства составом центров, ибо *объективно только на этом мы разошлись*, а субъективные оценки (в роде обиды, оскорбления, вышибания, отстранения, пятнавания etc. etc.) *есть плод обиженного самолюбия и больной фантазии.*

Эта больная фантазия и обниженное самолюбие приводят прямо к позорнейшим *сплетням*, когда, *не зная и не видя еще деятельности новых центров*, распространяют слухи об их «недееспособности», об «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича, о «кулаке» Ивана Никифоровича и т. д.

Доказывание «недееспособности» центров *посредством бойкота* их есть невиданное и неслыханное нарушение *партийного долга*, и никакие софизмы не могут скрыть этого: *бойкот есть шаг к разрыву партии.*

Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к *партийности* от кружковщины, к *сознанию революционного долга* от обывательщины, к *дисциплине* от действия путем сплетен и кружковых давлений.

Кто ценит партийную работу и *дело* на пользу социал-демократического рабочего движения, тот не допустит таких жалких софизмов, как «правомерный» и «любящий» бойкот центров, тот не допустит, чтобы дело страдало и работа останавливалась из-за недовольства десятка лиц на то, что в центр попали не те лица, которых имели в виду они, тот не допустит, чтобы на должностных лиц партии воздействовали приватно и тайно путем угрозы не-сотрудничать, путем бойкота, путем пресечения денежных средств, путем сплетен и лживых рассказней.

I.

Дорогой друг! Ты не можешь представить себе, какие вещи тут произошли,—это просто чорт знает что такое, и я заклинаю тебя сделать все, все возможное и невозможное, чтобы приехать вместе с Борисом, заручившись голосами остальных. Ты знаешь, я уже довольно опытен в партийных делах, и я категорически заявляю, что всякая отсрочка, малейшее промедление и колебание грозит гибелью партии. Вероятно, тебе расскажут подробно о всем. Суть—та, что Плеханов внезапно повернул, после скандалов на съезде Лиги, и подвел этим меня, Курца и всех нас отчаянно, позорно. Теперь он пошел, без нас, торговаться с мартовцами, которые, видя, что он испугался раскола, требуют вдвое и вчетверо, требуют не только шестерки, но и приема своих в Ц. К. (не говорят еще, скольких и кого), и двух своих в Совет и дезавуирования действий Ц. К. в Лиге (действий, совершенных целиком с согласия Плеханова). Плеханов жалко струсил раскола и борьбы! Положение отчаянное, враги ликуют и обнаглели, наши все в бешенстве. Плеханов грозит бросить все немедленно и способен сделать это. Повторяю, приезд необходим во что бы то ни стало.

II.

Смиту.

8/XI 03.

Дорогой друг! Еще раз настоятельно прошу приехать тебя, именно тебя, и затем еще одного-двух из Ц. К. Это безусловно и немедленно необходимо. Плеханов изменил нам, ожесточенне в нашем лагере страшное; все возмущены, что из-за скандалов в Лиге Плеханов позволил переделать решения партийного съезда. Я вышел из редакции окончательно. Искра может остановиться. Кризис полный и страшный. Имей в виду, что я теперь борюсь не за редакцию Ц. О., я вполне мирюсь с тем, чтобы Плеханов составил 5-ку без меня. Но я борюсь за Ц. К., который мартовцы, обнаглев после трусливой измены Плеханова, тоже хотят захватить, требуя кооптации туда своих и не говоря даже, в каком числе!! Борьба за редакцию Ц. О. проиграна безвозвратно в силу измены Плеханова. Единственный шанс мира: попытаться отдать им редакцию Ц. О. и отстоять за собой Ц. К.—Это очень не легко (может быть даже и это уже поздно), но надо попытаться. Необходим здесь именно Смит и лучше всего еще *двое* русских из Ц. К., самых внушительных (не дам) (например Борис и доктор). Плеханов грозит уходом, если Ц. К. не уступит: ради бога, не верьте его угрозам; его надо дожать, пугнуть. Надо, чтобы Россия восстала твердо за Ц. К., успокоившись передачей редакции Ц. О. Здесь необходимы новые люди из Ц. К., ибо иначе абсо-

лютию некому вести переговоры с мартовцами. Смит трижды необходим. Повторяю «условия» мартовцев: 1) переговоры от имени редакции Ц. О. и Ц. К., 2) 6 в редакции Ц. О., 3)? в Ц. К. Приостановка кооптации в Ц. К., 4) 2 места в Совете, 5) дезавуирование Ц. К. насчет Лиги, признание ее съезда законным. Это ведь условия мира, предлагаемые победителями побежденным!!

Собр. Соч., т. 17, стр. 108.

НЕПОСЛАННОЕ ПИСЬМО М. Н. ЛЯДОВУ

10/XI 03.

Дорогой Лидин! Хочется мне рассказать Вам о наших «политических новостях».

Вот для начала хронология последних событий. Среда (27. X или 28. X?)—третий день съезда Лиги. Мартов в истерике вопит на тему, что на нас «кровь старой редакции» (выражение Плеханова) и что со стороны Ленина было на съезде нечто в роде интриг и т. д. Я спокойно вызываю его письменно (заявлением в бюро съезда) выступить *открыто* перед всей партией с обвинениями против меня: я берусь *все* напечатать. Иначе, де, это простая Skandalsucht*. Мартов, конечно, «благородно ретируется», требуя (и теперь еще) третейского суда; я продолжаю требовать, чтобы он имел мужество открыто обвинять,—иначе я *игнорирую* все как жалкие сплетни.

Плеханов отказывается говорить вследствие недостойного поведения Мартова. Десяток наших подают заявление в бюро съезда, клеймя «недостойное поведение» Мартова, перенесшего спор на почву дрызг, заподозрений etc. В скобках сказать, моя двухчасовая речь об «историческом повороте тов. Мартова» на партийном съезде в сторону Versumpfung** не вызвала даже у мартовцев *ни* одного протеста за перенесение вопроса на почву дрызг.

Пятница. Мы решаем ввести в Лигу 11 новых членов; ве-

* — домогательство скандала. *Ред.*

** — болотность. *Ред.*

чером на частном собрании с этими «гренадерами» (как мы их в шутку звали) *Плеханов репетирует* все шаги, как мы разбиваем на голову мартовцев. Сцена. Гром аплодисментов.

Суббота. Ц. К. читает свое заявление о неутверждении устава Лиги и о незаконности собрания (заявление, раньше до тонкости, до буквы обсужденное с Плехановым). Все наши уходят со съезда при воплях мартовцев: «жандармы» etc.

Суббота вечером. Плеханов «сдал»: он не идет на раскол. Он требует начала мирных переговоров.

Воскресенье (1 XI). Я подаю Плеханову свою отставку письменно (не желая участвовать в таком развороте, как переделка партийного съезда под влиянием заграничного скандала; я уже не говорю о том, что и с чисто стратегической точки зрения нельзя было глупее выбрать момента для уступок).

3 XI. Старовер письменно сообщает начавшему переговоры Плеханову условия мира с оппозицией: 1) переговоры ведет редакция Ц. О. и Ц. К. 2) восстановление старой редакции Искры. 3) кооптация в Ц. К. в числе, определяемом при переговорах. Прекращение кооптации в Ц. К. с момента начала переговоров. 4) *2 места* (sic!) в Совете Партии и 5) признание законности съезда Лиги.

Плеханов не смущен. Он требует, чтобы Ц. К. уступил (III). Ц. К. отказывается и пишет в Россию. Плеханов заявляет, что уйдет, если Ц. К. не уступит. Я сдаю Плеханову (6 XI) *все* редакционные дела, убедившись, что Плеханов может отдать мартовцам не только газету, но и *весь Ц. К.* ни за что.

Положение дел: Искра едва ли выйдет в срок. Мартовцы ликуют по поводу их «победы». Все наши (кроме двух девиц Аксельрод, верных Плеханову даже в его Treulosigkeit*) отстраняются от Плеханова и на собрании (6 или 7 XI) говорят ему горькие истины (на тему о «втором Исари»).

Неправда ли, хорошо? Я не пойду в редакцию, но писать

* — вероломство. *Ред.*

буду. Наши хотят отстанвать, слико возможно, Ц. К. и продолжать усиленную агитацию против мартовцев—план, по моему, верный.

Пусть уходит Плеханов: тогда Совет Партии сдаст Искру комиссии и созовет экстренный съезд партии. Неужели, в самом деле, позволять заграничной Лиге большинством в 3—4 голоса *перделывать* партийный съезд?? Неужели прилично, доведя борьбу до величайшей огласки и почти разрыва, бить отбой и принимать диктуемые мартовцами условия мира??

Я бы хотел знать Ваше мнение.

Я думаю, что поступать à la Плеханов значит срывать партийный съезд и изменять его большинству. Я думаю, что мы всеми силами должны агитировать здесь и в России за подчинение партийному съезду, а не Лиговскому съезду.

Бойкот Искры (хотя бы и Мартовской), конечно, глупость. Да и не Мартовской, а пожалуй Плехановской она будет, ибо Засулич и Аксельрод быстро дадут Плеханову три голоса в пятерке. Это называется редакцией!! В дополнение к Вашему остроумному замечанию о Саровских мощах, привожу маленькую статистику: в 45 номерах шестерочной Искры из статей и фельетонов написано Мартовым 39, мной 32, Плехановым 24, Старовером 8, Засулич 6 и П. Б. Аксельродом 4. Это за три года! *Ни один №* не был составлен (в редакционно-техническом смысле) кем-либо кроме Мартова или меня. И теперь—в награду за скандал, в награду за отрезание Старовером одного крупного денежного источника—взять их в редакцию! Они боролись за «принципиальные разногласия»,—так выразительно превратившиеся в письме Старовера от 3 XI к Плеханову в подсчет, сколько местечек им надобно. И мы должны узаконить эту борьбу за местечки, заключить сделку с этой партией забракованных генералов или министров (*grève générale des généraux* *, как говорил Плеханов) или с партией истерических скандали-

* — всеобщая стачка генералов. *Ред.*

стов!! К чему тогда партийные съезды, если дела вершатся заграничным кумовством, истерикой и скандалами??

Еще о пресловутой «тройке», в которой истерический Мартов видит центр моего «интриганства». Вы помните, верно, еще со времен съезда мою программу съезда и мой комментарий к этой программе. Я бы очень хотел, чтобы *все члены партии знали этот документ*, и потому еще раз привожу Вам его в точности. «п. 23 (Tagesordnung). *Выборы Ц. К. и редакции Ц. О. партии.*»

Мой комментарий. «Съезд выбирает 3-х лиц в редакцию Ц. О. и 3-х в Ц. К. Эти 6 лиц *вместе*, по большинству $\frac{2}{3}$, дополняют, если это необходимо, состав редакции Ц. О. и Ц. К. кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения этого доклада съездом дальнейшая кооптация производится редакцией Ц. О. и Ц. К. отдельно.»

Неужели отсюда неясно, что тут проводится *обновление* редакции, *невозможное* без согласия Ц. К. (надо 4 из 6 для кооптации), при чем вопрос о расширении первоначальной 3-ки или оставлении ее *стоит открытым* (кооптируют «если это необходимо»)? Этот проект показан мною был *всем* (и Плеханову, конечно) до съезда. Разумеется, обновление было нужно в силу недовольства шестеркой (и особенно Плехановым, который фактически имел голос неучаствовавшего почти никогда П. Б. Аксельрода и податливой В. И. Засулич), разумеется в частном разговоре с Мартовым я *резко* выражал это недовольство, «ругал» и Плеханова (особенно) и Аксельрода и Засулич за капризы, предполагал и расширить 6-ку до 7-ки и т. д. Но не истерика ли это — переворачивать теперь эти частные разговоры и вопить, что «тройка была направлена против Плеханова», что я ставил Мартову «ловушку» etc.?? Конечно, когда мы согласны с Мартовым, тройка была бы против Плеханова, а когда Плеханов с Мартовым (по вопросу о демонстрациях, например), то против меня и т. д. Истерические вопли только прикрывают жалкую неспособность понять, что в редакции

должны быть исключительно настоящие, а не фиктивные редакторы, что это должна быть деловая, а не обывательская коллегия, что в ней *каждый* должен иметь по *каждому* вопросу *свое* мнение (чего никогда не бывало с тройкой невыбранных).

Мартов одобрил мой план 2-х троек, а когда увидел, что он обернулся в *одном* вопросе против него, Мартова, тогда он впал в истерику и завопил об интриганстве! Не даром Плеханов назвал его в кулуарах съезда Лиги «жалким человеком»!

Да... поганая, заграничная склока, вот что осилило решение большинства русских работников. И Плеханов изменил, отчасти боясь заграничного скандала, отчасти чувствуя (*может быть*), что в пятерке он сам-третьей будет...

Борьба за Ц. К., за скорый (летом) новый съезд—вот что нам остается.

Тетрадку мою раздобудьте*. Она была послана Полетаевым (Бауманом) Вечеслову *только* и лично. Шергов мог взять ее только жульнически, *только с нарушением доверия*. Прочтите ее всем, кому хотите, на руки никому не давайте и верните мне.

Вечеслова Вам надо вытеснить со всех позиций. Возьмите письмо себе от Ц. К., заявите себя перед Parteivorstand'ом** агентом Ц. К. и заберите *все* немецкие связи *целиком* в свои руки.

За брошюру Вашу очень виноват перед Вами⁴. Успел прочесть ее только раз. Она требует переделки, плана которой я не успел наметить.

Ваш Ленин.

Собр. Соч., т. VI, стр. 109 — 112.

* См. настоящий сборник, стр. 53. *Ред.*

** — Центральным Комитетом (германской соц.-дем. партии). *Ред.*

ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»^{*}

Письмо в редакцию «Искры».

Это—вовсе не личный вопрос. Это—вопрос об отношении большинства и меньшинства нашего партийного съезда. Я и обязан ответить на него немедленно и открыто, обязан не только потому, что делегаты из большинства осыпают меня запросами, но и потому, что статья «Наш съезд» в № 53-м «Искры» дала *совершенно неверное* освещение того не очень глубокого, но очень дезорганизирующего разделения между искровцами, к которому привел съезд.

Статья излагает дело так, что никто и с лупой не усмотрит в ней *ни одной* действительно серьезной причины разделения, никто не увидит и тени объяснения такого явления, как изменение в составе редакции Ц. О., никто не найдет и подобия уважительных причин моего выхода из коллегии. Мы разошлись по вопросу об организации центров партии,—говорит автор статьи,—по вопросу об отношении Ц. О. и Ц. К., о способе проведения централизма, о пределах и характере возможной и полезной централизации, о вреде бюрократического формализма.

В самом деле? А не *разошлись* ли мы по вопросу о личном составе центров, по вопросу о том, допустим ли из-за недовольства выбранным на съезде составом бойкот этих центров, дезорганизация практической работы, переделка решений партийного съезда в угоду некоторому *кружку* заграничных социал-демократов, вроде большинства Лиги?

* Это письмо в редакцию было послано мной в «Искру» тотчас после выхода № 53. Редакция отказалась поместить его в № 54, и я вынужден выступить с отдельным листком.

Вы прекрасно знаете, товарищи, что дело было именно так. Но громадное большинство наиболее влиятельных и наиболее деятельных партийных работников еще не знают этого, и я вкратце намечу основные факты,—вкратце потому, что вскоре будут опубликованы, судя по заявлению № 53 «Искры», полные материалы по истории нашего расхождения.

На нашем съезде, как справедливо указывают и автор занимающей нас статьи, и делегация Бунда в ее только что вышедшем отчете, было значительное большинство «искровцев», по моему счету около $\frac{3}{5}$ голосов даже до ухода делегатов Бунда и «Рабочего Дела». В первой половине съезда эти искровцы шли дружно вместе против всех анти-искровцев и непоследовательных искровцев. Особенно наглядно сказалось это на двух инцидентах первой половины съезда, важных для понимания нашего расхождения: на инциденте с О. К. и на инциденте с равноправием языков (в этом случае компактное большинство искровцев единственный раз понизилось с $\frac{3}{5}$ до $\frac{1}{2}$). Во второй половине съезда искровцы *начали* расходиться и *совсем* разошлись к концу его. Споры о параграфе 1 устава партии и о выборе центров показывают отчетливо характер этого расхождения: меньшинство искровцев (с Мартовым во главе) спланирует вокруг себя постепенно большее и большее число неискровцев и нерешительных элементов, противостоя большинству искровцев (среди которых были Плеханов и я). На параграфе 1 устава эта группировка еще не отлилась в окончательные формы, но все же голоса бундовцев и два из трех голосов рабочедельцев дают перевес искровскому меньшинству. На выборах центров искровское большинство (вследствие ухода со съезда пяти бундовских и двух рабочедельских голосов) становится большинством партийного съезда. И *только тут мы расходимся* в настоящем смысле слова.

Нас глубоко разделяет прежде всего состав Ц. К. Уже после инцидента с О. К., в самом начале съезда, искровцы горячо обсуждают кандидатуру разных членов (*и не-членов*) О. К. в Ц. К. и на неофициальных собраниях организации

«Искры», после долгих и жарких дебатов, отвергают одну из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех при трех воздержавшихся; приписывают десятью голосами против двух при четырех воздержавшихся список пяти, в который введен, *по моему предложению*, один лидер неискровских элементов и один лидер искровского меньшинства. Но меньшинство настаивает на том, чтобы иметь трех из пяти, и в силу этого терпит полное поражение на партийном съезде. Так же кончается великий бой, завязавшийся на съезде по вопросу об утверждении старой шестерки или выборе новой тройки в ред. Ц. О. *.

Только с этого момента расхождение становится настолько полным, что наводит на мысль о расколе; только с этого момента начинается невиданное до того на съезде воздержание меньшинства (которое превращается уже в настоящее «компактное» меньшинство) от голосования. Это расхождение все более обостряется после съезда. Недовольное меньшинство переходит к бойкоту, который тянется целые месяцы⁵. Что выросло на этой почве обвинения в бюрократическом формализме, в требовании беспрекословного, механического повиновения и т. п. пустяки являются лишь попыткой свалить с большой головы на здоровую, это ясно само собою, и достаточно иллюстрируется хотя бы следующим типичным случаем. Новая редакция (т.-е. Плеханов и я) приглашает сотрудничать всех старых редакторов, приглашает, конечно,

* Ввиду необъятного количества толков и кривотолков, возбужденных этой пресловутой «тройкой», замечу сейчас же, что еще задолго до съезда всем сколько-нибудь близко стоящим товарищам был известен мой комментарий к проекту Tagesordnung'a съезда. В комментарии этом, ходившем по рукам на съезде, значится: «Съезд выбирает трех лиц в редакцию Ц. О. и трех в Ц. К. Эти шесть лиц *вместе*, по большинству $\frac{2}{3}$, дополняют, если это необходимо, состав редакции Ц. О. и Ц. К. кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада дальнейшая кооптация производится редакцией Ц. О. и Ц. К. отдельно».

сначала без «формализма», словесно. Получает отказ. Тогда мы пишем «бумажку» (бюрократы!) к «уважаемым товарищам» и просим сотрудничать вообще и в частности *излагать свои разногласия на страницах редактируемых нами изданий*. Получаем формальное заявление о нежелании принимать *никакого участия в «Искре»*. Целые месяцы никто из не-редакторов и не работает в «Искре». Отношения становятся исключительно формально бюрократическими,—по чьей «инициативе»?

Начинается создание подпольной литературы, которая заполняет границу, пересылается по комитетам и начинает уже отчасти теперь возвращаться из России за границу. Доклад сибирского делегата, письмо — на о лозунгах «оппозиции», «Еще раз в меньшинстве» Мартова полны забавнейших обвинений Ленина в «самодержавии», в создании робеспьеровского режима казней (sic!), в устройстве политических похорон старым товарищам (это невыбор в центры есть похороны!) и т. д. Оппозиция ходом вещей влечется к подыскиванию таких «принципиальных» разногласий по организационным вопросам, которые не допускают совместной работы. Особенно треплют при этом пресловутого «пятого члена» в Совете партии. Совет представляется во всех указанных произведениях дипломатией или фокусом Ленина, орудием подавления русского Ц. К. заграничным Ц. О.—точь-в-точь, как изображает дело и делегация Бунда в своем отчете о съезде. Нечего и говорить, что это принципиальное разногласие—также же пустяки, как пресловутый бюрократический формализм: пятого члена выбирает съезд; следовательно, дело сводится к личности, заслуживающей наибольшего доверия большинства; а воля большинства партийного съезда всегда, при всякой организации партийных центров проявит себя подбором определенных лиц.

Как широко распространилась за границей вся этого рода литература, видно из того, что даже добрый Парвус пошел в поход против стремления соединять все нити в одной руке и «командовать» (sic!) рабочим из какой-нибудь Женевы (Aus

der Weltpolitik. V Jahrg. * № 48, 30-XI-03). Пройдет месяц, другой, прочтет наш новый противник самодержавия протоколы партийного и лиговского съезда и убедится, что легко стать смешным, принимая за чистую монету всякий Parteiklatsch **.

Апогеем военных действий оппозиции против центров явился съезд Лиги. Из протоколов его читатели увидят, правы ли были те, кто назвал его ареной для сведения счетов по партийному съезду, было ли в натиске оппозиции нечто такое, что провоцировало Ц. К. на меры совершенно исключительные (как выразился сам Ц. К., когда изменение в составе редакции подало надежду на установление мира в партии). Резолюции этого съезда показывают, какой характер имеют «принципиальные» разногласия по вопросу о самодержавном бюрократизме.

Атмосфера раскола после съезда Лиги надвинулась так грозно, что Плеханов решил кооптировать старую редакцию. Я предвидел, что оппозиция не удовлетворится этим, и считал невозможным переделывать решение партийного съезда в угоду *кружку*. Но еще менее считал я позволительным становиться поперек дороги возможному миру в партии, и поэтому вышел из редакции после № 51 «Искры», заявив при этом, что от сотрудничества не отказываюсь и не настаиваю даже на опубликовании о моем выходе, если установится добрый мир в партии. Оппозиция потребовала (не изменения несуществующей системы бюрократизма, формализма, самодержавия, механизма и пр., а) восстановления старой редакции, кооптации представителей оппозиции в Центральный Комитет, двух мест в Совете и признания законным съезда Лиги. Центр. Ком. предложил обеспечить мир, согласившись на кооптацию двух в Ц. К., на передачу одного места в Совете, на постепенность реорганизации Лиги. Оппозиция отвергла и эти условия. Редакция была кооптирована, а вопрос о мире остался открытым. Таково было положение дел ко времени выхода № 53 «Искры».

* — Из мировой политики. V год издания. *Ред.*

** — партийная дразга. *Ред.*

Что партия хочет мира и положительной работы, в этом вряд ли позволительно сомневаться. А такие статьи, как «Наш съезд», препятствуют установлению мира, препятствуют тем, что поднимают намеки и обрывки вопросов, которые непонятны и не могут быть понятны вне полного изложения всех перипетий расхождения, препятствуют тем, что сваливают вину заграничного кружка на наш практический центр, который занят тяжелой и трудной работой фактического объединения партии и который без того уже встречал и встречает слишком много помех на пути проведения централизма. Русские комитеты ведут борьбу против тормозящей всю работу дезорганизаторской деятельности и бойкота меньшинства. Резолюции в этом смысле уже присланы комитетами Петербургским, Московским, Нижегородским, Тверским, Одесским, Тульским, Северным Союзом.

Довольно с нас заграничного Literatengezänk*! Пусть послужит он теперь для практиков в России образчиком того, «чего не делать»! Пусть редакция Ц. О. партии призовет всех к прекращению всякого бойкота с какой бы то ни было стороны, к дружной работе под руководством Ц. К. партии!

* * *

А различие между оттенками искровцев? спросит читатель. Во-первых, ответим мы на это, различие состоит в том, что, по мнению большинства, можно и должно проводить свои взгляды в партии независимо от переделки личного состава центров. Всякий кружок, хотя бы рабочедельцев, имеет право, войдя в партию, требовать возможности высказывать и проводить свои взгляды, но ни один кружок, хотя бы и генералов, не вправе требовать представительства в центрах партии. Во-вторых, различие состоит в том, что, по мнению большинства, вина формализма и бюрократизма падает на того, кто своим отстранением от работы под руководством центров затруднил возможность неформалистического ведения дела.

* — дразги литераторов. Ред.

В-третьих, мне известно одно, и *только одно*, принципиальное разногласие по организационным вопросам, именно то разногласие, которое выразилось в прениях о параграфе 1 устава партии. Когда выйдут протоколы съезда, мы постараемся вернуться к этому вопросу. Мы покажем тогда, что формулировка Мартова была проведена неискровскими и quasi-искровскими элементами не случайно, а потому, что она делает шаг к оппортунизму, что этот шаг мы видим еще наглядней в письме — — на и в «Еще раз в меньшинстве»*. Протоколы покажут фактическую неверность того мнения автора статьи «Наш съезд», будто «спор при обсуждении устава партии сконцентрировался почти исключительно на вопросе об организации центр. учреждений партии». Как раз наоборот. Единственным действительно принципиальным спором, разделившим сколько-нибудь определенно обе «стороны» (т.-е. большинство и меньшинство искровцев), был спор о параграфе 1 устава партии. Споры же о составе Совета, о кооптации в центры и т. п. оставались спорами между отдельными делегатами, между мной и Мартовым и т. п., споры эти касались сравнительно очень частных деталей, не вызывали никакой определенной группировки искровцев, которые своим голосованием поправляли увлечения то одного, то другого из нас. Сводить к этим спорам источник разногласий по вопросам о способах проведения централизма, его пределах, характере и т. п., значит просто-на-просто прикрашивать позицию меньшинства и приемы борьбы за изменение личного состава центров, которую оно вело и которая одна только вызвала между нами расхождение в полном смысле слова.

Соб., Соч., т. VI, стр. 124 - 131.

* Тогда мы попросим также объяснить, что значат указания статьи «Наш съезд» на незаслуженное невнимание к неискровцам, на несоответствие строгих пунктов устава реальным отношениям сил в партии. К чему эти указания относятся?

Недавно состоялось частное собрание 22 членов Р.С.-Д.Р.П.—единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II-го партийного съезда; эта конференция обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием:

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь? Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет!

Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному объединенному действию превращается в мечту.

И все же мы считаем эту болезнь партии болезнью роста. Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней борьбы—в конфликте кружковщины и партийности. И потому, только покончивши с этой болезнью, наша партия может стать *действительно* партией.

Под именем «меньшинства» в партии силовались различные элементы, связанные сознательным или бессознательным стремлением удержать кружковые отношения, допартийные формы организации.

Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковой период действительно могли зачастую совпадать с ними,—целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного Комитета, члены прежней группы «Южный Рабочий» и др.).

Их союзниками оказались все те элементы, которые в теории или практике отклонялись от принципов строгого социал-демократизма, ибо только кружковщина могла сохранить идейную индивидуальность и влияние этих элементов, партийность же угрожала растворить их или лишить всякого влияния (экономисты, рабочедельцы и др.). Наконец, главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы нашей партии, которые являлись по преимуществу интеллигентскими. По сравнению с пролетариатом интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственно широкого объедине-

ния сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Заграничная часть партии, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция,— эта часть партии должна была оказаться наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы,—Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций. Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций.

Борьба развивалась и обострялась. И до чего она дошла!

Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше—руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изыскиванием действительных и мнимых

разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии — прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партией теории, возвращая идейную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний. С другой стороны, новая «Искра», стремясь подорвать нравственное влияние партийного большинства, еще более усиленно занята отыскиванием и обличением ошибок его работников, раздувая всякий действительный промах до чудовищных размеров и стараясь свалить ответственность за него на все большинство партии, подхватывая всякую кружковую сплетню, всякую инсинуацию, которая может повредить противникам, не заботясь не только о проверке, но зачастую и о правдоподобности. На этом пути деятели новой «Искры» дошли до приписывания членам большинства не только совершенно небывалых, но даже и невозможных преступлений, и не только в политическом отношении (например: обвинение Ц. К. в насильственном раскассировании лиц и организаций), но и в общеморальном (обвинение видных деятелей партии в подлоге и в нравственном пособничестве подлогу)⁶. Никогда еще партии не приходилось купаться в таком море грязи, какое создано заграничным меньшинством в нынешней полемике.

Каким образом могло все это случиться?

Образ действий каждой стороны соответствовал основному характеру ее тенденций. Большинство партии, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее единство и организационную связь, боролось лишь партийно-лояльными средствами и не раз ради примирения шло на уступки. Меньшинство, проводя анархическую тенденцию, не заботилось о партийном мире и единстве. Оно каждую уступку делало орудием дальнейшей борьбы. Из всех требований меньшинства не удовлетворено до сих пор только одно — внесение розни в Ц.К. партии

путем кооптации насильственно навязанных ему членов меньшинства,—и нападения меньшинства стали ожесточеннее, чем когда-либо. Завладевши Ц.О. и Советом партии, меньшинство не стесняется теперь эксплуатировать в своих кружковых интересах ту самую дисциплину, против которой по существу оно борется.

Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дольше прямо преступно.

Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу.—Без него можно ожидать только прогрессивного разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее идти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более чем неразумно,—скованные одною цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы свои силы на мелкую борьбу и дразни, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут. Указывают на возможность примирения без съезда.

Но какое примирение? Окончательная капитуляция перед кружковщиной, кооптация меньшинства в Ц.К. и следовательно полное завершение дезорганизации центральных учреждений. Тогда партия стала бы только словом, партийное большинство вынуждено было бы начать новую борьбу. А меньшинство? До сих пор каждая завоеванная уступка была для него только опорой к дезорганизаторской работе; даже с его точки зрения борьба далеко переросла рамки кооптационной дрязги; как же может оно прекратить борьбу? И тем более не прекратит оно ее, не получивши всех уступок. Нам говорят: съезд не может достигнуть цели, потому что до сих пор не выяснены разногласия. Да разве дело идет теперь к их выяснению, разве путаница не растет все более? Разногласия теперь не выясняются, а выискиваются и создаются, и только съезд может положить конец этому. Только он, поставивши борющиеся стороны лицом к лицу, заставивши их определенно и открыто выразить свои стремления, только он в силах внести полную ясность во взаимные отношения партийных течений и партийных сил. Но съезд может быть подделан путем раскассирования организаций, заявляет меньшинство. Эта лживая инсинуация, отмечаем мы, инсинуация, в пользу которой не приведено ни одного факта. Если бы факты были, меньшинство, располагая партийным органом, конечно, уже сумело бы придать им широкую огласку, и, держа в руках Совет партии, оно имело бы полную возможность их исправить. Наконец, недавняя резолюция Совета, не указывая таких фактов в прошлом, окончательно гарантирует невозможность их в будущем. Кто поверит теперь неправдоподобной инсинуации? Выражают опасения, что съезд отвлечет слишком много сил и средств от положительной работы. Горькая насмешка! Разве мыслимо большее отвлечение сил и средств, чем то, которое причиняет смута? Съезд необходим! Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни ввиду исключительности исторического момента, ввиду возможности новых задач, по-

ставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства.

Что должен сделать третий съезд для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни? В этом отношении мы считаем наиболее существенными следующие преобразования, которые будем защищать и проводить всеми лояльными средствами.

I. Переход редакции Ц.О. в руки сторонников партийного большинства. Необходимость этого перехода; в силу явной неспособности нынешней редакции поддерживать Ц.О. на уровне общепартийных интересов, достаточно мотивирована. Кружковой орган не может и не должен быть органом партии.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной организации (Лиги) к обще-русскому центру, Ц.К. Нынешнее положение Лиги, которая превратила себя во второй центр партии и бесконтрольно управляет примыкающими группами, в то же время совершенно игнорирует Ц.К.,—это положение явно ненормально; с ним необходимо покончить.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта послесъездовской борьбы. Требуется обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустраиваемые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового, обывательского русла скандала и дразни в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее. Предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах; самые широкие формальные гарантии относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное призна-

ние права комитетов получать (в общепартийном транспорте) те партийные издания, которые им угодно. Точное определение границ права Ц.К. влиять на личный состав комитетов. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые Ц.К. предлагал меньшинству второго съезда, были закреплены уставом, чтобы рассеялся меньшинством же созданный мираж «осадного положения», чтобы неизбежная внутривнутрипартийная борьба велась в приличных формах и не тормозила положительной работы.

Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, так как предлагаем не проект устава, а лишь общую программу борьбы за единство партии. Поэтому мы лишь кратко наметим направление некоторых частных желательных, по нашему мнению, изменений устава, несколько не связывая себе руки по отношению к дальнейшей его разработке, на основании новых указаний опыта. Необходимо, например, преобразовать Совет партии, как учреждение, показавшее на практике свою непригодность в своем теперешнем виде к выполнению поставленной ему задачи—объединения деятельности центров и высшего контроля над нею. Он должен стать коллегией, целиком выбираемой съездом, а не третейским судом выбираемого съездом пятого над центрами, защищающими себя через своих делегатов. Следует также, сообразуясь с указаниями партийной критики, пересмотреть § 1-й устава в смысле более точного определения границ партии и т. д.

Выступая с этой программой борьбы за единство партии, мы приглашаем представителей всех других оттенков и все партийные организации определению высказаться по вопросу об их программах, чтобы создать возможность серьезной и последовательной, сознательной и планомерной подготовки к съезду. Для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она как идейная и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного

рабочего движения нашей страны? Всем своим образом действий заграничное меньшинство говорит: нет! И оно продолжает действовать в этом смысле уверенно, решительно, полагаясь на отдаленность России, на частую смену тамошних работников, на незамечимость своих вождей, своих литературных сил. У нас рождается партия! говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллеги; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.

Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе.

Товарищи! печатайте и распространяйте это воззвание.

Известный вождь швейцарских социал-демократов Герман Грейлих в письме от 1-го февраля 1905 г. к редакции газеты «Вперед» (Российская с.-д. р. партия) выразил, между прочим, сожаление о новом расколе среди русских социал-демократов и заметил: «Кто более виноват в этом расколе, этого я не буду решать, я предложил Правлению немецкой социал-демократической партии решить этот вопрос международным путем». На это письмо Грейлиха редакция «Вперед» вместе с заграничным уполномоченным русского «Бюро комитетов большинства» тов. Степановым ответила следующим письмом:

В виду того, что тов. Грейлих намерен обратиться к международному решению, мы сообщаем наше письмо к Грейлиху всем заграничным друзьям газеты «Вперед» и просим их перевести это письмо на язык той страны, где они живут, и познакомиться с этим письмом возможно большее количество иностранных социал-демократов. Желательно также перевести на иностранные языки и брошюру Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией», равным образом резолюции Северной конференции, резолюции Южной конференции, резолюции Кавказской конференции.

Бернская группа содействия Р. С.-Д. Р. П. «Вперед» издает это письмо, считая крайне важным особенно для товарищей в России иметь краткий очерк раскола. Просим заграничных товарищей пересылать письмо в Россию.

ПИСЬМО ГРЕЙЛИХУ 4-ГО ФЕВРАЛЯ 1905 Г.

Уважаемый товарищ!

Вы касаетесь в своем письме вопроса о виновности той или другой фракции нашей (Р. С.-Д. Р. П.) партии в расколе. Вы говорите, что запросили мнение об этом немецких социал-демократов и Международного Бюро. Мы считаем себя обязанными ввиду этого изложить Вам, как произошел раскол. Ограничимся приведением *точно доказанных фактов*, отстраняя, по возможности, всякую оценку их.

До конца 1903-го года наша партия была совокупностью несвязанных между собой местных с.-д. организаций, называемых комитетами. Центральный Комитет и Центральный Орган, выбранные на первом съезде партии (1898 г.), отсутствовали. Полиция разбила их, и они не возобновились. За границей произошел раскол между союзом русских с.-д. (орган—«Рабочее Дело», оттуда «рабочедельцы») и Плехановым. На сторону последнего стала газета «Искра», основанная в 1900 г. За три года, с 1900 до 1903, «Искра» приобрела подавляющее влияние на русские комитеты. «Искра» отстаивала идеи революционной социал-демократии против экономизма («рабочедельчество»—русская разновидность оппортунизма). Отсутствие единства партии тяготило всех. Наконец, в августе 1903 г. удалось собрать за границей второй съезд партии. Участвовали все русские комитеты, Бунд (самостоятельная организация еврейского пролетариата) и обе заграничные фракции: искровская и рабочедельческая.

Все участники съезда признали съезд законным. Борьба на съезде велась между искровцами и антиискровцами (рабочедельцы и Бунд), середину занимало так называемое «болото». Искровцы победили. Они провели программу партии (утвержден проект «Искры»). «Искру» признали Центральным Органом, направлением ее—направлением партии. Ряд резолюций по тактике был в ее духе; организационный устав (проект Ленина) был принят искровский, лишь в частности его уху-

шли антиискровцы, при участии меньшинства искровцев. Группировка голосов на съезде была такая: всего 51 голос, из них 33 искровских (24 искровца теперешнего большинства, 9 искровцев теперешнего меньшинства), 10 — «болота» и 8 антиискровцев (3 рабочедельца и 5 бундовцев). К концу съезда, перед выборами, 7 делегатов (2 рабочедельца и 5 бундовцев) ушли со съезда (Бунд вышел из партии). Тогда меньшинство искровцев, поддерживаемое, вследствие сделанных ими ошибок, всеми антиискровцами и болотом, оказалось *меньшинством съезда* (24 и 9 + 10 + 1, т.е. 24 и 20). При выборах центральных учреждений решено было выбирать трех лиц в редакцию Ц. О. и трех в Ц. К. Из шести лиц старой редакции «Искры» Плеханов, Аксельрод, Засулич, Старовер, Ленин и Мартов, выбраны: Плеханов, Ленин и Мартов. В Ц. К. хотели выбрать двух от большинства и одного от меньшинства. Мартов отказался войти в редакцию без трех исключенных (невывбранных) товарищей, и все меньшинство отказалось от выборов в Ц. К. Никто никогда не оспаривал и до сих пор не оспаривает законности выборов, но меньшинство после съезда отказалось работать под руководством выбранных съездом центров. Этот бойкот продолжался три месяца: с конца августа 1903 года по конец ноября 1903 года. «Искру» (6 №№, 46—51) редактировали Плеханов и Ленин вдвоем. Меньшинство составило тайную организацию в партии (*факт*, удостоверенный теперь в печати самими сторонниками меньшинства и не отрицаемый в настоящее время никем). Русские комитеты подавляющим большинством (12 из 14 успевших высказаться комитетов) высказались против этого дезорганизирующего бойкота. Но Плеханов, после бурного съезда заграничной «Лиги» (заграничная организация партии), бывшего в самом конце октября 1903 г., решил уступить меньшинству, заявив перед всей партией, в статье «Чего не делать» (№ 52 «Искры», ноябрь 1903 г.), что, во избежание раскола, надо иногда уступать даже тем, кто по ошибке склоняется к ревизионизму и действует, как *анархический индивидуалист* (под-

черкнутые выражения—подлинные выражения Плеханова в статье «Чего не делать»). Ленин вышел из редакции, не желая идти против решений съезда. Плеханов кооптировал тогда всех 4-х бывших редакторов. Русские комитеты заявили, что посмотрят, каково будет направление новой «Искры», посмотрят, для мира ли меньшевики вошли в редакцию.

Оказалось, как предсказывали большевики, что и направление старой «Искры» не удержалось, и мира в партии новая меньшевистская редакция не дала. Направление «Искры» до того повернуло к старому, отвергнутому вторым съездом рабочедельчеству, что *сам* Троцкий, видный член меньшинства, издавший программную брошюру «Наши политические задачи», брошюру, вышедшую под редакцией новой «Искры», заявил буквально: «Между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». Мы ограничиваемся этим заявлением нашего противника, чтобы не входить в длинные разъяснения принципиальной неустойчивости «Искры». С другой стороны, «тайная организация меньшинства» не распустилась, а продолжала бойкот Ц. К. Этот тайный раскол партии на открытую и тайную организацию невыносимо тормозил работу. Громадное большинство высказывавшихся о кризисе русских комитетов решительно осудило и направление новой «Искры», и дезорганизаторское поведение меньшинства. Со всех сторон раздавалось требование немедленного созыва третьего съезда для выхода из невыносимого положения. По нашему уставу партии требуется заявление организаций, имеющих вместе половину общего числа голосов, для созыва экстренного (очередные съезды созываются каждые 2 года по возможности). *Половина уже составила.* Но тут Ц. К. изменил большинству. Под предлогом «примирения» оставшиеся после ареста члены Ц. К. *вошли в сделку с тайной организацией меньшинства* и объявили, что эта организация распускается, при чем, тайком от партии и вопреки письменным заявлениям Ц. К., *были кооптированы три меньшевика в Ц. К.* Эта кооптация состоялась в ноябре или декабре 1904 г. Таким образом меньшинство

боролось с августа 1903 по ноябрь 1904 года, разрывая всю партию из-за кооптации 3-х в Ц. О. и 3-х в Ц. К. Подделанные таким образом центральные учреждения ответили на требование съезда бранью или молчанием.

Тогда всякое терпение русских комитетов лопнуло. Они стали созывать свои частные конференции. До сих пор состоялись 3 конференции: 1) 4-х кавказских комитетов; 2) 3-х южных (Одесса, Николаев и Екатеринослав) и 3) 6-ти северных (Петербург, Москва, Тверь, Рига, «Север»—т.-е. Ярославль, Кострома и Владимир и, наконец, Нижний-Новгород). Все эти конференции высказались за «большинство», решили поддерживать литературную группу большинства (группу Лениша, Рядового, Орловского, Галерки, Воинова и других) и выбрали *свое бюро*; этому бюро третья, т.-е. северная конференция поручила превратиться в организационный комитет и созвать съезд русских комитетов, т.-е. третий съезд партии, помимо заграничных центров, отколовшихся от партии. Так обстояло дело к 1-му января 1905 г. (нового стиля). Бюро комитетов большинства начало свою работу (в силу наших полицейских условий созыв съезда затянется, конечно, на несколько месяцев: о втором съезде было объявлено в декабре 1902-го года, а созван он был в августе 1903-го года). Литературная группа большинства основала *орган большинства*, газету «Вперед», которая и стала выходить еженедельно, с 4-го января н. ст. 1905 года.

Теперь (4-го февр. 1905 г.) вышло уже 4 №№. Направленные газеты «Вперед» есть *направление старой «Искры»*. Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой «Искрой».

Фактически, следовательно, оказалось две Р. С.-Д. Р. Партии. Одна с органом «Искрой», «официально» называемым Центральным Органом партии, с Центральным Комитетом, с 4-мя русскими комитетами *из 20-ти* (остальные комитеты в России, кроме 20-ти, бывших на 2-м съезде, возникли после, и вопрос о законности их утверждения есть спорный вопрос).

Другая партия с органом «Вперед», с бюро русских комитетов большинства, с 14-тью комитетами в России (13 названных выше и Воронежский, а вероятно также и Саратовский, Уральский, Тульский и Сибирский; по крайней мере все 4 последние комитета после 2-го съезда партии высказались в пользу «большинства»).

На стороне «новоскрывцев» стоят все противники старой «Искры»: все рабочедельцы и большая часть около-партийной интеллигенции. На стороне «впередовцев» — все принципиально-убежденные сторонники старой «Искры» и большая часть сознательных передовых рабочих и практических деятелей партии в России. Плеханов, который на 2-м съезде партии (август 1903 г.) и на съезде Лиги (октябрь 1903 г.) был большевиком и который с ноября 1903 года отчаянно борется с большинством, заявил публично (2-го сентября 1904 г.) (этот отзыв напечатан), что силы обеих сторон приблизительно равны⁸. Мы, большевики, утверждаем, что на нашей стороне большинство настоящих русских партийных деятелей. Главной причиной раскола и главным препятствием к объединению мы считаем дезорганизаторское поведение меньшинства, которое отказалось подчиниться решениям 2-го съезда и предпочло раскол созыву 3-го съезда.

В настоящее время меньшевики производят повсюду в России расколы местных организаций. Так в Петербурге они помешали комитету устроить демонстрацию 28 ноября (см. «Вперед» № 1*). Теперь они откололись в Петербурге в особую группу, названную «группой при Ц. К.» и противодействующую местному комитету партии. Такую же местную группу («при Ц. К.») для борьбы с комитетом партии они основали на-днях в Одессе. Меньшевицким центральным учреждениям партии пришлось, в силу фальшивости их позиции, дезорганизовать местную работу партии, ибо эти цен-

* Ленин, т. VII, стр. 40—43. Ред.

тральные учреждения не захотели подчиниться решению выбравших их комитетов партии.

Принципиальные разногласия между «Вперед» и новой «Искрой» те же, в сущности, какие были между старой «Искрой» и «Рабочим Делом». Эти разногласия мы считаем важными, но при условии возможности отстаивать вполне свои взгляды, взгляды старой «Искры», мы не считали бы эти разногласия сами по себе препятствием для работы сообща в одной партии.

Собр. Соч., т. VII, стр. 91—95.

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ

7. II. 05.

Многоуважаемый товарищ!

В тот же день, когда Вы писали мне, мы готовили письмо товарищу Герману Грейлиху*, в котором изложили, как и почему раскол в социал-демократической рабочей партии России в настоящее время стал совершившимся фактом. Копию этого письма мы сообщим партийному управлению немецкой социал-демократической партии.

Третий съезд нашей партии будет созван русским бюро комитетов большинства. Редакция Вперед и русское бюро большинства только временные центры. Ни я и никто из известных мне редакторов, сотрудников и приверженцев Вперед не возьмут на себя в настоящее время ответственности за какие-либо важные и связывающие всю партию шаги без решения партийного съезда. Итак, Ваше предложение может быть сообщено только этому партийному съезду.

Собр. Соч., т. VII, стр. 99.

* См. настоящий сборник. стр. 94.

11. II. 05.

Вчера отправил телеграмму о своем согласии на Ваши изменения, хотя совершенно не согласен с тем, что мог понять из Вашего письма. Но мне так опротивела эта волокита и такой насмешкой надо мной звучали Ваши вопросы, что я махнул рукой: лишь бы делали хоть что-нибудь! лишь бы выпускали *какое угодно* извещение о съезде, но *выпускали*, а не разговаривали о нем! Вы удивитесь слову: насмешка. А подумайте-ка, в самом деле: два месяца тому назад я посылаю свой проект *всем* членам бюро. Ни единый не интересуется им и не считает нужным обменяться взглядами!! А теперь: по телеграфу... эх-ма, толкуем мы об организации, о централизме, а на деле между самыми тесными товарищами центра такой разброд, такое кустарничество, что плюнуть хочется. Бундовцы вот не языкоблудствуют о централизме, а у них *каждый* пишет в центр еженедельно и связь *фактически* устанавливается. И стоит взять в руки их «Последние Известия», чтобы видеть эту связь. А у нас выходит 6-ой номер Впереда и от члена редакции (Рахметова) нет ни строчки ни о Впереде, ни для Впереда. У нас «говорят» о богатых литературных связях и в С.-Петербурге и в Москве, о молодых силах большинства, а мы здесь, через *два месяца* после призыва к работе (агюнс о Впереде и письмо о нем), не имеем ни слуху ни духу. А русские комитеты (Кавказ, Нижний, не говорю уже о Поволжье, юге) считают бюро совсем «информ» и имеют на то полное право. О каком-то союзе

С.-Петербургского комитета большинства с группой меньшевиков мы «слышали» от чужих людей,—и ни слова не имеем от своих. Отказываемся верить, чтобы такой самоубийственный и глупенький шаг могли сделать большевики. О конференции социал-демократов и о «блоке» «слышали» от чужих, а от своих *ни звука*, хотя говорят, что это *fait accompli**. Очевидно, еще раз захотелось большевикам, чтобы их провели.

Единственная наша сила—открытая прямота и сплоченность, энергия натиска. А люди, кажется, размякли по случаю «революции»!! Когда организованность во сто крат более нужна, они продаются дезорганизаторам. Из поправок к проекту декларации и съезда (изложенных в письме до-нельзя неясно) видно, что носятся с «лояльностью»: папаша прямо пишет это слово и добавляет: если не помянуть центров, никто на съезд не пойдет! Ну, господа, я держу пари, что если Вы *так* будете действовать, то Вы никогда не получите съезда и никогда не выйдете из-под башмака у бонапартистов Ц. О. и Ц. К. Собрать съезд *против* центров, коим выражено недоверие, собирать съезд от имени *революционного* бюро (несуществующего и фиктивного, если пресмыкаться перед лояльным уставом) и признавать *безусловное* право быть на съезде и 9-ти бонапартистам и Лиге (ха-ха!) и бонапартистским креатурам (новоиспеченные комитеты), это значит делать себя смешным и подрывать всякое уважение к себе. Можно и должно было пригласить центры, но признавать их решающий голос, это, повторяю, безумие. Конечно, центры все равно не пойдут на *наш* съезд, но к чему же давать повод лишний раз плюнуть себе в харю? К чему лицемерить и прятаться? Это прямо позор. Мы провозгласили *раскол*, мы зовем на съезд *впередовцев*, мы хотим организовать *впередовскую* партию и рвем, немедленно рвем *все и всякие* отношения с дезорганизаторами,—а нам толкуют о лояльности, прикидываются,

* — совершившийся факт. *Ред.*

оудто возможен общий съезд Искры и Впереда. Комедия какая-то! Разумеется, первый же день, первый час съезда (если он будет) рассеет эту комедию, но до съезда подобная фальшь навредит нам десятки и сотни раз.

Право, я часто думаю, что из большевиков $\frac{9}{10}$ действительно формалисты. Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой, партией будем громить рыхлое чудовище новоисковских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслуживали гибели, как презренные формалисты. Как это не понимают люди, что до бюро и до Впереда мы все сделали для спасения лояльности, для спасения единства, для спасения формальных, т.-е. высших методов улажения конфликта!?! Теперь же, после бюро, после Впереда раскол есть факт. И когда раскол стал фактом, стало видно, что мы материально слабее во много раз. Нам нужно еще превратить нашу моральную силу в материальную. У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше «имен», больше сотрудников. Было бы непроспительным ребячеством не видеть этого. И если мы не хотим явить миру отвратительнейший образец высохшей и анемичной старой девы, гордой своей бесплодной моральной чистотой, то мы должны понять, что нам нужна война и военная организация. Только после долгой войны и только при условии великолепной организации может наша моральная сила превратиться в материальную.

Нужны деньги. Архи-нелеп план съезда в Лондоне, ибо это будет стоить вдвое больше. Мы не можем остановить Впереда, а долгий отъезд остановит его. Съезд должен быть прост, короток, немногочисленен. Это—съезд для организации войны. По всему видно, что Вы на этот счет делаете себе иллюзии.

Нужны сотрудники для Впереда. Нам мало. Если не добавить 2—3 постоянных из России, тогда нечего и болтать вздора

о борьбе с Искрой. Нужны брошюры и листки, нужны до зарезу.

Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее*. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чиновничества и пр. Основывайте из молодежи *сотни* кружков передовцев и поощряйте их работать во-всю. Расширяйте комитет *втрое* приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, «кооптируйте» всякого и каждого честного и энергичного человека. Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибется: мы во Вперед «мягко» поправим). Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости. Во-1-х, если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их, то они пойдут за меньшевиками и Гапонами и той же своей неопытностью навредят впятеро больше. Во-2-х, учить будут теперь *в нашем духе* события. События уже учат всех и каждого именно во передовском духе.

Только непременно организовывать, организовывать и организовывать *сотни* кружков, отодвигая совершенно на задний план обычные комитетские (иерархические) благоглупости. Время военное. Либо *новые*, молодые, свежие, энергичные военные организации повсюду для революционной социал-демократической работы всех сортов, всех видов и во всех слоях—либо вы погибнете со славой «комитетских» людей с печатями.

Я об этом буду писать во Вперед* и говорить на съезде.

* Ленин, т. VII, стр. 142—150. Ред.

Пишу Вам, чтобы *попытаться* пакн и пакн вызвать на обмен мыслей, вызвать на то, чтобы с редакцией *связали непосредственно* десяток *молодых, свежих* рабочих (и других) кружков, хотя... хотя, между нами будь сказано, никакой надежды на осуществление этих дерзких пожеланий не питаю. Разве через два месяца запросите, чтобы я по телеграфу ответил, согласен ли на такие-то изменения «плана»... Заранее отвечаю, что на всё согласен. До-свиданья на съезде. Ленин.

P. S. Надо поставить себе задачей революционизировать доставку Впереда в Россию. Пропагандируйте самым широким образом подписку из Питера. Пусть студенты и особенно *рабочие* выписывают десятками и сотнями на свои собственные адреса. Бояться этого по нынешним временам смешно. Все перехватить никогда не сможет полиция. Будет доходить $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ и это уже очень много. Давайте эту мысль *любому* кружку молодежи, которая найдет и сотни своих путей за границу. Давайте шире адреса для посылки писем в Вперед, как можно шире.

Собр. Соч., т. VII, стр. 100—103.

С самого начала массового рабочего движения в России, т.е. приблизительно в течение десяти уже лет, среди социал-демократов существуют глубокие разногласия по вопросам тактики. Как известно, именно этого рода разногласия вызвали во второй половине 90-х годов течение экономизма, поведшее к расколу на оппортунистическое (рабочедельческое) и революционное (староискровское) крыло партии. Но русский социал-демократический оппортунизм отличался от западно-европейского своеобразными особенностями. Он отражал с чрезвычайной рельефностью точку зрения или, пожалуй, отсутствие всякой самостоятельной точки зрения у интеллигентского крыла партии, увлекавшегося и модными словечками бернштейнства и непосредственными результатами и формами чисто-рабочего движения. Это увлечение повело к повальной измене легальных марксистов, перекочевавших в либерализм, и к созданию социал-демократам знаменитой теории «тактики-процесса», которая упрочила за нашими оппортунистами кличку хвостистов¹⁰. Они плелись беспомощно в хвосте событий, бросались от одной крайности в другую, принижали во всех случаях размах деятельности революционного пролетариата и веру в его силы, при чем больше всего и чаще всего прикрывалось все это ссылкой на самостоятельность пролетариата. Это курьезно, но это факт. Никто не рассуждал так много о самостоятельности рабочих и никто не суживал, не урезывал, не приижал так своей проповедью этой самостоятельности, как рабочедельцы.

«Поменьше толкуйте о повышении активности рабочей массы»—говорили сознательные, передовые рабочие своим усердным, но неумным советникам. «У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких осязательных результатов не сулящие. И не вам повышать нашу активность, ибо у вас самих как раз активности-то и не хватает. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о повышении своей активности, господа!» Вот как приходилось характеризовать отношение революционных рабочих к оппортунистическим интеллигентам («Что делать?», стр. 55*).

Два шага назад, сделанные повои «Искрой»¹¹ к «Рабочему Делу», воскресили это отношение. Со страниц «Искры» опять полилась проповедь хвостизма, прикрываемая такими же тошнотворными клятвами: ей, господи, верую и исповедую самодеятельность пролетариата. Во имя самодеятельности пролетариата Аксельрод¹² и Мартынов¹³, Мартов¹⁴ и Либер (бундовец)¹⁵ защищали на съезде право профессоров и гимназистов записываться в члены партии, не входя ни в какие организации. Во имя самодеятельности пролетариата сочинялась теория «организации-процесса», оправдывавшая дезорганизацию и прославлявшая интеллигентский анархизм. Во имя самодеятельности пролетариата изобреталась не менее знаменитая теория «высшего типа демонстраций» в виде *соглашения* просеянной через трехкратные выборы рабочей делегации *с земцами* о мирном манифестировании без произведения панического страха. Во имя самодеятельности пролетариата извращалась и опошлялась, принижалась и запутывалась идея вооруженного восстания.

На этом последнем вопросе, в виду его громадной практической важности, мы намерены остановить внимание читателя. Развитие рабочего движения жестоко посмеялось над мудре-

* См. т. IV, стр. 418. Ред

цами новой «Искры». Не успело еще разойтись по России ее первое письмо, где во имя «процесса планомерного развития классового самосознания и самостоятельности пролетариата» рекомендовалась, как высший тип демонстраций, «доставка заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасывание его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания»;—не успело еще дойти до России ее второе письмо, где делалось совсем уже с-пог-сшибательное открытие, что в настоящий «исторический момент политическая сцена заполнена (I) тяжбой между организованной буржуазией и бюрократией» и что «объективный смысл всякого (слушайте, слушайте!) революционного движения в низах один (I) и сводится к поддержке лозунгов той из двух (II) сил, которая заинтересована в ломке данного режима» (это демократическая интеллигенция объявлялась «силой»);—не успели еще сознательные рабочие прочитать эти великолепные письма и хорошенечко осмеять их, как события действительной борьбы пролетариата сразу вывели весь этот политический хлам новоискровских публицистов в сорную яму. Пролетариат показал, что есть третья (в сущности, конечно, не третья, а вторая по счету и первая по боевой способности) *сила*, не только заинтересованная в ломке, но и *готовая приступить к настоящей ломке* самодержавия. Начиная с 22 (9) января, рабочее движение у нас на глазах *вырастает* в народное восстание.

Посмотрим же, как оценивали этот переход к восстанию социал-демократы, рассуждавшие о нем заранее, как о вопросе тактики,—и как стали решать этот вопрос на практике сами рабочие.

Вот что говорилось три года тому назад о восстании, как лозунге, определяющем наши ближайшие практические задачи: «Представим себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласится, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для под-

готовки восстания! Если бы у нас и был Ц. К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы *все* местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти происшествия возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее,—а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие *фактическое* единство партии,—а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

«Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а, наоборот, он является самым практическим планом *начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не за-*

бывая в то же время ни на минуту своей будничной на сущной работы» («Что делать?» *).

Подчеркнутые нами заключительные слова дают ясный ответ на вопрос о том, как представляли себе дело подготовки восстания революционные социал-демократы. Но, как ни ясен этот ответ, старая хвостистская тактика не могла не проявить себя и на этом пункте. Мартынов выпустил совсем недавно брошюру «Две диктатуры», особо рекомендованную новой «Искрой» (№ 84). Автор от всей глубины своего рабочедельческого сердца возмущен тем, что Ленин мог говорить о «подготовке, назначении и проведении вооруженного всенародного восстания». Грозный Мартынов разит врага: «Международная социал-демократия на основании исторического опыта и научного анализа динамики общественных сил всегда признавала, что только дворцовые перевороты и прононциаменто могут быть заранее *назначены* и проведены с успехом по заранее заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народные революции, т.е. перевороты в общественных отношениях, а только перетасовки в правящей клике. Социал-демократия всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее *назначена*, что она не изготавливается искусственно, а сама совершается».

Может быть, читатель скажет, прочитав эту тираду, что Мартынов, очевидно, «не есть» серьезный противник и что брать его всерьез смешно. Мы вполне согласились бы с таким читателем. Мы сказали бы даже такому читателю, что нет на земле муки горшей, чем брать всерьез все теории и все рассуждения наших новоискровцев. Беда в том, что эти пустяки фигурируют и в передовицах «Искры» (№ 62). Еще большая беда в том, что есть люди в партии, и не мало их, которые засоряют себе головы этими пустяками. И приходится говорить о несерьезных вещах, как приходится же

* См. т. IV, стр. 198 Ред

нам говорить о «теории» Ровы Люксембург, открывшей «организацию-процесс». Приходится разъяснять Мартынову, что не следует смешивать восстания с народной революцией. Приходится растолковывать, что глубокомысленные ссылки на переворот в общественных отношениях при решении практического вопроса о способах свержения русского самодержавия достойны лишь Кифы Мокшевича. Переворот этот начался в России уже с падением крепостного права, и именно отсталость нашей политической надстройки от совершившегося переворота в общественных отношениях делает крах надстройки неизбежным, при чем вполне и вполне возможен крах сразу, *от одного удара*, ибо «народная революция» в России нанесла уже царизму сотню ударов, и добьет ли его сто первый или сто десятый удар, это неизвестно. Только оппортунистические интеллигенты, сваливающие свое филистерство на пролетариев, могут в такое время, когда обсуждаются практически способы нанесения одного из ударов второй сотни, проявлять свои гимназические познания насчет «переворота в общественных отношениях». Только оппортунисты новой «Искры» могут истерически кричать об ужасном «якобинском» плане, в котором центр тяжести лежит, как мы видели, во всесторонней массовой агитации при помощи политической газеты!

Не может быть назначена народная революция, это справедливо. За знакомство с этой истиной нельзя не похвалить Мартынова и автора передовицы в № 62 «Искры» («да и о какой подготовке восстания вообще может идти речь у нашей партии», спрашивал там, воюя с «утопистами», верный соратник или ученик Мартынова). Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу *совершившихся* переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая. Постараемся пояснить это для новонсковцев простым примером. Можно ли назначить рабочее движение? Нет, нельзя, потому что оно слагается из тысячи отдельных актов, поро-

ждаемых переворотом в общественных отношениях. Можно ли назначить стачку? Можно, несмотря на то—представьте себе, товарищ Мартынов, *несмотря* на то, что каждая стачка является результатом переворота в общественных отношениях. Когда можно бывает назначить стачку? Тогда, когда организация или кружок, назначающие ее, пользуются влиянием среди *массы* данных рабочих и умеют правильно оценить момент растущего недовольства и раздражения в массе рабочих. Поняли ли вы теперь в чем дело, тов. Мартынов и товарищ-«передовик» номера 62-го «Искры»? Если поняли, то потрудитесь теперь сопоставить восстание с народной революцией. «Народная революция не может быть заранее назначена». Восстание может быть назначено, когда назначающие его пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент.

К счастью, самостоятельность передовых рабочих оказывается далеко впереди хвостистской философии новой «Искры». Пока она вымучивает из себя теории, доказывающие, что восстание не может быть назначено теми, кто готовился к нему, организуя передовой отряд революционного класса, события показывают, что восстание могут назначать и бывают вынуждены назначать люди не готовившиеся.

Вот прокламация, присланная нам петербургским товарищем. Ее набрали, отпечатали и распространили более чем в 10 000 экземплярах сами рабочие, захватившие десятого января в Петербурге одну легальную типографию.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы! Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей! Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощеную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь?—Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

«Они—убийцы!—смерть им! К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция, да здравствует Учредительное Собрание Народных Представителей!—Российская С.-Д. Рабочая Партия».

Призыв к восстанию этой кучки инициативных передовых рабочих оказался неудавшимся. Нас не удивило бы и не обескуражило несколько неудачных призывов к восстанию или неудачных «назначений» восстания. Мы предоставим новой «Искре» разглагольствовать по этому поводу о необходимости «переворота в общественных отношениях» и высокопарно осуждать «утопизм» рабочих, воскликнувших «поставим свое правительство». Только безнадежные педанты или путанники могут видеть центр тяжести подобного воззвания в этом кличе. Нам важно отметить и подчеркнуть этот замечательный, смелый практический приступ к решению задачи, стоящей теперь вплотную перед нами.

Призыв петербургских рабочих не осуществился и не мог осуществиться так скоро, как они хотели. Этот призыв будет повторен еще не раз, и попытка восстания неоднократно может еще повести к неудачам. Но гигантское значение имеет самый факт постановки этой задачи самими рабочими. Приобретение, которое сделано рабочим движением, приведшим к сознанию практической насущности этой задачи и приблизившим постановку ее при любом народном волнении на ближайшую очередь, это приобретение ничем не может быть отнято у пролетариата.

Социал-демократы выставляли лозунг подготовки восстания еще три года тому назад на основании общих соображений. Самодеятельность пролетариата пришла к этому же лозунгу под влиянием непосредственных уроков гражданской войны. Есть самодеятельность и самодеятельность. Есть самодеятель-

ность пролетариата революционно инициативного, и есть самодеятельность пролетариата неразвитого и ведомого на помочах, есть самодеятельность сознательно-социал-демократическая и самодеятельность зубатовская. И есть социал-демократы, которые даже в настоящий момент с благоговением созерцают именно этот второй вид самодеятельности, которые думают, что от прямого ответа на злободневные вопросы можно отделаться, повторяя бесчисленное количество раз слово «классовый». Возьмите № 84 «Искры». «Почему,—с победоносным видом наступает на нас се «передовик»,—почему не узкая организация профессиональных революционеров дала толчок движению этой лавины (9-го янв.), а Собрание рабочих? *Потому, что Собрание это было действительно* (слушайте!) *широкой организацией, основанною на самодеятельности рабочих масс*». Если бы автор этой классической фразы не был поклонником Мартынова, то он, может быть, понял бы, что Собрание сослужило службу движению революционного пролетариата именно тогда и постольку, когда и поскольку от самодеятельности зубатовской оно перешло к самодеятельности социал-демократической (после чего оно сейчас же и перестало существовать как легальное Собрание).

Если бы новокровцы или новорабочедельцы не были хвостистами, то они увидели бы, что именно девятое января оправдало предсказание тех, кто говорил: «в конце концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а не Зубатовым» («Что делать?»). Именно девятое января еще и еще раз показало всю важность там же формулированной задачи: «готовить жнецов, которые бы умели и косить сегодняшние плевелы» (т.е. парализовать сегодняшний разврат зубатовщины) *и жать завтрашнюю пшеницу*» (т.е. революционно руководить движением, сделавшим шаг вперед при помощи легализации). А Иванушки новой «Искры» ссылаются на пышный урожай пшеницы, чтобы приписать значение крепкой организации революционных косцов!

Было бы преступно,—продолжает тот же новокровский

передовик,—«нападать в тыл революции». Что значит собственно эта фраза, Аллах ведает. О том, в какой связи стоит она с общей оппортунистической физиономией «Искры», мы, вероятно, поговорим в другой раз особо. Теперь достаточно указать, что действительный политический смысл этой фразы один, именно: автор пресмыкается перед тылом революции, презрительно морща нос по поводу «узкого» и «якобинского» авангарда революции.

Тактика хвостизма и тактика революционной социал-демократии выясняются во всей своей противоположности тем более, чем более усердствует в мартыновском духе новая «Искра». Мы указывали уже в № 1 «Вперед» *¹⁶, что восстание должно примкнуть к одному из стихийных движений. Мы нисколько не забываем, след., важность «обеспечения тыла», если употреблять военное сравнение. Мы говорили в № 4 ** о верной тактике петербургских комитетчиков, направивших все усилия с самого начала на поддержку и развитие революционных элементов стихии при сдержанном, недоверчивом отношении к темному, зубатовскому тылу этой стихии. Мы закончим теперь советом, который нам еще много раз придется давать новоискровцам: не принижайте задач авангарда революции, не забывайте о нашей обязанности поддержать этот авангард нашей *организованной* самодеятельностью. Поменьше говорите общих фраз о развитии самодеятельности рабочих—рабочие проявляют бездну незамечаемой вами революционной самодеятельности!—побольше смотрите за тем, чтобы не развращать неразвитых рабочих своим собственным хвостизмом.

Собр. Соч., т. VII, стр. 108—114.

* См. т. VII, стр. 34. *Ред*

** Там же, стр. 85. *Ред*

ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ОРГАНИЗОВАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ?

Это было давно, очень давно, более года тому назад. В русской партии, по свидетельству небезызвестного немецкого соц.-демократа Парвуса¹⁷, возникали «принципиальные разногласия». Первейшей политической задачей партии пролетариата становилась борьба с крайностями централизма, с идеей «командовать» рабочими из какой-нибудь Женевы, с преувеличением идеи организации агитаторов, организации руководителей. Таково было глубокое, твердое и непреклонное убеждение меньшевика Парвуса, изложенное им в его еженедельном немецком листке «Aus der Weltpolitik» («Из области мировой политики») от 30 ноября 1903 г.

Доброму Парвусу было указано тогда (см. письмо Ленина в редакцию «Искры», декабрь 1903 г.*), что он стал жертвой сплетни, что в основе усмотренных им принципиальных разногласий лежит дрызга, и что начинающийся намечаться идейный поворот новой «Искры» есть поворот к оппортунизму. Парвус замолчал, но его «мысли» о преувеличении значения организации руководителей на сотни ладов разжевывались новонсковцами.

Прошло четырнадцать месяцев. Дезорганизация партийной работы меньшевиками и оппортунистический характер их проповеди вырисовались вполне. Девятое января 1905 года обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов. Парвус взялся за ум. В № 85 «Искры» он вы-

* См. настоящий сборник, стр. 77—83. *Ред.*

ступил со статьей, знаменующей, по существу дела, полнейший поворот от новых идей оппортунистической новой «Искры» к идеям революционной старой «Искры». «Был герой,—восклицает Парвус по поводу Гапона,—но не было политического руководителя, не было программы действий, не было организации»... «Оказались трагические последствия отсутствия организации»... «Массы разъединились, все идет в разброд, нет связывающего центра, нет руководящей программы действия»... «Движение пало вследствие отсутствия связывающей и руководящей организации». И Парвус дает лозунг, который мы напоминали уже в № 6 «Вперед»,— *«организовать революцию»**. Парвус убедился под влиянием уроков революции, что «мы не можем при настоящих политических условиях организовать эти сотни тысяч» (речь идет о массе, готовой к восстанию). «Но мы можем—справедливо повторяет он давнюю мысль книги «Что делать?»,—мы можем создать организацию, которая явилась бы связующим ферментом, а в момент революции объединила бы вокруг себя эти сотни тысяч». «Должны быть организованы рабочие кружки с ясно очерченной задачей: готовить массы к восстанию, собирать их вокруг себя во время восстания, поднять восстание по данному лозунгу».

Наконец-то! облегченно воскликнули мы, встречая эти старые верные мысли, заваленные мусором новой «Искры». Наконец-то революционный инстинкт работника пролетарской партии взял верх хотя бы временно над рабочедельским оппортунизмом. Наконец-то слышим мы голос социал-демократа, не пресмыкающегося перед тылом революции, а безбоязненно указывающего на задачу поддержки авангарда революции.

Новонкровцы, разумеется, не могли согласиться с Парвусом. «Не все мысли, выраженные тов. Парвусом, разделяются редакцией «Искры»», гласит редакционное примечание.

Еще бы! Еще бы «разделили» они те мысли, которые «быют

* См. настоящий сборник, стр. 106—115. *Ред.*

в лицо» всю их полуторагодовую оппортунистическую болтовню!

«Организовать революцию!» Но ведь у нас есть умный тов. Мартынов, который знает, что революция вызывается переворотом в общественных отношениях, что революция не может быть назначена. Мартынов объяснит Парвусу его ошибку и покажет, что если даже Парвус имел в виду организацию авангарда революции, то это есть «узкая» и зловредная «якобинская» идея. И далее. Ведь наш умный Мартынов ведет за собой на веревочке Тряпичкина—Мартова, который способен еще больше углубить своего учителя, который сможет, пожалуй, лозунг «организовать революцию» заменить лозунгом «развязать революцию» (см. № 85, курсив автора).

Да, читатель, именно такой лозунг дан нам в передовице «Искры». Очевидно, по нынешним временам достаточно «развязать» себе язык для свободной болтовни-процесса или для процесса болтовни, чтобы писать руководящие статьи. Оппортунисту всегда нужны такие лозунги, в которых, по ближайшем рассмотрении, не оказывается ничего кроме звонкой фразы, кроме какого-то декадентского словесного выверта.

Организовать да организовать, твердит Парвус, точно он вдруг большевиком сделался. Не понимает он, несчастный, что организация есть *процесс* («Искра» № 85,—а также все прежние номера новой «Искры» и особенно пышные фельетоны пышной Розы). Не знает он, бедняжка, что по всему духу диалектического материализма не только организация, но и тактика является процессом. А он, точно «заговорщик», носится с организацией-планом. А он, точно «утопист», воображает, что можно так сразу, на каком-нибудь, боже упаси, втором или третьем съезде, взять да и организовать.

И ведь до каких геркулесовых столбов «якобинизма» договорился этот Парвус. «Поднять восстание по данному лозунгу», представьте себе! Это еще гораздо хуже, чем опровергнутая нашим знаменитым Мартыновым идея о «назначении» восстания. Положительно. Парвусу надо поучиться

у Мартынова. Парвусу надо прочитать № 62 «Искры», из передовицы которого он узнает, какие вредные «утопические» идеи о подготовке восстания распространялись в нашей партии так несвоевременно в 1902 и в 1904 году. Парвусу надо прочитать предисловие Аксельрода к брошюре «Рабочего», чтобы узнать о той «глубокой, зловредной и прямо разрушительной для партии язве» (sic!), которая грозит социал-демократии от людей, «возлагающих все свои надежды на стихийные восстания самых отсталых, наиболее бессознательных и прямо одичалых (II) элементов народных масс».

Парвус признает невозможным организовать теперь сотни тысяч и выдвигает на первый план задачу «создать организацию, которая явилась бы связующим ферментом». Как же не извиняться нашим новоискровцам, когда подобные вещи пишутся на страницах их органа? Да ведь организация в качестве связующего фермента, это и есть организация профессиональных революционеров, при одном упоминании какой-нибудь нашей новоискровцы падают в обморок.

Как благодарны мы «Искре» за ее передовицу рядом со статьей Парвуса. Как выпукло выделяется бессодержательное, путаное, хвостистское фразерство наряду с ясными, отчетливыми, прямыми и смелыми революционными лозунгами старой «Искры»! Разве это не пустая надутая фраза, будто «сходит со сцены политика доверия, чтобы *никогда уже более* не обморочить ни России ни Европы?» На самом деле любой номер европейской буржуазной газеты показывает, что это морочение продолжается и делает успехи. «На смерть поражен умеренный русский либерализм». Это ребяческая политическая наивность, когда за смерть либерализма принимают его «политичное» желание пританиться. На самом деле, либерализм жив, живет и оживает. Он именно теперь стоит накануне власти. Он именно для того и пританился, чтобы вернее и безопаснее протянуть в надлежащий момент руку к власти. Он именно для того и заигрывает во-всю с рабочим классом. Надо быть близоруким до последней степени, чтобы это ко-

кетничанье (опасное стократ именно в переживаемый момент) принимать за чистую монету, чтобы хвастливо заявлять: «пролетариат—освободитель родины, пролетариат—авангард всей нации в эти дни *признав в своей героической роли* общественным мнением передовых элементов либерально-демократической буржуазии». Поймите же, наконец, господа новоскрывцы, что либеральные буржуа признают пролетариат героем *именно потому*, что, нанеся удар царизму, этот пролетариат еще недостаточно силен, еще недостаточно социал-демократичен, чтобы *отвоевать* себе такую свободу, какой он хочет. Поймите, что не хвастаться должны мы по поводу теперешних либеральных расшаркиваний, а предостерегать пролетариат и показывать ему подоплеку этих расшаркиваний. Вы не видите этой подоплеку? так посмотрите на *заявления фабрикантов, купцов, биржевиков* о необходимости конституции! Не правда ли, как ясно говорят эти заявления о смерти умеренного либерализма? Либеральные говоруны журчат о героизме пролетариев, а фабриканты веско и внушительно требуют куцой конституции, вот как обстоит дело, любезнейшие «руководители»*!

Но всего бесподобнее рассуждения «Искры» по вопросу о вооружении. «Работа по вооружению пролетариата, по систематической подготовке организации, которая гарантировала бы повсеместность и одновременность нападения на-

* Вышеприведенные строки были уже написаны, когда мы получили следующие безытересные сведения из либерального лагеря. Специальный петербургский корреспондент немецкой буржуазно-демократической газеты «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская Газета». *Ред.*) (17.II.05) передает такой отзыв о политическом положении *петербургского либерального журналиста*: «Либералы были бы глупцами, если бы они прозевали такой момент, как настоящий. У либералов теперь все козыри в руках, ибо *и.ж уда.лось* запрячь рабочих в свою телегу, а у правительства нет людей, так как бюрократия никому не дает хода». Не правда ли, какая святая простота должна царить в новой «Искре», если она в подобный момент пишет о смерти либерализма?

рода на правительство», объявляется «технической» (17) задачей. А мы, конечно, стоим выше презренной техники и смотрим в глубь вещей. «Как ни важны они («технические» задачи), *не в них центр тяжести* нашей работы по подготовке масс к восстанию... «Все старания подпольных организаций не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием— *жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого*. Вот куда должны мы направить свои усилия—*на пропаганду в массах самовооружения для целей восстания*»¹⁸ (последние два места подчеркнуты автором).

Да, да, это действительно глубокая постановка вопроса, не то, что у узкого, почти дошедшего до «якобинства» Парвуса. Центр тяжести не в работе по вооружению и не в систематической подготовке организации, а в вооружении народа жгучей потребностью вооружиться и притом самовооружиться. Какое жгучее чувство стыда за социал-демократию испытываешь при виде этой филистерской пошлости, пытающейся оттянуть назад наше движение! Вооружение народа жгучей потребностью вооружиться есть постоянная и общая, всегдашняя и повсеместная задача социал-демократии, задача, применимая одинаково и к Японии, и к Англии, и к Германии, и к Италии. Везде, где есть угнетенные и борющиеся против эксплуатации классы, проповедь социалиста всегда вооружает их с самого начала и прежде всего жгучей потребностью вооружиться, и эта «*потребность*» имеется уже на-лицо, когда *начинается* рабочее движение. Социал-демократии приходится лишь делать эту жгучую потребность сознательной, заставлять испытывающих ее считаться с необходимостью организации и планомерного действия, со всей политической конъюнктурой. Загляните вы, пожалуйста, г. редактор «Искры», в любое немецкое рабочее собрание, посмотрите, какой ненавистью горят лица по отношению хотя бы к полиции, какие сыпятся озлобленные сарказмы, как сжимаются кулаки. Какая сила сдерживает эту

жгучую потребность немедленной расправы с издевающимися над народом буржуями и их лакеями? Сила организации и дисциплины, сила сознания, сознания того, что индивидуальные убийства чепеы, что не настал еще час серьезной, народной, революционной борьбы, что нет подходящей для этого политической конъюнктуры. Вот почему при таких условиях социалист не говорит и никогда не скажет народу: вооружайтесь, но всегда и обязательно (иначе он не социалист, а пустозвонный болтун) вооружает его жгучей потребностью вооружиться и напасть на врага. Именно от этих условий будничной работы отличаются теперь условия в России. Именно поэтому революционные социал-демократы, которые до сих пор никогда не говорили: к оружию! но всегда вооружали рабочих жгучей потребностью вооружаться, *теперь* все революционные социал-демократы, идя вслед за революционно-инициативными рабочими, дали лозунг: *к оружию!* И вот в такой-то момент, когда дан уже, наконец, этот лозунг, «Искра» изрекает: центр тяжести не в вооружении, а в жгучей потребности самовооружения. Разве это не мертвенное интеллигентское резонерство, разве это не безнадежное тряпичничество? разве не тащат эти люди партию назад, от насущных задач революционного авангарда к созерцанию «задней» пролетариата? И не от индивидуальных качеств того или иного Тряпичкина зависит это невероятное опошление наших задач, а от всей их позиции, так бесподобно формулируемой крылатыми словечками об организации-процессе или тактике-процессе. Самая уже эта позиция неизбежно и неминуемо осуждает человека на то, что он бонится всякого определенного лозунга, чурается всякого «плана», пятится назад от смелой революционной инициативы, резонерствует и пережевывает старую жвачку, страшится забежать вперед—в такое время, когда мы, социал-демократы, остались явно позади революционной активности пролетариата. Поистине: мертвый схватил живого, мертвые рабочедельские теории безнадежно омертвили и новую «Искру».

Посмотрите на рассуждения «Искры» «о политически-руководящей роли социал-демократии, как авангарда класса освободителя нации». «Эта роль — поучают нас — не может быть ни достигнута, ни прочно закреплена за нами тем, что нам удастся взять всецело в свои руки техническую организацию и проведение восстания». Подумайте только: роль авангарда не может быть достигнута, если нам удастся взять всецело в свои руки проведение восстания! И эти люди разговаривают еще об авангарде! Они *боятся того*, как бы история не возложила на них руководящей роли в демократическом перевороте, они *со страхом* думают о том, как бы им не пришлось «проводить восстание». Им мерещится та мысль — они только не решаются еще сказать ее на страницах «Искры» прямо, — что социал-демократическая организация *не должна* «проводить восстания», не должна стремиться к тому, чтобы брать всецело в свои руки революционный переход к демократической республике. Им чудится тут, этим несправлимым жирондистам социализма, чудовищное якобинство. Они не понимают, что чем усерднее будем мы стремиться взять всецело в свои руки проведение восстания, тем большую часть этого дела возьмем мы в свои руки, и что чем больше будет эта часть, тем меньше будет влияние антипролетарской или непролетарской демократии. Им непременно хочется быть в хвосте, они выдумывают себе даже особую философию, что надо быть в хвосте, — Мартынов начал уже излагать ее и завтра, вероятно, договорится *до точки* на страницах «Искры».

Попробуйте шаг за шагом разобрать ее рассуждения:

«Сознательный пролетариат, опираясь на логику стихийного процесса исторического развития, использует для своих целей все элементы организации, все элементы брожения, которые создает момент кануна революции»...

Очень хорошо! Но использовать *все* элементы и значит взять *всецело* на себя руководство. «Искра» побивает сама себя и, чувствуя это, спешит добавить:

...«нисколько не смущаясь тем, что все эти элементы отни-

мают у него долю технического руководства самой революцией и таким образом волей-неволей поспособствуют перенесению наших требований в самые отсталые слои народной массы».

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Использовать *все* элементы, *не смущаясь* тем, что они отнимают долю *руководства!*!? Побойтесь бога, господа: если действительно *мы* используем все элементы, если действительно *наши* требования перенимаются теми, кого *мы* используем, тогда они не *отнимают* у нас руководства, а *принимают* наше руководство. Если же эти *все* элементы действительно отнимают у нас руководство (и, конечно, не «техническое» только, ибо отделение «технической» стороны революции от политической есть величайший вздор), тогда, значит, не *мы* их используем, а они нас используют.

«Мы будем только рады, если вслед за священником, популяризовавшим в массах наше требование разрыва государства с церковью, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим народный поход на Зимний Дворец, русская революция обогатится генералом, который первый поведет народные массы в последний бой против царского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти».

Да, мы тоже будем рады этому, но мы желали бы, чтобы чувство радости по поводу *возможных* приятностей не затемняло нашей логики. Что значит: *русская революция* обогатится священником или генералом? Это значит, что священник или генерал станут сторонниками или вожаками революции. Эти «новички» могут быть вполне сознательными сторонниками революции, или неполне. В последнем случае (наиболее вероятном по отношению к новичкам) мы должны не радоваться, а печалиться их несознательности и *всеми силами исправлять, пополнять ее*. Пока мы этого не сделали, пока масса идет за малосознательным вожаком, придется сказать, что не социал-демократия использует все элементы, а все элементы используют ее. Сторонник революции, вчерашний священник или генерал, или чиновник, может быть полным

предрассудков буржуазным демократом и, поскольку за *ним* пойдут рабочие, постольку буржуазная демократия «использует» рабочих. Ясно ли вам это, господа новоискрывцы? Если ясно, так зачем вы *боитесь того*, чтобы вполне сознательные (*то-есть* социал-демократические) сторонники революции брали на себя руководство? Зачем боитесь вы того, чтобы офицер социал-демократ (я беру нарочно аналогичный вашему пример) и член социал-демократической организации по почину и поручению этой организации взял на себя, «взял всецело в свои руки» функции и задачи вашего предполагаемого генерала?

Вернемся к Парвусу. Он кончает свою прекрасную статью прекрасным советом «выбросить за борт» дезорганизаторов. Устранение дезорганизаторов, как видно из помещенных нами в отделе «Из партии» сообщений, есть самый страстный и самый решительный лозунг большинства русских социал-демократов. Именно так, товарищ Парвус: «выбросить за борт» самым безжалостным образом и начать это выбрасывание с тех героев социал-демократической печати, которые освящали и освящают дезорганизацию «теориями» организации-процесса, организации-тенденции. Надо не говорить только об этом, а *сделать* это. Надо немедленно созвать съезд всех партийных работников, желающих организовать партию. Надо не ограничиваться убеждениями и увещеваниями, а поставить всем колеблющимся, всем шатким, неуверенным и сомневающимся прямой и непреклонный ультиматум: выбирайте! Начиная с первого номера нашей газеты мы и ставили этот ультиматум от имени редакции «Вперед», от имени всей той массы русских партийных работников, которые доведены до небывалого озлобления дезорганизаторами. Скорее же выбрасывайте их, товарищи, и беритесь за дружную организационную работу! Лучше сотня революционных социал-демократов, принявших организацию-план, чем тысяча интеллигентских Тряпичкиных, болтающих об организации-процессе!

Редакция «Вперед» остается только выразить свое горячее сочувствие почину русского бюро. Наконец-то сделан энергичный шаг к *партийному* выходу из положения, созданного заграничными бонапартистами! В отделе «Из партий» мы помещаем сведения о том, как быстро откликаются комитеты на призыв бюро. Пусть последуют их примеру *все и всякие* группы и организации, а также отдельные лица, причисляющие себя к Рос. С.-Д. Р.П. или хотя бы примыкающие к ней по своим воззрениям и симпатиям. Третий съезд созывается *впервые* при таких условиях, когда заранее известен и состав его (на основании устава партии), и ход работ, и право на участие в нем кого бы то ни было. Пусть же все товарищи шире пользуются этими условиями! Пусть не забывают, что устав нашей партии гарантирует каждому возможность обратиться к съезду (§ 10 устава: «Каждый член партии и *всякое* лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К., в редакцию Ц. О. или *партийному съезду*»). Пусть пользуются *немедленно* этой возможностью. Редакция «Вперед» берет на себя доставку таких заявлений русскому бюро, которое конституировалось теперь, как Организационный Комитет съезда. Участие на съезде с решающим голосом доступно лишь представителям комитетов и других полномочных, на основании устава, партийных организаций. Но участие с *совещательным* голосом доступно с разрешения самого съезда—кому бы то ни было, а с раз-

решения Организационного Комитета—делегатам не полномочных партийных организаций (§ 3, прим. 2-ое устава партии: «Ц. К-ту. предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1-ом», т.е. которые не утверждены в своем полномочном званнии за год до съезда.—Само собою разумеется, что Орг. Ком., созывая съезд по поручению большинства комитетов против воли бонапартистского Ц.К-та и Совета, перенимает все права Ц.К-та по созыву съезда).

Редакция «Вперед», с своей стороны, предлагает съезду такой примерный *порядок дня*: 1. Конституирование съезда (регламент, доклад. Орг. Ком., проверка мандатов). 2. Отчеты делегатов. 3. Партийный кризис*. 4. Организационный вопрос. 5. Отношение к восстанию. 6. Соглашение с революционной демократией для целей восстания. 7. Отношение к либералам. 8. Работа в крестьянстве и поддержка революционного крестьянского движения. 9. Работа среди войска. 10. Улучшение пропагандистской и агитационной работы. 11. Выборы должностных лиц.

Активное участие всех членов партии в выработке и подготовке докладов и резолюций по этим и другим крупным вопросам (а также в собирании материала для докладов) безусловно необходимо для успеха съезда. Мы приглашаем всех сторонников партийности взяться за эту работу *немедленно*. *Всякий*, участвовавший так или иначе в перипетиях партийного кризиса, может помочь съезду кратким сообщением своего опыта и своего мнения о средствах выхода.

* Бебель обратился с письмом к Ленину, предлагая себя в третейские судьи между сторонниками «Искры» и сторонниками «Вперед». Ленин ответил, что ни он ни кто-либо другой из известных ему сторонников «Вперед» не вправе связывать своими шагами всю партию, и что предложение Бебеля должно поступить поэтому на рассмотрение созываемого русским бюро партийного съезда. Мы думаем, что съезд мог бы отнестись это предложение к пункту «партийный кризис».

Каждый, работавший в любой партийной или примыкающей к партии организации, может дать полезнейший материал, основанный на его личном опыте, для решения различных сторон организационного вопроса. (Вот примерная программа таких сообщений: время и место работы; число членов организации, рабочих и интеллигентов; отношения между ними; нужны ли писанные уставы, и какие; нужно ли нормирование, и какое, относительно пределов автономии, разделения труда, групп, входящих в партию и примыкающих к ней, кооптации и исключения членов; выборное начало; отношение комитетов к группам пропагандистов, агитаторов, организаторов, районным и фабричным кружкам, литературским и техническим комиссиям и т. д. и т. д.).

В редакцию «Вперед» доставлены уже некоторые материалы о работе среди крестьян и среди солдат. Нам известна одна группа, систематически работающая над сводкой опыта своих членов в деле пропаганды, агитации и организации и над составлением доклада съезду. Нам обещан доклад одного товарища, участвовавшего в работе организации вооруженного сопротивления *сотен* рабочих на случай еврейского погрома в одном из больших городов, а также доклад товарища, изучавшего военное дело, по вопросу об уличной борьбе. В высшей степени важно, чтобы за подобную работу взялись *немедленно* товарищи в возможно большем числе.

Партийный кризис выяснен в литературе до мельчайшей черточки. Обсуждение его не может и не должно занять много времени. Центральным пунктом работ съезда должны быть *новые вопросы* организации и тактики, выдвигаемые новым гигантским подъемом нашего революционного движения. Для решения этих вопросов коллективный опыт *всех* социал-демократов, хоть сколько-нибудь участвовавших в движении, представляет неопределимую важность. Надо только поскорее собрать этот опыт и сделать его доступным для обсуждения съезда.

За дело же, товарищи! Пусть за активную помощь съезду немедленно возьмется всякий, кому дорого социал-демократическое рабочее движение. Тогда партия быстро выйдет из периода временного унижения и ослабления на дорогу активнейшего участия в великой русской революции, на дорогу, ведущую к победе над проклятым врагом русского народа!

Собр. Соч., т. VII, стр. 137—139.

О НАШЕЙ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЕ "

Письмо III съезду

Новое крестьянское движение, с каждым днем растущее и усиливающееся, выдвигает опять на первый план вопрос о нашей аграрной программе. Основной принцип этой программы, конечно, не может вызвать разногласий и споров. Партия пролетариата должна поддерживать движение крестьянства. Она никогда не станет защищать современное помещичье землевладение от революционного натиска крестьян, но на-ряду с этим она всегда будет стремиться к развитию классовой борьбы в деревне и к внесению сознательности в эту борьбу. Эти принципы, мне кажется, разделяются всеми социал-демократами. Разногласие начинается лишь тогда, когда эти принципы приходится прилагать к действительности, когда их приходится формулировать в программе применительно к задачам момента.

Действительность лучше всего разрешает всевозможные теоретические разногласия, и я уверен, что быстрый ход революционных событий устранил и эти разногласия по аграрному вопросу среди социал-демократии. Вряд ли станет отрицать кто-нибудь, что не наше дело прожектерствовать насчет всевозможных земельных реформ, что мы должны укреплять связи с пролетариатом, *поддерживать* крестьянское движение, не упуская при этом из виду собственнические тенденции крестьянина-хозяина, тенденции, враждебность которых пролетариату тем скорее и резче будет проявляться, чем быстрее пойдет вперед революция.

Но с другой стороны ясно, что переживаемый револю-

ционный момент требует вполне определенного конкретного лозунга. Таким лозунгом должно стать образование *революционных крестьянских* комитетов, и наша партийная аграрная программа очень правильно выдвинула его. В крестьянском движении масса темноты, бессознательности, и было бы крайне опасно строить себе на этот счет какие-либо иллюзии. Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании *политической* стороны движения,—в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во *всем* политическом строе *всего государства* совершенно не возможны никакие прочие шаги по пути расширения землевладения. Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм *не может* выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю. Этого, конечно, никто не станет отрицать. Социалисты-революционеры останавливаются на этом положении вместо того, чтобы подойти к этому туманному стремлению крестьянства с классовым анализом. Социал-демократы на основании такого анализа утверждают, что все крестьянство вряд ли *может* солидарно идти дальше требования возвращения отрезных земель, так как за пределами такого аграрного преобразования неизбежно выступит ярко антагонизм сельского пролетариата и «хозяйственных мужичков». Социал-демократы, конечно, ничего не могут иметь против того, чтобы восставший мужик «добил до конца помещика», отнял у него *всю* землю, но они не могут вдаваться в авантюризм в пролетарской программе, не могут заслонять классовой борьбы против собственников розовыми перспективами таких перестроек землевладения (хотя бы и демократических перестроек), которые окажутся лишь передвижением классов или разрядов собственников.

До сих пор у нас в программе было выдвинуто требование возвращения отрезков, а в разных комментариях к программе указывалось, что отрезки вовсе не загородка, а «дверь, чтобы идти дальше», что пролетариат охотно под-

держит крестьянство на этом дальнейшем пути, но непременно оглядываясь и присматривая за своим временным союзником, крестьянником-хозяином, не выпускает ли он свои хозяйские коготки. Теперь, перед лицом революционных событий, невольно возникает вопрос: не целесообразнее ли перенести *такое* положение нашей тактики из комментариев в самую программу? Ведь как-никак программа является официальным общепартийным выражением взглядов социал-демократии, а всякий комментарий по необходимости представляется более или менее личным воззрением того или другого социал-демократа. Не разумнее ли поэтому внести в программу более общее положение нашей политики по этому вопросу, а в комментариях развивать частные мероприятия, отдельные требования, вроде, например, отрезков?

Чтобы конкретнее выяснить мою мысль, я приведу здесь ту формулировку, которую приняло бы соответствующее место в нашей программе: (Р. С.-Д. Р. П. требует прежде всего)... «4) учреждения революционных крестьянских комитетов для устранения всех остатков крепостничества, для демократического преобразования всех вообще деревенских отношений и для принятия революционных мер к улучшению положения крестьянства, не останавливающихся перед отнятием земли у помещиков. Социал-демократия будет поддерживать крестьянство во всех его революционно-демократических предприятиях, отстаивая самостоятельные интересы и самостоятельную организацию сельского пролетариата».

В предлагаемой формулировке в программу внесено то, что до сих пор обыкновенно развивалось в комментариях, «отрезки» же из программы переносятся в комментарии. Такое изменение имеет то преимущество, что в программе яснее указывается особенность пролетарской позиции, а ясность в таком важном вопросе перевешивает все редакционные неудобства (таким неудобством является включение в программу вместо определенного требования — разъяснения, обыкновенно относимого в комментарий. Надо заметить,

впрочем, что в нашей программе уже имеются такие разъяснения: ср., напр., пункт о борьбе с реформами, связанными с упрочением полицейско-чиновничьей опеки). Преимуществом является также и то, что программа раз-навсегда устраняет нелепую мысль, будто социал-демократия говорит крестьянину, что дальше отрезков он не может и не должен идти. Мысль эту необходимо устранить ясной формулировкой программы, а не ограничиваться разъяснением ее в комментариях. Недостатком предлагаемой мною формулировки может показаться то, что в ней не указывается никаких определенных способов экспроприации земли. Но есть ли это, собственно говоря, недостаток?

Социал-демократы, писавшие по аграрному вопросу, неоднократно показывали, насколько неуместно нам пускаться на этот счет в прожектерство, ибо самая главная мера земельной реформы—национализация земли—*в полицейском государстве* по необходимости будет извращена и послужит для затемнения классового характера движения. А между тем все другие меры к преобразованию земельных отношений будут при капиталистическом строе лишь приближением к национализации, лишь частными мерами, лишь некоторыми из возможных мер, т.-е. такими, которыми *ограничить себя* социал-демократия вовсе не намерена. В настоящее время социал-демократы против национализации, и даже социалисты-революционеры под влиянием нашей критики стали гораздо осторожнее относиться к этой национализации (сравни проект их программы с их прежним «удальством»).

Но дело в том, что революционное движение ведет нас к демократической республике, представляющей одно из наших ближайших требований, на-ряду с уничтожением постоянной армии и т. п.

При демократической же республике, при вооружении народа, при осуществлении других подобных же республиканских мер социал-демократия не может зарекаться и связывать себе руки по отношению к национализации земли. И так,

недостаток предлагаемой мною формулировки только кажущийся. В действительности же она дает выдержанный классовый лозунг для данной минуты,—притом лозунг вполне конкретный,—оставляя вместе с тем полный простор для тех «революционно-демократических» шагов, которые могут оказаться необходимыми или желательными, в случае благоприятного развития нашей революции. В настоящее время, а также и далее до полной победы крестьянского восстания, революционный лозунг необходимо должен учитывать антагонизм *мужика и помещика*; и пункт об отрезках совершенно верно подчеркивал это обстоятельство; между тем, всевозможные «национализации», «передачн ренты», «социализации» и т. п.—и в этом как раз их недостаток—игнорируют и затемняют характерный антагонизм.

Предлагаемая мною формулировка вместе с тем расширяет задачу революционных крестьянских комитетов до «демократического преобразования всех вообще деревенских отношений». В нашей программе крестьянские комитеты выдвинуты, как лозунг, при чем совершенно правильно они характеризованы, как *крестьянские*, т. е. сословные, ибо сословный гнет может быть уничтожен только всем низшим угнетенным сословием. Но есть ли основание ограничивать задачи этих комитетов одними аграрными реформами? Неужели же для других преобразований, например, административных и т. д., нужно создавать *другие* комитеты? Ведь вся беда крестьян, как я уже указывал, в полном непонимании политической стороны движения. Если бы удалось связать хотя бы в отдельных случаях успешные революционные мероприятия крестьян в деле улучшения их положения (конфискация хлеба, скота, *земли*) с учреждением и деятельностью *крестьянских комитетов* и с полной санкцией этих комитетов революционными партиями (а, при особо благоприятных условиях, временным революционным правительством), тогда можно было бы считать выигранной борьбу за привлечение крестьян на сторону демократической республики. Без такого

же привлечения все революционные шаги крестьянства будут очень непрочны, и все их завоевания будут легко отобраны стоящими у власти общественными классами.

Наконец, говоря о поддержке «революционно-демократических» мероприятий, предлагаемая формулировка ясно проводит грань между обманчивой, якобы социалистической, *внешностью* таких мер, как захват земли крестьянами, и их действительным демократическим содержанием. Чтобы видеть, насколько важно для социал-демократа проведение такой грани, довольно вспомнить отношение Маркса и Энгельса к аграрному движению, например, в Америке (Маркс в 1848 году о Кригэ²¹, Энгельс в 1885 о Генри Джордже²²). Теперь, конечно, никто не станет *отрицать* крестьянскую войну из-за земли, погоню за землей (в полукрепостных странах или в колониях). Мы вполне признаем ее законность и прогрессивность, но вместе с тем мы разоблачаем ее демократическое, т.е. *в конечном счете* буржуазно-демократическое содержание, а потому, поддерживая это содержание, мы с своей стороны вносим особые «оговорки», указываем на «самостоятельную» роль *пролетарской* демократии, на особые цели социал-демократии, как классовой партии, стремящейся к социалистической революции.

Вот те соображения, вследствие которых я предлагаю товарищам обсудить на предстоящем съезде мое предложение и расширить соответственный пункт программы в указанном мною духе.

Подпись: — ь.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА ⁴³

Вопрос об участии социал-демократии во временном революционном правительстве выдвинут на очередь не столько ходом событий, сколько теоретическими рассуждениями социал-демократов одного направления. В двух фельетонах (№№ 13 и 14) мы разобрали рассуждения Мартынова, впервые выдвинувшего этот вопрос. Оказывается, однако, что интерес к нему так велик, а недоразумения, порождаемые указанными рассуждениями (смотри особенно № 93 «Искры»), так громадны, что необходимо еще раз остановиться на этом вопросе. Как бы ни оценивали социал-демократы вероятность того, что нам придется в недалеком будущем не только теоретически решать этот вопрос, во всяком случае ясность ближайших целей необходима для партии. Без ясного ответа на этот вопрос невозможна уже теперь выдержанная, чуждая шатаний или недомолвок, пропаганда и агитация.

Попытаемся восстановить сущность спорного вопроса. Если мы хотим не только уступок от самодержавия, а настоящего низвержения его, то мы должны добиваться замены царского правительства временным революционным правительством, которое, с одной стороны, созвало бы учредительное собрание на основании действительно всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов и которое, с другой стороны, было бы в состоянии на деле провести полную свободу, на время выборов. И вот спрашивается, позволительно ли социал-демократической рабочей партии участвовать в таком временном революционном правительстве?

Вопрос этот поставили впервые представители оппортунистического крыла нашей партии, именно Мартынов, еще до 9 янв., при чем он, а вслед за ним и «Искра», решили этот вопрос отрицательно. Мартынов старался довести до абсурда взгляды революционных социал-демократов, *пугая* их тем, что, в случае успешной работы над организацией революции, в случае руководства вооруженным народным восстанием со стороны нашей партии, нам *придется* участвовать во временном революционном правительстве. А такое участие есть недопустимый «захват власти», есть непозволительный, для классовой социал-демократической партии, «вульгарный жоресизм».

Остановимся на рассуждениях сторонников этого взгляда. Находясь во временном правительстве, говорят нам, социал-демократия будет держать в руках власть; а социал-демократия, как партия пролетариата, не может держать в руках власть, не пытаясь осуществить нашей программы-максимум, т.е. не пытаясь осуществить социалистического переворота. А на таком предприятии она неизбежно в настоящее время потерпит поражение и только осрамит себя, только сыграет на руку реакции. Поэтому-де участие социал-демократии во временном революционном правительстве недопустимо.

Это рассуждение основано на смешении демократического и социалистического переворотов,—борьбы за республику (включая сюда и всю нашу программу-минимум) и борьбы за социализм. Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия действительно лишь осрамила бы себя. Именно против подобных смутных и неясных идей наших «социалистов-революционеров» и воевала однако всегда социал-демократия. Именно поэтому настаивала она всегда на буржуазном характере предстоящей России революции, именно поэтому строго требовала отделения демократической программы-минимум от социалистической программы-максимум. Забыть все это могут во время переворота

отдельные социал-демократы, склонные пасовать перед стихийностью, но не партия в целом. Сторонники этого ошибочного мнения впадают в преклонение перед стихийностью, думая, что ход вещей заставит социал-демократию, в таком положении, взяться вопреки ее воле за осуществление социалистического переворота. Если бы это было так, тогда, значит, неверна была бы наша программа, тогда она не соответствовала бы «ходу вещей»: преклоняющиеся перед стихийностью люди как раз и боятся этого, боятся за верность нашей программы. Но их боязнь (психологическое объяснение которой мы старались наметить в наших фельетонах) неосновательна до последней степени. Наша программа верна. Именно ход вещей подтвердит ее непременно, и чем дальше, тем больше. Именно ход вещей «навяжет» нам безусловную необходимость отчаянной борьбы за республику, именно он практически направит как раз в эту сторону наши силы, силы политически-активного пролетариата. Именно ход вещей неизбежно навяжет нам при демократическом перевороте такую массу союзников из мелкой буржуазии и крестьянства, реальные потребности которых потребуют как раз проведения программы-минимум, что опасения слишком быстрого перехода к программе-максимум являются прямо смешными.

Но, с другой стороны, именно эти союзники из мелкобуржуазной демократии вызывают новые опасения среди социал-демократов известного направления, именно опасения насчет «вульгарного жоресизма». Участвовать в правительстве вместе с буржуазной демократией запрещено резолюцией Амстердамского конгресса²⁴, это есть жоресизм, т.-е. бессознательное предательство интересов пролетариата, превращение пролетариата в прихвостия буржуазии, разращение его мишурой власти, на деле безусловно недостижимой в буржуазном обществе.

Это рассуждение не менее ошибочно. Оно показывает, что авторы его выучили на память хорошие резолюции, но не поняли значения их;—зазубрили некоторые антижоресист-

ские словечки, но не продумали их и применяют поэтому совсем некстати;—усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии. Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго разделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасти республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило;—что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью, под влиянием, отчасти, как раз обилия мншурных парламентских упражнений его вожаков,—что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого *отманивали* пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ.

Теперь возьмите Россию. Субъективно такие революционные социал-демократы, как впередовцы или Парвус, хотят отстоять республику, вступая для этого в союз с революционной буржуазной демократией. Объективные условия отличаются от французских как небо от земли. Объективно, исторический ход вещей поставил теперь русский пролетариат как раз перед задачей демократического буржуазного переворота (все содержание которого мы означаем для краткости словом республика); перед этой же задачей стоит весь народ, т. е. вся масса мелкой буржуазии и крестьянства; без этого переворота немисливо сколько-нибудь широкое развитие самостоятельной классовой организации для социалистического переворота.

Представьте себе конкретно все различие объективных условий и скажите: что следует думать о людях, которые забывают это различие, увлекаясь сходством некоторых слов, подобием некоторых букв, одинаковостью субъективной мотивировки?

Так как Жорес во Франции преклонялся перед буржуазной социальной реформой, неправильно прикрывая себя субъективной целью борьбы за республику, то поэтому мы, русские социал-демократы, должны отказаться от серьезной борьбы за республику! Ведь к этому, именно к этому сводится премудрость новонкровцев.

В самом деле, не ясно ли, что борьба за республику немислима для пролетариата без союза его с мелко-буржуазной массой народа? Не ясно ли, что без революционной диктатуры пролетариата и крестьянства нет ни тени надежды на успех этой борьбы? Один из главных недостатков разбираемого взгляда состоит в его мертвенности, шаблонности, в том, что упускаются из вида условия революционного времени. Борьбаться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры, это все равно, как если бы Ойяма решил бороться с Куропаткиным под Мукденом заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден. Ведь, если мы, революционный народ, т.е. пролетариат и крестьянство, хотим «вместе бить» самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его! (Оговариваемся еще раз во избежание возможных недоразумений, что мы разумеем под республикой не только и даже не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум). Нужно истинно-школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией—уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией—демократическая республика, наконец, за пролетариатом—социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (напр., для Франции с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности

в революционную эпоху,—для этого надо быть виртуозом филистерства. Если русское самодержавие не сумеет вернуться даже теперь, отделавшись куцой конституцией, если оно будет не только поколеблено, а действительно *свергнуто*, тогда, очевидно, потребуются гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это «отстоять» и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства! Чем больше мы завоеваем теперь, чем энергичнее мы будем отстаивать завоеванное, тем меньше сможет отнять впоследствии неизбежная будущая реакция, тем короче будут эти интервалы реакции, тем легче будет задача для пролетарских борцов, идущих вслед за нами.

А тут являются люди, которые наперед хотят, до борьбы, отмерить точно аршином «по Иловайскому» скромненький кусочек будущих завоеваний,—которые до падения самодержавия, даже еще до 9-го января вздумали страшить рабочий класс России пугалом ужасной революционной демократической диктатуры! И эти аршинники претендуют на название революционных социал-демократов...

Участвовать во временном правительстве вместе с буржуазной революционной демократией,—плачутся они,—да ведь это значит освящать буржуазный строй, освящать сохранение тюрем и полиции, безработицы и шпеты, собственности и проституции. Это довод, достойный либо анархистов, либо народников. Социал-демократия не отворачивается от борьбы за политическую свободу на том основании, что это есть буржуазная политическая свобода. Социал-демократия **смотрит** на «освящение» буржуазного строя с исторической точки зрения. Когда Фейербаха спросили, освящает ли он материализм Бюхнера, Фохта и Молешотта, он отвечал: я освящаю материализм в его отношении к прошлому, но не в его отношении к будущему. Вот точно так же и социал-демократия освящает буржуазный строй. Она никогда не боялась и никогда не побоялась сказать, что освящает республикан-

ски-демократический буржуазный строй по сравнению с самодержавно-крепостническим буржуазным строем. Но она «освящает» буржуазную республику лишь как последнюю форму классового господства, освящает ее как наиболее удобную арену для борьбы пролетариата с буржуазией, освящает не за ее тюрьмы и полицию, собственность и проституцию, а для широкой и свободной борьбы против этих милых учреждений.

Конечно, мы далеки от мысли утверждать, что участие наше в революционном временном правительстве не влечет за собой для социал-демократии никаких опасностей. Нет и не может быть такой формы борьбы, такого политического положения, которое бы не влекло за собой опасностей. Если нет революционного классового инстинкта, если нет цельного мирозерцания, стоящего на уровне науки, если нет (не во гнев будь сказано товарищам-новоискровцам) царя в голове,—тогда опасно и участие в стачках—может повести к экономизму,—и участие в парламентской борьбе—может кончиться парламентским кретинизмом²⁶,—и поддержка земской либеральной демократии—может привести к «плану земской кампании». Тогда опасно даже читать по истории французской революции полезнейшие сочинения Жореса и Оляра—может привести к брошюре Мартынюва о двух диктатурах.

Разумеется, если бы социал-демократия хоть на минуту забыла о классовой особенности пролетариата от мелкой буржуазии, если бы она заключила не во-время невыгодный для нас союз с той или иной незаслуживающей доверия интеллигентской мелко-буржуазной партией, если бы социал-демократия хоть на минуту упустила из виду свои самостоятельные цели и необходимость (при всех и всяких политических ситуациях и конъюнктурах, при всех и всяких политических поворотах и переворотах) ставить во главу угла развитие классового самосознания пролетариата и его самостоятельной политической организации,—тогда участие в временном революционном правительстве было бы крайне опасно. Но при

этом условии, повторяем, и в такой же мере опасен любой политический шаг. До какой степени неосновательно приурочение этих возможных опасений к теперешней постановке ближайших задач революционной социал-демократией, это покажут всем самые простые справки. Не будем говорить о себе, не станем воспроизводить многочисленных заявлений, предостережений, указаний по рассматриваемому нами вопросу в газете «Вперед»,—сошлемся на Парвуса. Высказываясь за участие социал-демократии во временном революционном правительстве, он со всей энергией подчеркивает условия, которых никогда не должны мы забывать: вместе бить, врозь идти, не смешивать организаций, смотреть за союзником, как за врагом, и т. д. Мы не останавливаемся подробнее на этой стороне дела, уже отмеченной в фельетоне.

Нет, действительная политическая опасность для социал-демократии лежит в настоящее время совсем не там, где ее ищут новопсковцы. Не мысль о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства должна страшить нас, а тот дух хвостизма и мертвенности, который разлагающе действует на партию пролетариата, выражаясь во всевозможных теориях организации-процесса, вооружения-процесса и т. п. Возьмите, например, новейшую попытку «Искры» провести различие между временным революционным правительством и революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Разве это не образец мертвенной схоластики? Люди, сочиняющие такие различия, способны нанизывать красивые слова, но совершенно неспособны думать. Отношение между указанными понятиями на самом деле приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит: «временное революционное правительство», тот подчеркивает государственно-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции, временный характер правительства, связанного будущим учредительным собранием. Но какова бы ни была форма, каково бы ни было происхождение

ние, каковы бы ни были условия, ясно во всяком случае, что временное революционное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь,—чтобы видеть, что временное революционное правительство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства. Следовательно, различие, проводимое «Искрой», только тащит партию назад, к бесплодным словесным спорам, от задачи конкретного анализа классовых интересов в русской революции.

Или возьмите другое рассуждение «Искры». По поводу возгласа: да здравствует революционное временное правительство! она назидательно замечает: «сочетание слов «да здравствует» и «правительство» сквернит уста». Разве это не пустозвонная фраза? Они говорят о свержении самодержавия и в то же время боятся осквернить себя приветствием революционному правительству! Удивительно, право, что они не боятся осквернения от приветствия республике: ведь республика необходимо предполагает правительство, и ни один социал-демократ никогда не сомневался в том, что именно буржуазное правительство. Какая же разница между приветствовавшим временного революционного правительства и приветствовавшим демократической республики? Неужели социал-демократия, политическая руководительница самого революционного класса, должна уподобиться анемичной и истеричной старой деве, которая жеманно наставляет на необходимости фигового листка: приветствовать то, что подразумевает буржуазно-демократическое правительство, можно, но приветствовать прямо временное революционно-демократическое правительство нельзя?

Картина: петербургское рабочее восстание победило. Самодержавие свергнуто. Провозглашено временное революционное правительство. Вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство! В стороне стоят новокровцы и, вознося горькие свои целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца,

изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов...

Нет и тысячу раз нет, товарищи! Не бойтесь осквернить себя самым энергичным, ни перед чем не останавливающимся участием вместе с революционной буржуазной демократией в республиканском перевороте. Не преувеличивайте опасностей этого участия, с которыми вполне может сладить наш организованный пролетариат. Месяцы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства сделают больше, чем десятилетия мирной, отупляющей атмосферы политического застоя. Если русский рабочий класс после 9-го января сумел в условиях политического рабства мобилизовать более миллиона пролетариев для коллективного, стойкого и выдержанного выступления,—то при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота.

Собр. Соч., т. VII, стр. 196—202.

1.

РЕЧЬ О ЗАКОННОСТИ СЪЕЗДА 26 (13) АПРЕЛЯ

Я хочу ответить на замечания о законности созыва съезда. Ц. К. признавал, что съезд незаконен. Сам Ц. К. назвал свое послание Совету Партии «покаянным». Но было ли Ц. К. в чем каяться? Съезд совершенно законен. Правда, по *букве* устава его можно считать незаконным; но мы впали бы в карикатурный формализм, если бы так понимали устав. По смыслу же устава съезд вполне законен. Не партия существует для Совета Партии, а Совет Партии для партии. Еще на II съезде, по поводу инцидента с Организационным Комитетом, было указано, и самим же т. Плехановым, что дисциплина по отношению к коллегии низшей уступает перед дисциплиной к коллегии высшей. Ц. К. указывал, что он готов подчиниться Совету Партии, если Совет Партии подчинится партии, т.-е. съезду. Это вполне законное требование. Между тем Совет Партии ответил на него отказом. Но, говорят, Ц. К. заподозрил лояльность Совета Партии и выразил ему недоверие. Но ведь во всех конституционных странах граждане имеют право выражать недоверие тем или другим должностным лицам или учреждениям. Это право не может быть у них отнято. Наконец, если бы Ц. К. даже поступил незаконно, то разве это давало право Совету Партии поступать тоже незаконно? В чем гарантия того пункта устава, по которому Совет Партии созывает съезд, если высказалось половина полноправных голосов? В уставе Германской с.-д. партии имеется пункт, предоставляющий контрольной комиссии со-

звать съезд, если Vorstand * отказывается его созвать. У нас такого параграфа нет, и гарантия созыва съезда лежит всецело на самой же партии. С точки зрения духа устава и даже его буквы, если взять его в целом, ясно, что Совет Партии это—доверенный комитетов партии. Доверенный комитетов отказывается исполнить волю своих доверителей. Если доверенный не исполняет воли партии, партии остается лишь осуществить эту волю самой. И комитеты нашей партии не только имели право, но и обязаны были созвать съезд сами. И я утверждаю, что съезд созван вполне законно. Кто является судьей в рассмотрении этого спора между Советом Партии и комитетами? Да те же комитеты партии. Воля партии выразилась уже давно. Оттяжки и проволоочки со стороны заграничных центров не могли ее изменить. Комитеты обязаны были сами созвать съезд, и он созван законно.

Отвечаю т. Тигрову. Т. Тигров говорит, что не следует судить Совета Партии. Орг. Комитет своим докладом судит Совет Партии. Мне кажется, т. Тигров ошибается, говоря, что нельзя судить заочно. В политике постоянно приходится судить заочно. Разве мы не судим постоянно в нашей публицистике, на наших собраниях и повсюду с.-р., бундистов и др. Как же быть, если не судить заочно? Ведь Совет Партии не хочет явиться на съезд, в таком случае придется вообще никого никогда не судить. Даже официальные суды судят заочно, если подсудимый не желает явиться на суд.

* — Правление. *Ред.*

2.

РЕЧЬ О ПОЛНОПРАВНОСТИ КАЗАНСКОГО И КУБАНСКОГО КОМИТЕТОВ 27 (14) АПРЕЛЯ

Из заключения мандатной комиссии видно, что всего в партии у нас 75 решающих голосов, так что, несомненно, при данном составе, наш съезд должен быть признан законным. Принимая во внимание то подозрительное отношение к нашему съезду, которое существует теперь, нужно признать похвальным «либеральное» стремление мандатной комиссии утвердить возможно большее число комитетов, дабы увеличить требуемое для съезда законное большинство. С этой стороны я готов даже выразить сочувствие этому «либерализму», но, с другой стороны, необходимо быть осторожным и беспристрастным одинаково ко всем и, исходя из этих соображений, я не могу не отнестись отрицательно к утверждению мандатной комиссией Казанского и Кубанского комитетов. В 89 № «Искра» опубликовала их в списке полноправных комитетов, но в списке полноправных организаций, помещенном в протоколах Совета Партии, их не имеется. В заседании Совета Партии т. Мартов приводил список полноправных комитетов до 14 (1) сентября 1904 г.

(Читается выдержка из протоколов Совета Партии):

«Мартов читает свою резолюцию: С. П., согласно § 2 устава, обязан созвать съезд, если этого требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Согласно примечания I к § 3 устава, правом представительства на съезде пользуются лишь те организации, которые являются утвержденными в этом отношении с момента принятия партийного устава.

Для организаций же, на II съезде не представленных, моментом их утверждения считается момент утверждения их Ц. К. не позже, как за 1 год до съезда. 1) С. П. постановляет, что этот же срок со времени утверждения организации принимается для признания ее голоса при исчислении количества организаций, высказавшихся за созыв съезда. Организации, представленные на II съезде и избранные им, считаются полноправными. 2) Ввиду этого, впредь до сентября 1904 г., имеющими право на решение вопроса о созыве съезда считаются только: 1) Ц. К., 2) Ц. О., 3) Заграничная Лига, 4—20) комитеты: Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Одесский, Николаевский, Донской, Екатеринославский, Саратовский, Уфимский (ныне Уральский), Северный, Тульский, Тверской, Нижегородский, Бакинский, Батумский, Тифлиссский (впредь до истечения годового срока с момента утверждения Кавказского Союза), 21—23) Союзы: Горнозаводский (Донецкий), Сибирский и Крымский.

При полноправности этих организаций, количество голосов на съезде, на которое они имеют право, равно 46. Вместе с 5 голосами, которые имеют члены С. П., общее количество голосов на съезде равно 51 голосу, а для его созыва требуется, следовательно, 26 голосов, т.-е. голоса 13 полноправных организаций, из числа здесь перечисленных. Ц. К. предлагается представить в С. П. даты утверждения им новых комитетов, появившихся после съезда.

Первая часть резолюции принята единогласно.

Далее т. Глебов в своей речи на том же заседании привел список вновь образовавшихся комитетов.

Речь т. *Глебова* (из протоколов С. П.): «Я согласен с т. Мартовым и могу лишь указать на вновь образовавшиеся комитеты: Смоленский и Астраханский, утвержденные в сентябре 1903 г.; Воронежский (Касса Борьбы) в январе 1904 г.; Рижский—в январе; Полесский—в апреле; Северо-Западный—в апреле; Курский—в январе; Орловско-Брянский—в сентябре 1903 г.; Самарский—в сентябре 1903 г.; Уральский (Уфимский)—в апреле».

Эти факты были опубликованы в брошюре т. Орловского «Совет против Партии», и до сих пор С. П. не опроверг их, не опубликовал времени утверждения спорных комитетов, что говорит за то, что, очевидно, нет доказательств этого утверждения. В том же заседании С. П., т. Мартов в одной из своих речей указал на то, что, по его мнению, в августе

должны быть утверждены еще 2 комитета, именно Кременчугский и Полтавский, но опять-таки ни слова о Казанском и Кубанском.

Затем после июльской декларации т. Глебов прислал мне полные протоколы заседаний Ц.К., из которых не видно утверждения ни Казанского, ни Кубанского комитетов, и после этого в заседаниях Ц.К., как свидетельствует член Ц.К. т. Летнев, об утверждении их тоже не было речи; правда, член Ц.К. т. Зимин как будто что-то вспоминает об утверждении Казанского и Кубанского комитетов, но определенного ничего сказать не может.

Решение комиссии признать комитеты полноправными на основании того, что фактически установлено, что они работают больше года, не является правильным, а потому предлагаю эти комитеты считать неспособными.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ОТНОШЕНИИ Р. С.-Д. Р. П.
К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ ²⁷

Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по самому положению своему наиболее передовым и последовательным революционным классом, тем самым призван сыграть роль вождя и руководителя в общедемократическом революционном движении в России;

2) что только выполнение такой роли во время революции обеспечит за пролетариатом наиболее выгодную позицию для дальнейшей борьбы за социализм против имущих классов готовой родиться буржуазно-демократической России;

3) что роль эту пролетариат может выполнить, лишь будучи организован под знаменем с.-д. в самостоятельную политическую силу и выступая в стачках и демонстрациях с возможно более законченным единством,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет, что задача организовать силы пролетариата для непосредственной борьбы с самодержавием путем массовых политических стачек и вооруженного восстания и создание для этой цели осведомляющего и руководящего аппарата являются одною из главных задач партии в настоящий революционный момент, потому съезд поручает как Ц. К., так и местным комитетам и союзам приступить к подготовке массовой политической стачки, а также к организации особых групп для приобретения и распределения оружия, *выработки плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым.* Выполнение этой задачи может и должно идти не только без всякого ущерба для общей работы по пробуждению классового самосознания пролетариата, но, напротив, способствуя ее глубине и успешности.

**РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ
28 (15) АПРЕЛЯ**

Тут говорилось, что принципиально вопрос достаточно ясен. Однако, в с.-д. литературе имелись заявления (см. «Искру» № 62 и предисловие т. Аксельрода к брошюре Рабочего) такого рода, которые показывают, что вопрос не так уж ясен. «Искра» и Аксельрод толковали о заговорщичестве, высказывали опасения, что о восстании будут думать слишком много. Оказалось, однако, что думали слишком мало... В предисловии к брошюре Рабочего т. Аксельрод говорит, что дело может идти лишь о восстании «одичалых масс народа». Жизнь показала, что дело идет не о восстании «одичалых масс», а о восстании сознательной массы, способной к организованной борьбе. Вся история последнего года показала, что мы недооценивали значение и неизбежность восстания. Надо обратить внимание на практическую сторону дела. Тут чрезвычайно важен опыт практиков и рабочих—петербургских, рижских, кавказских. Поэтому я высказался бы за то, чтобы товарищи поделились своим опытом,—это придаст практический, а не схоластический характер нашим прениям. Надо выяснить, каково настроение пролетариата, сознают ли рабочие себя способными бороться и руководить борьбой. Необходимо подвести итог коллективному опыту, который до сих пор не был обобщен.

6.

**РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ
29 (16) АПРЕЛЯ**

В дебатах вопрос поставлен на практическую почву—о настроении масс. Т. Лесков прав, что настроение пестрое. Но прав и т. Жарков, что нам необходимо считаться с тем, что восстание произойдет несомненно, как бы мы ни отнеслись к нему. Возникает вопрос: существуют ли принципиальные разногласия между предложенными резолюциями. Я решительно не вижу их. Хотя я значусь самым непримиримым, я все же попытаюсь примирить и согласовать обе резолюции, займусь их примирением. Я ничего не имею против поправки к резолюции т. Воинова. В добавлении я тоже не вижу принципиального разногласия. Из наиболее энергичного участия еще не вытекает гегемонии. По-моему, т. Михайлов выразился позитивнее,—у него гегемония подчеркнута и притом в конкретной форме. Английский пролетариат призван осуществить социалистическую революцию,—это несомненно; но его неспособность произвести ее в настоящий момент, при его соц. неорганизованности и развращенности буржуазией, тоже несомненна. Та же мысль и у т. Воинова; самое энергичное участие, несомненно, есть самое решающее. Решит ли исход революции пролетариат,—безусловно утверждать нельзя. То же и относительно роли вождя. В резолюции т. Воинова выражение осторожнее. С.-д. может организовать восстание, может даже решить его, но будет ли обеспечена за него руководящая роль, этого предрешить нельзя,—это будет зависеть от силы, организованности пролетариата. Мелкая буржуазия может быть организована лучше, и ее дипломаты могут ока-

заться сильнее, лучше подготовленными. Т. Воинов осторожней—он говорит: «ты можешь выполнить»; «ты выполнишь»—говорит т. Михайлов. Может быть решающий исход революции даст пролетариат, но безусловно утверждать этого нельзя. Т.т. Михайлов и Сосновский впали в ту ошибку, которую они приписывали т. Воинову: «Не хвались, на рать идучи».— «Для обеспечения необходимо», говорит Воинов, а они говорят: «необходимо и достаточно». По вопросу об образовании особых боевых групп я могу сказать, что считаю их необходимыми. Нам нечего бояться образования особых групп.

6.

РЕЧЬ ОБ ОТНОШЕНИИ К ТАКТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАКАНУНЕ ПЕРЕВОРОТА 1 МАЯ (18 АПРЕЛЯ)²⁹

Мы находимся в затруднительном положении. У нас имеются три резолюции и три поправки. Резолюции растут и развиваются, и процесс этот совершенно не урегулирован. Тема оказалась шире, чем предполагал докладчик. Придется вернуть резолюцию в комиссию, хотя т. Сергеев, повидимому, высмеивает это предложение. Вопросы об открытом выступлении касались все ораторы. Доклад теме соответствует, но его необходимо дополнить. Насчет участия в обществах столкнулись два мнения. Съезд категорических указаний не может давать об участии в обществах. Надо пользоваться всеми средствами для агитации. Из опыта с комиссией Шидловского нельзя вывести безусловно отрицательного отношения. Говорят, резолюция не дает ничего нового. Хорошее—скажи и еще раз скажи. Мнение т. Зимины угловато. Ответить категорически, следует ли участвовать в земском соборе, нельзя. Все будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят, земский собор—это обман. Это верно, но иногда для того, чтобы разоблачить обман, надо принять участие в выборах. Кроме общей директивы дать ничего нельзя. Повторяю, по-моему, следует вернуть все резолюции в комиссию, расширив ее состав.

7.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТОМ ВЫСТУПЛЕНИИ ²⁹

Принимая во внимание:

1) что революционное движение в России несколько расширилось и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить свободу политического выступления враждебных ему классов в сравнительно значительных размерах;

2) что этой свободой политического выступления всего более и почти исключительно пользуются буржуазные классы, еще усиливая таким образом свое прежнее экономическое и политическое преобладание над рабочим классом и увеличивая опасность превращения пролетариата в простой придаток буржуазной демократии;

3) что среди рабочих масс все шире и шире развивается и (прорывается, проявляется наружу) стремление к самостоятельному открытому выступлению на политическую арену хотя бы и (в маловажных случаях и хотя бы) без всякого участия социал-демократии;

III съезд Р. С.-Д. Р. П. обращает внимание всех партийных организаций на то, что необходимо:

а) использовать все и всяческие случаи открытого политического выступления общества и народа в прессе, союзах и собраниях для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для развития его самосознания, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социалистическую силу;—

б) использовать все легальные или полулегальные пути для создания рабочих обществ, союзов и организаций, причем следует стремиться к обеспечению (тем или иным путем) преобладающего влияния социал-демократии на такие союзы, к превращению их в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России;

в) принять меры к тому, чтобы наши партийные организации, на-ряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода, во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности социал-демократии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства.

8.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ УЧАСТИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ВО ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Принимая во внимание

1) что для действительно массовой, свободной и открытой борьбы пролетариата с буржуазией необходима возможно более полная широкая политическая свобода, а следовательно, возможно более полное осуществление республиканского строя;

2) что все более и более значительное число представителей различных буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, крестьянства и пр. выступают в настоящее время с революционно-демократическими лозунгами, естественно и неизбежно вытекающими из основных потребностей массы народа, удовлетворение которых—невозможное при самодержавии—безусловно необходимо в силу требований объективного развития всей общественно-экономической жизни России;

3) что международная революционная социал-демократия всегда призывала необходимость самой энергичной поддержки пролетариатом революционной буржуазии в ее борьбе со всеми реакционными классами и учреждениями, при условии полной самостоятельности партии пролетариата и строго критического отношения к ее временным союзникам;

4) что низвержение самодержавного правительства в России невозможно без замены его временным революционным правительством, и лишь такая замена в состоянии обеспечить действительную свободу и правильность выражения воли всего народа при учреждении нового политического строя России, обеспечить осуществление нашей ближайшей, непосредственной программы политических и экономических преобразований;

5) что без замены самодержавного временным революционным правительством, опирающимся на все революционно-демократические классы и элементы классов в России, невозможно завоевание республики и привлечение на сторону революции отсталых и неразвитых слоев пролетариата и особенно крестьянства, слоев, интересы которых безусловно противоречат самодержавно-крепостному строю и которые в значительной степени лишь в силу гнета отупляющей политической атмосферы держатся за самодержавие или стоят в стороне от борьбы с ним;

6) что при наличии в России хотя и находящейся лишь при начале своего развития, но уже сорганизованной социал-демократической рабочей партии, способной, особенно при политической свободе, контролировать и направлять поведение своих делегатов во временном революционном правительстве, опасность уклонения этих делегатов от правильного классового пути не является неустранимой,—

Третий съезд Р.С.-Д.Р.П. признает возможным участие уполномоченных от партии во временном революционном правительстве в целях беспощадной борьбы вместе с революционной буржуазной демократией против всех контрреволюционных попыток и в целях отстаивания самостоятельных классовых интересов пролетариата, причем условием такого участия является строгий контроль партии за ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократической рабочей партии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и в этом отношении враждебной всем буржуазно-демократическим партиям и классам.

9.

ДОКЛАД ОБ УЧАСТИИ С.-Д. ВО ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ 1 МАЯ (18 АПРЕЛЯ)

Моя задача—изложить постановку вопроса об участии социал-демократии во временном революционном правительстве. На первый взгляд может показаться странным, что подобный вопрос возник. Можно подумать, что дела социал-демократии обстоят великолепно, и вероятность ее участия во временном революционном правительстве очень велика. На самом деле это не так. Обсуждать этот вопрос с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы донкихотством. Но вопрос этот навязан нам не столько практическим положением дел, сколько литературной полемикой. Необходимо всегда иметь в виду, что вопрос этот первый поднял Мартынов еще *до 9 января*. Вот что он писал в своей брошюре «Две диктатуры» (стр. 10—11):

«Представьте себе, читатель, на минуту осуществление ленинской утопии, представьте себе, что партии, состав членов которой сужен до участия в ней только профессиональных революционеров, удалось «подготовить, *назначить* и провести всенародное вооруженное восстание». Не очевидно ли, что всенародная воля *назначила бы* сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-нибудь другой, вручил бы ближайшую судьбу революции? Не очевидно ли, что эта партия, не желая обмануть оказанного ей раньше народом доверия, вынуждена была бы, *обязана была бы*, взять в свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочит революционными мерами торжество революции?»

Такая постановка вопроса невероятна, но фактически она такова: Мартынов находит, что если бы мы очень хорошо

подготовили и двинули восстание, то очутились бы в отчаянном положении. Если бы мы изложили наш спор какому-нибудь иностранцу, то он никогда не поверил бы в возможность такой постановки вопроса и не понял бы нас. Только зная историю воззрений российской социал-демократии и зная характер «хвостистских» воззрений «Рабочего Дела», можно понять наш спор. Вопрос стал неотложным вопросом теории, выяснение которого необходимо. Это—вопрос о ясности наших целей. Я очень просил бы товарищей при изложении наших прений перед русскими практиками усиленно подчеркивать эту Мартыновым данную постановку вопроса.

В № 96 «Искры» напечатана статья Плеханова³⁰. Мы очень ценили и ценим Плеханова за все те «обиды», которые он нанес оппортунистам, и которые навлекли на него почетную вражду массы лиц. Но за защиту Мартынова мы его ценить не можем. Тут перед нами не прежний Плеханов. Он озаглавливает статью: «К вопросу о захвате власти». Это искусственно суживает вопрос. Мы так никогда вопроса не ставили. Плеханов изображает дело так, как будто «Вперед» назвал «виртуозами филистерства» Маркса и Энгельса. Но на самом деле это не так, это маленький подмен. Общую концепцию Маркса в этом вопросе—«Вперед» особо подчеркнул как правильную. Слова о филистерстве относились к Мартынову или Л. Мартову. Как ни готовы мы высоко ценить всех тех, кто работает с Плехановым, но все же Мартынов не Маркс. Плеханов напрасно затушевывает мартовщину.

Мартынов утверждает, что если мы примем решающее участие в восстании, для нас возникает большая опасность, что пролетариат нас заставит взять власть. В этом рассуждении есть своеобразная логика, правда, попятная. По поводу этого своеобразного указания на опасность победы в борьбе с самодержавием, «Вперед» спрашивает Мартынова и Л. М. о чем идет речь: о социалистической или демократической диктатуре? Нам приводят знаменитые слова Энгельса об опасности поло-

жения вождя, получившего власть от имени класса, еще не созревшего для полного господства. Во «Вперед» мы разъясняли, что Энгельс указывает на опасность положения вождя, когда он *post factum* констатирует расхождение между принципами и действительностью, между словами и фактами. Такое расхождение ведет к гибели в смысле политического краха, а не физического поражения. Вы должны (такова мысль Энгельса) утверждать, что переворот социалистический, тогда как он на самом деле только демократический. Если бы мы сейчас обещали пролетариату России, что в состоянии теперь же обеспечить полное господство, то мы впадали бы в ошибку, которую делают с.-р. Именно над этой ошибкой с.-р., говоривших, что революция будет «не буржуазной, а демократической», мы, с.-д., всегда потешались. Мы всегда говорили, что революция не ослабит, а усилит буржуазию, но даст пролетариату необходимые условия успешной борьбы за социализм.

Но раз речь идет о демократическом перевороте, то перед нами две силы: самодержавие и революционный народ, т.-е. пролетариат, как главная борющаяся сила, и крестьянство и всякие мелко-буржуазные элементы. Интересы пролетариата не совпадают с интересами крестьянства и мелкой буржуазии. Социал-демократия всегда подчеркивала, что это классовое расхождение в недрах революционного народа неизбежно. Объект борьбы при горячей борьбе может переходить из рук в руки. Революционный народ стремится к самодержавию народа, все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя. Успешный переворот, поэтому, не может не быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, интересы которых *против самодержавия царя* совпадают. На лозунге «врозь идти, вместе бить» сошлись и «Искра» и «Вперед», но «Вперед» добавляет, если вместе бить, то вместе добить и вместе отбить попытки врага вернуть потерянное. После свержения самодержавия борьба не прекратится, а обострится. Реакционные силы именно тогда организуются для борьбы

настоящим образом. Если мы употребляем лозунг восстания, то мы не должны пугать с.-д. возможностью победы восстания. Завоевавши самодержавие народа, мы должны его отстоять—а это и есть революционно-демократическая диктатура. Бояться ее нет никаких оснований. Завоевание республики—гигантское завоевание для пролетариата, хотя для с.-д. республика не «абсолютный идеал», как для буржуазного революционера, а лишь гарантия свободы для широкой борьбы за социализм. Парвус говорит, что ни в одной стране завоевание свободы не стоило таких гигантских жертв. Это верно. Это подтверждает и европейская буржуазная печать, со стороны внимательно следящая за русскими событиями. Сопrotивление самодержавия элементарнейшим реформам невероятно сильно, а чем сильнее действие, тем сильнее противодействие. Отсюда высокая вероятность полного краха самодержавия. Весь вопрос о революционной демократической диктатуре имеет смысл при полном испровержении самодержавия. Возможно, что у нас повторятся события 48—50 г.г., т.-е. самодержавие будет не свергнуто, а ограничено и превратится в конституционную монархию. Тогда ни о какой демократической диктатуре не может быть и речи. Но если самодержавное правительство будет действительно свергнуто, то оно должно быть заменено другим. А этим другим может быть лишь временное революционное правительство. Оно может опираться только на революционный народ, т.-е. на пролетариат и крестьянство. Оно может быть только диктатурой, т.-е. организацией не «порядка», а организацией войны. Кто идет штурмом на крепость, тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью. Одно из двух: или возьмем крепость, чтобы удержать ее, или не идти на приступ и заявить, что хотим только малое местечко около крепости.

Перейду к Плеханову. Он употребляет прием глубоко неправильный. Он уклоняется от важных принципиальных вопросов, пукаясь на мелочные придирки, употребляя некоторый

момент подмена. «Вперед» утверждает, что в общем схема Маркса верна (схема смены самодержавия сначала буржуазной монархией, а после—мелко-буржуазной демократической республикой), но если мы будем заранее ограничивать по этой схеме пределы, до которых мы пойдем, то мы будем филистерами. Таким образом защита Маркса Плехановым есть «*verlorene Liebesmühe*» (потерянные усилия любви). Защищая Мартынова, Плеханов ссылается на «Обращение» Центр. Комитета Союза Коммунистов к членам Союза. Излагает это «Обращение» Плеханов опять-таки неверно. Он оставляет в тени, что «Обращение» это писалось тогда, когда полная победа народа уже не удалась, несмотря на победоносное восстание пролетариата в Берлине в 48 г. Буржуазно-конституционная монархия уже сменила самодержавие, и, следовательно, о временном правительстве, опирающемся на весь революционный народ, не могло быть и речи. Весь смысл «Обращения» состоит в том, что, после неудачи народного восстания, Маркс советует рабочему классу—организоваться и подготовиться. Неужели эти советы пригодны для выяснения положения в России до начала восстания? Неужели эти советы разъясняют наш спорный вопрос, предполагающий победоносное восстание пролетариата? «Обращение» начинается так (Цитата 75 стр. *Ansprache*). «...В течение обоих революционных лет, 1848—49, Союз Коммунистов двояким образом проявил себя, во-первых, тем, что его члены повсюду энергично участвовали в движении... далее тем, что его воззрения на движение» (изложенные, между прочим, в «Коммунистическом Манифесте») «оказались единственно правильными»... «В то же самое время прежняя крепкая организация Союза значительно ослабела. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ прошло, и что достаточно одного открытого выступления. Отдельные кружки и общины стали запускать сношения с Центральным Комитетом (Центральным Правлением—*Zentralbehörde*) и постепенно прекратили их вовсе.

Таким образом, в то время, как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей, и в силу этого попала в общее движение (*in der allgemeinen Bewegung*) всецело под господство и под руководство мелко-буржуазных демократов» (*Ansprache*, стр. 75).

Итак, Маркс констатирует в 50 г., что мелко-буржуазная демократия во время протекшей уже революции 48 г. выиграла в организованности, а рабочая партия потеряла. Естественно, что все внимание Маркса обращается на то, чтобы рабочая партия не оказалась снова в хвосте буржуазии. (Цитата 76 стр.) «...В настоящее время, когда предстоит новая революция, крайне важно, чтобы рабочая партия выступила возможно более организованной, возможно более единодушно и возможно более самостоятельно, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и тащиться у нее в хвосте» (*Ansprache*, стр. 76).

Именно в силу этой большей организованности буржуазной демократии, Маркс не сомневается, что она получит безусловное преобладание, если произойдет тотчас же новый переворот (Цитата 78 стр., *Ansprache*). «Что мелко-буржуазная демократия в течение дальнейшего развития революции получит в Германии преобладающее влияние на известное время (*für einen Augenblick*), это не подлежит никакому сомнению» (*Ansprache*, стр. 78). Приняв все это во внимание, мы поймем, почему об участии пролетариата во временном революционном правительстве Маркс не говорит в «*Ansprache*» ни одного слова. Совершенно неправ, поэтому, Плеханов, когда утверждает, будто Маркс «не допускал даже и мысли о том, что политические представители пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя» («Искра» № 96). Это неверно. Маркс не поднимает вопроса об участии во врем. рев. прав.,

а Плеханов изображает дело так, будто *Маркс решает этот вопрос отрицательно*. Маркс говорит: мы, с.-д., были все в хвосте, мы организованы хуже, нам надо самостоятельно организовать на тот случай, если мелкая буржуазия после нового переворота окажется у власти. Мартынов делает из этих посылок Маркса следующий вывод: Мы, с.-д., организованные сейчас лучше мелко-буржуазной демократии и составляющие безусловно самостоятельную партию, должны бояться того, что, в случае успеха восстания, нам *придется* участвовать во вр. рев. прав. Да! Т. Плеханов, иное дело марксизм, иное дело мартыновизм. Чтобы нагляднее указать все различие в положении России в 1905 г. и Германии в 1850 г., остановимся еще на некоторых интересных местах «Обращения». У Маркса и речи не было о демократической диктатуре пролетариата, ибо он верил в непосредственную социалистическую диктатуру пролетариата, немедленно после мелко-буржуазного переворота. Например, по поводу аграрного вопроса он говорит, что демократия хочет создать мелко-буржуазный крестьянский класс, а рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в их собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная поземельная собственность осталась государственной собственностью и была обращена на рабочие колонии, в которых ассоциированный сельский пролетариат должен пользоваться всеми средствами крупной агрикультуры. Ясно, что при такого рода планах Маркс *не мог* говорить о демократической диктатуре. Он писал не накануне революции, как представитель организованного пролетариата, а после революции, как представитель организующихся рабочих. Маркс подчеркивает, как первую задачу, что «после переворота Ц. К. должен немедленно отправиться в Германию, созвать съезд партии и предложить ему принять меры для централизации рабочих клубов». Таким образом идея самостоятельной рабочей партии, которая для нас перешла в плоть и кровь, тогда была

нова. Не надо забывать, что в 48 г., когда Маркс редактировал свободную и крайне революционную газету («Neue Rheinische Zeitung» *), он не опирался ни на какую рабочую организацию. Его газету поддерживали радикальные буржуа, которые чуть не провалили ее, когда Маркс в ней обрушился на парижскую буржуазию после июньских дней. Поэтому-то так много говорится в этом «Обращении» о самостоятельной организации рабочих. Там идет речь об образовании рядом с новым официальным правительством революционных рабочих правительств как в форме рабочих клубов и рабочих комитетов, так и в форме общинных советов и коммунальных управлений. Там идет речь о том, что рабочие должны быть вооружены и образовать самостоятельную рабочую гвардию. Как 2-ой пункт программы указывается, что в них, рядом с буржуазными кандидатами, должны быть выставлены рабочие кандидаты, по возможности из членов Союза. Как слаб был этот Союз, показывает то, что Маркс должен был доказывать необходимость выставлять собственные кандидатуры. Вывод из всего этого тот, что Маркс не упоминал и не решал вопроса об участии во вр. рев. правительстве, ибо этот вопрос тогда не мог иметь никакого практического значения, и все внимание обращалось всецело на организацию самостоятельной рабочей партии.

Плеханов говорит далее в «Искре», что «Вперед» не приводит никаких доказательств по существу, ограничиваясь повторением нескольких излюбленных словечек, что «Вперед» будто бы хочет критиковать Маркса. Так ли это? Не видим ли мы, наоборот, что «Вперед» ставит вопрос на конкретную почву, учитывая реальные общественные силы, которые участвуют в России в борьбе за демократический переворот. Плеханов же ни единого слова не говорит о конкретных русских условиях. Весь багаж его ограничивается парой не к месту приводимых цитат. Это чудовищно, но это так. Рус-

* — «Новая Рейнская Газета». Ред.

ская ситуация настолько отличается от западно-европейской, что Парвус мог даже ставить вопрос, где у нас революционная демократия. Не имея возможности доказать, что «Вперед» хочет «критиковать» Маркса, Плеханов за уши притаскивает Маха и Авенарнуса. Я решительно недоумеваю, какое отношение имеют эти писатели, к которым я не чувствую ни малейшей симпатии, к вопросу о социальной революции. Они писали об индивидуальной и социальной организации опыта, или что-то в этом роде, но, право, не размышляли о демократической диктатуре. Уж не известно ли Плеханову, что Парвус стал сторонником Маха и Авенарнуса? Или, может быть, дела у Плеханова обстоят так, что приходится ни к селу, ни к городу создавать себе мишень из Маха и Авенарнуса. Плеханов говорит далее, что Маркс и Энгельс изверились скоро в близость социальной революции. Союз коммунистов распался. Начались эмигрантские дразги, которые Маркс и Энгельс объяснили тем, что были революционеры, но не было революции. Плеханов пишет в «Искре»: «Политические задачи пролетариата были бы определены ими» (Марксом и Энгельсом, изверившимися в близость социальной революции) «уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы участие социалистов в мелко-буржуазном правительстве» («Искра» № 96). Почему? Ответа нет. Плеханов подменяет опять демократическую диктатуру социалистической, т.-е. сбивается на ошибку Мартынова, от которой много раз энергично предостерегал «Вперед». Без демократической диктатуры пролетариата и крестьянства республика в России невозможна. Это утверждение «Вперед» выставил на основании анализа реальной ситуации. К сожалению, Маркс этой ситуации не знал и о ней не писал. И потому ни подтверждать, ни опровергать одними только цитатами из Маркса анализа этой ситуации нельзя. А о конкретных условиях Плеханов не говорит ни слова.

Еще менее удачна вторая цитата из Энгельса. Во-1-х, крайне странно, что Плеханов ссылается на частное письмо, не указывая, где и когда оно было опубликовано. За опубликование писем Энгельса мы были бы очень благодарны, но желали бы видеть их полный текст. Однако, некоторые данные мы имеем, чтобы судить об истинном смысле письма Энгельса.

Мы точно знаем—это во-вторых,—что ситуация в Италии девяностых годов совершенно непохожа на русскую. Италия более сорока лет уже пользовалась свободой. В России рабочий класс не может и мечтать о таковой без буржуазной революции. В Италии, следовательно, рабочий класс давно уже мог развивать самостоятельную организацию для социалистического переворота. Турати—итальянский Мильеран. Очень возможно поэтому, что и тогда Турати выступал с мильеранистскими идеями. Такое предположение вполне подтверждается тем, что, по словам самого Плеханова, Энгельсу приходилось разъяснять Турати разницу между буржуазно-демократическим и социалистическим переворотом. Значит, Энгельс как раз боялся того, что Турати окажется в ложном положении вождя, не понимающего социального смысла того переворота, в котором он участвует. О Плеханове, следовательно, нам приходится еще раз повторить, что он смешивает демократический и социалистический переворот.

Но, может быть, у Маркса и Энгельса можно найти ответ на вопрос не о конкретной русской ситуации, а об общих принципах революционной борьбы пролетариата? По крайней мере «Искра» поставила один такой общий вопрос.

В № 93 она пишет: «Лучший путь для организации пролетариата в партию оппозиционную буржуазно-демократическому государству есть путь развития буржуазной революции *снизу* давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». «Искра» говорит: «Вперед» хочет, чтобы давление пролетариата на революцию (?) шло не только с улицы, но и сверху из чертогов временного правительства». Эта форму-

лировка верна; «Вперед» действительно этого хочет. Здесь перед нами действительно общий принципиальный вопрос: допустимо ли революционное действие снизу или также и сверху. На этот общий вопрос можно найти ответ у Маркса и Энгельса.

Я имею в виду интересную статью Энгельса: «Бакунисты за работой»³¹ (1873 г.). Энгельс описывает вкратце испанскую революцию 73 г., когда страну охватило восстание интрансигентов, т.-е. крайних республиканцев. Энгельс подчеркивает, что тогда не могло быть и речи о немедленном освобождении рабочего класса. Задача состояла в том, чтобы ускорить для пролетариата прохождение предварительных стадий, подготовляющих социальную революцию, в том, чтобы устранить препятствия, стоящие на ее пути. Испанский рабочий класс мог использовать эту возможность, только действительно участвуя в революции. Такому участию мешало тогда влияние бакунистов и между прочим их идея всеобщей стачки, критикуемая метко Энгельсом. Энгельс описывает, между прочим, события в городе Alcoy с 30 т. фабричных рабочих. Пролетариат оказался там господином положения. Что же он тогда сделал? Вопреки принципам бакунизма пришлось участвовать во временном революционном правительстве. «Бакунисты,—говорит Энгельс,—в течение многих лет проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз вредно; все должно быть организовано и проведено снизу вверх».

Итак, вот как ответил Энгельс на общий вопрос, поставленный «Искрой» о «сверху и снизу». *Принцип «Искры»:* *«только снизу и ни в каком случае сверху»—принцип анархический.* Делая вывод из событий испанской революции, Энгельс говорит: «Бакунисты должны были действовать вопреки собственным принципам, вопреки принципу, будто учреждение революционного правительства есть новый обман и новая измена рабочему классу» (как хочет уверить теперь нас Плеханов). «Вопреки этим принципам бакунисты должны были

заседать в правительственных комитетах отдельных городов и притом в качестве бессильного меньшинства, мажоризированного и политически эксплуатируемого буржуазией». *Итак, Энгельсу не нравится только то, что бакунисты были в меньшинстве, а не то, что они там заседали.* Заканчивая брошюру, Энгельс говорит, что пример бакунистов «показывает нам, как *не* надо делать революцию».

Если бы Мартов ограничил свою революционную работу исключительно действием снизу, он повторил бы ошибку бакунистов.

Но «Искра», сочинив принципиальные разногласия со «Вперед», сама сбивается на нашу точку зрения. Так, Мартынов говорит, что пролетариат, вместе с народом, должен заставить буржуазию довести революцию до конца. Но это и есть ничто иное, как революционная диктатура «народа», т.-е. пролетариата и крестьянства. Буржуазия вовсе не хочет довести революцию до конца. А народ должен хотеть этого по социальным условиям его жизни. Революционная диктатура просветит его и втянет в политическую жизнь.

«Искра» пишет в № 95 ³²:

«Но если бы, независимо от нашей воли, внутренняя диалектика революции в конце концов все-таки вынесла бы нас ко власти, когда национальные условия для осуществления социализма еще не назрели, мы бы не стали пятиться назад. Мы бы поставили себе целью разбить тесные национальные рамки революции и толкнуть на путь революции Запад, как сто лет тому назад Франция толкнула на этот путь Восток».

Итак, «Искра» сама признает, что если бы случилось такое несчастье, что мы победили, то мы должны были бы действовать именно так, как указывает «Вперед». *Следовательно, в практическом вопросе «Искра» идет вслед за «Вперед» и подрывает свою собственную позицию.* Не понимаю только, как можно Мартова и Мартынова против их воли вытащить ко власти? Это уж совсем бессмыслица.

«Искра» приводит в пример Францию. Но это якобинская

Франция. Пугать якобинством в момент революции величайшая пошлость. Демократическая диктатура, как я уже указывал, есть не организация «порядка», а организация войны. Если мы бы даже завладели Петербургом и гильотинировали Николая, то имели бы перед собой несколько Вандей. И Маркс прекрасно понимал это, когда в 48 г. в «Новой Рейнской Газете» напоминал о якобинцах. Он говорил: «Террор 1793 г. есть ничто иное, как плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контр-революцией»³³. Мы тоже предпочитаем разделяться с русским самодержавием «плебейским» способом и предоставляем «Искре» способы жирондистские. Русская революция имеет перед собой невиданно выгодную ситуацию (противо-народная война, азиатский консерватизм самодержавия и т. д.). И эта ситуация позволяет надеяться на успешный исход восстания. Революционное настроение пролетариата растет не по дням, а по часам. И в такой момент мартыновщина не только глупость, но преступление, ибо она подрывает размах революционной энергии пролетариата, подрезывает его революционный энтузиазм. Это—та самая ошибка, которую, в другой обстановке, по вопросу не о демократической, а социалистической диктатуре делал в немецкой партии Бернштейн.

Чтобы дать вам конкретное представление, каковы на деле эти пресловутые «чертоги» вр. рев. пр., сошлюсь еще на один источник. У Энгельса в его статье «Die Reichsverfassungskampagne»^{*} есть описание того, как он участвовал в революции около этих «чертогов». Он описывает, напр., восстание в Рейнской Пруссии, которая была одним из самых индустриальных центров Германии. Шансы на победу демократической партии, говорит он, были здесь особенно благоприятны. Задача состояла в том, чтобы бросить все свободные силы на правый берег Рейна, распространить восстание на более широкую арену и попытаться создать здесь посредством ландвера

^{*} «Кампания за имперскую конституцию»³⁴. *Ред.*

(ополчение) ядро революционной армии. Именно такое предложение и было сделано Энгельсом, когда он ехал в Эльберфельд, чтобы сделать, что можно, для осуществления его плана. И Энгельс нападает на мелко-буржуазных вожakov за то, что они не умели организовать восстание, не запасли денег, напр., для содержания рабочих, боровшихся на баррикадах, и т. д. Нужно было действовать энергичнее, говорит Энгельс. Первым шагом должно было быть разоружение Эльберфельдской гражданской армии и распределение ее оружия среди рабочих, затем взыскание принудительного налога для содержания вооруженных таким образом рабочих. Но это предложение, говорит Энгельс, исходило единственно и исключительно от меня. Почтеннейший Комитет Общественной Безопасности не имел ни малейшей склонности к таким «террористическим предприятиям».

Таким образом в то время, как наши Маркс и Энгельс (то бишь Мартынов и Мартов) пугают нас якобинством, Энгельс бичевал революционную мелкую буржуазию за пренебрежение к «якобинскому» образу действия. Энгельс понимал, что собираться воевать и отказываться от государственной казны и государственной власти—во время войны—значит недостойным образом играть словами. Откуда же вы возьмете деньги на восстание, если оно станет общенародным, гг. новоскротцы? Ведь не из государственной кассы? Это буржуазно! Это якобинство!

По поводу восстания в Бадене, Энгельс пишет: «Инсurreкционное правительство имело в своих руках все шансы на успех: готовую армию, заполненные арсеналы, богатую государственную казну, единодушное население. Все и каждый задним числом поняли, что следовало делать при таких условиях. Надо было организовать войско для защиты национального собрания, отбросить австрийцев и пруссаков, перебросить восстание в соседние государства и «поставить дряблeе, немецкое, так наз. национальное собрание под террористическое влияние восставшего населения и восставшей

армии; надо было далее организовать силы восстания, предоставить в его распоряжение обильные денежные суммы, заинтересовать в восстании земледельческое население посредством немедленной отмены всех феодальных повинностей. И все это надо было сделать немедленно, чтобы придать восстанию энергический характер. Через неделю после назначения Комитета Безопасности было уже поздно.

Мы уверены, что революционные с.-д. будут в момент восстания в России, по примеру Энгельса, записываясь в солдаты революции, подавать такие же «якобинские» советы. Наша же «Искра» предпочитает писать о цвете конвертов избирательных бюллетеней, отодвигая на задний план вопрос о вр. рев. прав. и революционной охране учредительного собрания. Наша «Искра» ни в каком случае не намерена действовать «сверху».

Из Карлсруэ Энгельс отправился в Пфальц. Во временном правительстве заседал его друг д'Эстер (освободивший однажды Энгельса из-под ареста). «Об официальном участии в движении, которое было чуждо нашей партии, не могло быть и речи,—говорит Энгельс.—Я должен был занять в движении то место, которое только и могли занять работники «Новой Рейнской Газеты»—место солдата». Мы говорили уже о том распадении Союза Коммунистов, которое ставило Энгельса вне почти всякой связи с рабочими организациями. Это делает понятным приведенную нами цитату: «Мне предлагали много гражданских и военных мест,—пишет Энгельс,—мест, которых я ни минуты бы не поколебался принять при пролетарском движении. При данных условиях я отклонил их все».

Как видите, Энгельс не боялся действовать сверху, не боялся слишком большой организованности и силы пролетариата, могущей привести его к участию во временном правительстве. Энгельс сожалел, напротив, что движение было недостаточно успешным, недостаточно пролетарским в силу полной неорганизованности рабочих. Но даже и при

этих условиях Энгельс принял место: он служил в армии в качестве адъютанта Виллиха, брал на себя доставку амуниции, перевозил с невероятными трудностями порох, свинец, патроны и т. д. «Умереть за республику, такова была моя тогдашняя цель», пишет Энгельс.

Предоставляю вам, товарищи, судить, похожа ли эта, нарисованная со слов Энгельса, картина временного правительства на те «чертоги», которыми старается отпугнуть от нас рабочих новая «Искра». (Далее оратор читает проект своей резолюции и комментирует ее.)

10.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы российского пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно полной политической свободы, а, следовательно—замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что вооруженное народное восстание при полном успехе его, т.е. при ниспровержении самодержавия, необходимо вызовет учреждение временного революционного правительства, которое одно только способно обеспечить полную свободу агитации и созвать действительно выражающее волю народа учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов;

3) что эта демократическая революция в России не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. постановляет:

а) что следует распространять в рабочем классе убеждение в необходимости временного революционного правительства и обсуждать в рабочих собраниях условия немедленного осуществления полностью всех ближайших политических и экономических требований нашей программы;

б) в случае победоносного восстания народа и полного

ниспровержения самодержавия допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстранения самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимыми условиями такого участия являются: строгий контроль партии за ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо-враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и предводимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеванной революции.

11.

**РЕЧЬ О ПОПРАВКАХ К РЕЗОЛЮЦИИ
О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
2 МАЯ (19 АПРЕЛЯ)**

В общем и целом я разделяю мнение т. Зимина. Естественно, что я, как литератор, обратил внимание на литературную постановку вопроса. Важность цели борьбы указана т. Зиминим очень правильно, и я всецело присоединяюсь к нему. Нельзя бороться, не рассчитывая занять пункт, за который борешься...

Поправка т. Зимина к пункту 2): «что осуществление и т. д... временное правительство, которое одну только» и т. д.,— вполне целесообразна, и я ее охотно принимаю.— То же самое и поправка к пункту 3-му,— тут очень кстати указать, что при данных общественно-экономических условиях буржуазия по необходимости усилится.— В пункте а) резолютивной части выражение «пролетариат потребует» лучше моей формулировки, так как центр тяжести перенесен на пролетариат. В пункте б) вполне уместно указание на зависимость от соотношения сил. При этой формулировке, мне кажется, отпадает поправка т. Андреева. Кстати, мне хотелось бы знать мнение русских товарищей, ясно ли выражение «ближайших требований», и не следует ли прибавить в скобках «программы-минимум». В пункте в) у меня употреблено слово «является», а у т. Зимина «ставится»,— очевидно, здесь нужна стилистическая поправка. Там, где говорится о контроле партии, мне кажется, моя старая формулировка: «охранение независимости социал-демократии»— лучше, чем предложенная т. Зиминим— «сохранение». Наша задача не только «сохранить» независимость социал-демократии, но и

постоянно «охранять» ее. Поправка т. Сосновского, касающаяся этого пункта, только ухудшает формулировку, делая ее более расплывчатой. Поправки т. Андреева входят по частям в пункты моей и т. Зимина резолюции. Кстати, едва ли уместно вносить в формулировку выражение временное правительство во множественном числе, как предлагает т. Андреев. Конечно, у нас могут быть многие временные правительства, но отмечать этого не следует, так как мы вовсе не стремимся к подобному дроблению. Мы всегда будем стоять за единое российское временное правительство и будем стараться создать «единый центр и притом русский».

12.

ДОКЛАД О ПОДДЕРЖКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 2 МАЯ (19 АПРЕЛЯ)

В виду заявления 17-ти товарищей, указывавших на крайнюю необходимость ускорения работ съезда, я постараюсь быть как можно более кратким. Собственно говоря, принципиально спорных пунктов в рассматриваемом вопросе нет; их не было выдвинуто даже во время богатого «принципиальными» разногласиями партийного кризиса.

Кроме того, проект резолюции довольно давно напечатан уже в газете «Вперед»*, и я ограничусь простой защитой этой резолюции.

Вопрос о поддержке крестьянского движения разбивается собственно на два: 1) теоретические основания и 2) практический опыт партии. На последний вопрос ответ даст второй докладчик, т. Барсов, прекрасно знакомый с самым передовым крестьянским движением—в Гурни. Что же касается до теоретических основ вопроса, то дело сводится теперь к повторению выработанных с.-д. лозунгов в применении к данному крестьянскому движению. Движение это на наших глазах ширится и растет. Правительство выступает опять со старыми попытками надуть крестьян лжеуступками. Необходимо противопоставить этой политике разврата лозунги нашей партии.

Эти лозунги, по моему мнению, формулированы в проекте следующей резолюции:

«Российская социал-демократическая рабочая партия, как

* См. т. VII, стр. 161. *Ред.*

партия сознательного пролетариата, стремится к полному избавлению всех трудящихся от всякой эксплуатации и поддерживает всякое революционное движение против современного общественного и политического строя. Поэтому Р. С.-Д. Р. П. самым энергичным образом поддерживает и современное крестьянское движение, отстаивая все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства, и не останавливаясь в этих целях перед экспроприацией помещичьей земли. При этом Р. С.-Д. Р. П., будучи классовой партией пролетариата, неуклонно стремится к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, ни на минуту не забывая о задаче разъяснить ему враждебную противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии, разъяснить ему, что только совместная борьба сельского и городского пролетариата против всего буржуазного общества может привести к социалистической революции, которая одна способна действительно избавить от нищеты и эксплуатации всю массу деревенской бедноты.

Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в это движение, Р. С.-Д. Р. П. выставляет немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частностях. И в таких комитетах Р. С.-Д. Р. П. будет стремиться к самостоятельной организации сельских пролетариев в целях, с одной стороны, поддержки всего крестьянства во всех его революционно-демократических выступлениях, а с другой стороны, в целях охраны истинных интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией» («Вперед» № 11 *).

В комиссии по аграрному вопросу, образованной делегатами еще до начала съезда для подготовки работ его, обсуждался уже этот проект. Несмотря на большую разногласию, на-

* См. т. VII, стр. 161. *Ред.*

Метились некоторые главные оттенки, и я остановлюсь на них. Характер возможных и необходимых революционных мер в аграрном вопросе сводится, по проекту резолюции, к «улучшению положения крестьянства». Следовательно, резолюция ясно выражает этим общее убеждение всех с.-д., что преобразование самых основ современного общественно-экономического строя этими мерами отнюдь не может быть достигнуто. Это наше отличие от социалистов-революционеров. Революционное движение крестьянства может привести к значительному улучшению их положения, но не к замене капитализма другим способом производства.

Резолюция говорит о мерах, не останавливающихся перед экспроприацией помещичьих земель. Говорят, что эта формулировка изменяет нашу аграрную программу. Я считаю это мнение неверным. Конечно, редакция может быть улучшена: не наша партия, а крестьянство не остановится перед экспроприацией; наша же партия поддерживает крестьянство,— поддерживает и тогда, когда оно не остановится перед этими мерами. Вместо экспроприации следует употребить более узкое понятие—«конфискация», ибо мы решительно против всякого выкупа. Мы никогда не остановимся перед мерами конфискации земли. Но если оставить в стороне эти частные поправки, то мы увидим, что изменения аграрной программы в нашей резолюции нет. Все писатели социал-демократии всегда высказывались в том смысле, что пункт об отрезках никоим образом не указывает предела крестьянскому движению,—никоим образом не урезывает и не ограничивает его. И Плеханов и я в печати указывали, что с.-д. партия никогда не станет удерживать крестьян от революционных мер аграрного преобразования вплоть до «черного передела»³⁵. Таким образом мы не изменяем нашей аграрной программы. Мы должны решительно высказаться теперь по практическому вопросу о поддержке крестьян до конца, чтобы устранить всякую возможность всяких недоразумений и перетолкований. Теперь крестьянское движение стоит на очереди дня, и партия

пролетариата должна официально заявить о том, что она всячески поддерживает и отнюдь не ограничивает размах этого движения.

Дальше резолюция говорит о необходимости выделения интересов сельского пролетариата и особой организации последнего. Перед собранием социал-демократов защищать эту элементарную истину нет надобности. В аграрной комиссии говорилось, что желательно добавить указание на поддержку стачек сельских рабочих и крестьян особенно во время жатвы, покоса и т. п. Принципиально против этого, разумеется, ничего иметь нельзя. Пусть выскажутся практики о возможном значении такого указания для ближайшего будущего.

Резолюция говорит, затем, об образовании революционных крестьянских комитетов.

В № 15 «Вперед» развита подробнее та мысль, что требование немедленного образования революционных крестьянских комитетов должно стать центральным пунктом агитации*. Об «улучшении быта» говорят теперь даже реакционеры, но они стоят за чиновничий, бюрократический способ якобы улучшения, а с.-д., конечно, должна стоять за революционный путь. Главная задача—внести политическую сознательность в крестьянское движение. Крестьяне смутно сознают, что им надо, но связать свои пожелания и требования с общим политическим строем они не умеют. Поэтому их всего легче могут обмануть политические мошенники, перенося вопрос с политических преобразований на экономические «улучшения», которые на деле неосуществимы без политических преобразований. Поэтому лозунг революционных крестьянских комитетов есть единственно верный. Без революционного права, осуществляемого этими комитетами, крестьяне никогда не смогут отстоять того, что они завоюют теперь. Возражают против того, что мы и здесь изменяем аграрную программу, которая не говорит о *революционных* крестьянских комитетах,

* См. т. VII, стр. 217. *Ред.*

не говорит об их задачах в области демократических преобразований. Это возражение несостоятельно. Мы не изменяем нашу программу, а применяем ее к данному конкретному случаю. Раз нет сомнения, что крестьянские комитеты могут быть только революционными при данных условиях, то мы, указывая это, применяем программу к революционному моменту, а не изменяем ее. Например, наша программа говорит, что мы признаем самоопределение наций: если конкретные условия заставят нас высказаться за самоопределение известной нации, за ее полную независимость,—это будет не изменением, а применением программы. Крестьянские комитеты— учреждение гибкое, которое пригодно и при теперешних условиях и, скажем, при временном революционном правительстве, когда эти комитеты стали бы его органами. Говорят, что эти комитеты могут стать реакционными, а не революционными. Но мы, с.-д., никогда не забывали о двойственной природе крестьянина и о возможности реакционного крестьянского движения против пролетариата. Вопрос теперь не в этом, а в том, что в настоящее время крестьянские комитеты, образуемые для санкционирования земельных преобразований, могут быть лишь революционными. В настоящее время крестьянское движение, несомненно, является революционным. Говорят: после захвата земли крестьяне успокоятся. Возможно. Но самодержавное правительство не может успокоиться при крестьянском захвате земли, и в этом вся суть. Санкционировать этот захват сможет только революционное правительство или революционные крестьянские комитеты.

Наконец, заключительная часть резолюции еще раз определяет позицию социал-демократии в крестьянских комитетах, именно необходимость идти вместе с сельским пролетариатом и организовать его отдельно и самостоятельно. И в деревне только пролетариат может быть до конца революционным классом.

13.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ПОДДЕРЖКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ²⁶

Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, тем не менее неминуемо обращается против существующего политического строя и *против привилегированных классов*;

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что социал-демократы должны, на основании вышеизложенного, стремиться к выделению революционно-демократических черт (особенностей) крестьянского движения, к развитию их и доведению до конца;

4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии,—

III партийный съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать среди самых широких слоев пролетариата, что Р. С.-Д. Р. П. ставит своей задачей самую энергичную поддержку современного крестьянского движения, *отнюдь не противодействуя* его революционным проявлениям, вплоть до конфискации помещичьих земель;

б) как практический лозунг для агитации среди крестьянства и как способ внесения наибольшей сознательности в

крестьянское движение, выдвигать план немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах крестьянства и избавления его от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) рекомендовать крестьянам отказ от исполнения воинской повинности, полный отказ от платежа податей и непризнание властей, в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него;

г) в крестьянских комитетах стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и возможно более тесному сближению его с городским пролетариатом в единой социал-демократической партии рабочего класса.

14.

**РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ
МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ
В С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯХ 3 МАЯ (20 АПРЕЛЯ) 21**

Я не могу согласиться с товарищами, которые говорили, что расширение вопроса неуместно. Оно¹ вполне уместно.— Здесь говорили, что носителями с.-д. идей являлись преимущественно интеллигенты. Это неверно. В эпоху экономизма носителями революционных идей были рабочие, а не интеллигенты. Это подтверждает и «Рабочий», автор брошюры, изданной с предисловием т. Аксельрода.

Т. Сергеев утверждал здесь, что выборное начало не даст большей осведомленности. Это неверно. Если бы выборное начало применять *на деле*, оно, несомненно, дало бы больше осведомленности.— Далес, указывали на то, что во главе расколов стояли обыкновенно интеллигенты. Это указание очень важно, но оно не решает вопроса. Я давно уже в своих печатных произведениях советовал, чтобы в комитеты вводили рабочих в возможно большем числе. Период времени после II съезда характеризуется недостаточным исполнением этой обязанности,—такое впечатление я вынес из бесед с практиками. Если в Саратове в комитет ввели только 1 рабочего, то значит не умели выбрать подходящих людей из рабочих. Несомненно, что это обуславливалось и расколом внутри партии: борьба из-за отставания комитетов вредно отразилась на практической работе. Поэтому-то мы всячески и старались ускорить созыв съезда.

Задача будущего центра¹ переорганизовать значительное число наших комитетов,—необходимо преодолеть инертность.

Я слышу, что т. Сергеев свистит, а не-комитетчики хлопают.

Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих. Если совет, высказанный в литературе,—по возможности, вводить рабочих в комитеты,—оказался недостаточным, то было бы целесообразно, чтобы такой совет был высказан от имени съезда. Если вы будете иметь ясную и определенную директиву съезда, то вы будете иметь радикальный способ для борьбы с демагогией: вот ясная воля съезда.

15.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ В С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯХ

«Принимая во внимание:

1) что со стороны правого крыла нашей партии до сих пор систематически продолжают начавшиеся еще со времен экономизма попытки селить вражду и недоверие между членами партии—рабочими и интеллигентами, попытки изобразить наши партийные организации, как чисто интеллигентские, чем искусно пользуются враги социал-демократии,—попытки обвинять социал-демократические организации в стремлении сковать партийной дисциплиной самостоятельность рабочего класса,—попытки щеголять лозунгом выборного начала, большей частью без серьезных шагов к проведению его в жизнь;

2) что *полное* господство выборного начала, возможное и необходимое при свободных политических условиях, неосуществимо при самодержавии,—но что и при самодержавии применение выборной системы было бы возможно в значительно более широких размерах, чем это делается теперь, если бы не препятствовала та формальная расплывчатость партийной организации и та фактическая ее дезорганизованность, которыми партия обязана правому же крылу социал-демократии.

III съезд Р.С.-Д.Р.П., признавая своей задачей путем ряда организационных реформ подготовить к ближайшим съездам условия для действительного проведения в возможных размерах выборного начала в партийной жизни, напоминает еще раз задачу сознательных сторонников рабочей социал-демократической партии: укреплять всеми силами связь

партии с массой рабочего класса, поднимая все более и более широкие слои пролетариев и полу-пролетариев до полной социал-демократической сознательности, развивая их революционную социал-демократическую самостоятельность, заботясь о выделении рабочей массой возможно большего числа рабочих, способных руководить движением и партийными организациями, в качестве членов местных центров и центра общепартийного,—создавая как можно более рабочих организаций, входящих в нашу партию,—стараясь о том, чтобы рабочие организации, не желающие или не имеющие возможности войти в партию, по крайней мере, к ней примыкали».

**ЗАМЕЧАНИЕ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ РЕЗОЛЮЦИИ
ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РАБОЧИМИ
И ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ В С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯХ
5 МАЯ (22 АПРЕЛЯ)**

Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается; очевидно в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты. Удивительно: литераторов на съезде всего три, остальные—комитетчики, а между тем литераторы—за введение рабочих, а комитетчики почему-то горячатся.

Заявления т. т. Голубина и Михайлова в высшей степени ценны.

17.

РЕЧЬ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ УСТАВА ПАРТИИ 4 МАЯ (21 АПРЕЛЯ)

Должен признаться, что аргументы, которыми т. Иванов защищает свою идею единого центра, кажутся мне несостоятельными. Читает аргументацию т. Иванова:

«К §§ 4 и 5-му. Система двух центров с балансом— Советом осуждена самой жизнью. Из истории партийного кризиса очевидно, что она—слишком благоприятная почва для развития разногласий, дразни, придворных интриг. Она означает подчинение России за границе: Ц.К. непостоянен по своему составу в силу провалов, ред. Ц.О. постоянна, Совет живет за границей. Все важнейшие возражения против одного центра, основанные на фактической разъединенности России с заграницею, с одной стороны, только подтверждают мысль о возможности и вероятности раскола между двумя центрами, с другой стороны, в значительной мере отпадают, если съезд сделает обязательными периодические совещания между русскими и заграничными членами Ц.К.»³⁸.

Упомянутые здесь милые качества оказались, однако, при сути в одинаковой мере как заграничному Ц.О., так и «истинно-русскому» Ц.К. Во всем построении т. Иванова я вижу ошибку, предусмотренную логикой: *post hoc, ergo propter hoc**. Так как три центра нам, извините за выражение, напакостили,—то пусть будет у нас один центр. Я не вижу здесь «*propter*»! Наши беды обусловлены были не механизмом, а личностями: дело-то в том, что отдельные личности, прикрываясь формалистическим толкованием устава,

* — после этого—значит по причине этого. *Ред.*

уклонялись от исполнения воли съезда. Разве «истилю-русский» Ц. К. не превратился «диалектически» в свою противоположность? Т. Иванов рассуждает так: заграница вела себя дурно,—надо поставить ее в «осадное положение» и взять ее в «ежовые рукавицы». Я всегда, как известно, был сторонником и «осадного положения» и «ежовых рукавиц», поэтому против таких мер возражать не буду, но разве Ц. К. не заслужил того же? Кроме того кто же станет оспаривать, что Ц. О. может быть постоянным, а Ц. К. не может? Ведь это—как никак факт. Но практически я воздержусь от всякого спора: прежде у нас был Совет, а теперь будет совещание (заграничной и русской части Ц. К.). Всего три лишние буквы. Телега наша валилась все направо в сторону Ц. О.—т. Иванов подкладывает справа солому на будущее время, но, по моему мнению, надо бы подложить ее и слева, со стороны Ц. К. Я бы присоединился к предложению т. Михайлова о раскассировании комитетов, но я, право, не знаю, что такое периферия? «Заседателей и хранителей печати» выкуривать надо, но как точно определить понятие—периферия? « $\frac{2}{3}$ голосов периферии!»—но кто сможет вести ей точный регистр? Я должен, кроме того, предостеречь съезд от заполнения устава множеством параграфов. Писать хорошие параграфы легко, но на практике они большей частью оказываются лишними. Не надо превращать устав в собрание благих пожеланий...

18.

**РЕЧЬ О РЕДАКЦИИ § 9 УСТАВА ПАРТИИ
4 МАЯ (21 АПРЕЛЯ)**

Я стоял за раскассирование комитетов, но в Совете Партии, в момент, когда разгорелась наша фракционная вражда, я высказался против него, потому что применять это право было до некоторой степени неприлично. Если этот параграф грозит комитетам, состоящим из интеллигенции, я сугубо высказываюсь за него. Интеллигенцию всегда нужно держать в ежовых рукавицах. Она всегда стоит во главе всевозможных дряг, и поэтому я предлагаю вместо слов «периферия» поместить слова: «организованные рабочие», т.-е. сказать так: «§ 9. Местный комитет должен быть распушен Ц. К., если за распушение выскажутся 2/3 местных рабочих, входящих в партийные организации».

На маленькую интеллигентскую периферию положиться нельзя, но на сотни организованных рабочих можно и должно. Этот параграф я хочу тесно связать с вопросом отчетности. Нам в этом отношении нужно взять пример с Бунда, которому всегда точно известна цифра организованных рабочих. И если наш Ц. К. всегда будет знать, сколько есть в данной организации организованных рабочих, с их мнением Ц. К. должен считаться и обязан раскассировать местный комитет по требованию организованных рабочих.

19.

**РЕЧЬ ПО ПОВОДУ СОГЛАШЕНИЯ С С.-Р.
6 МАЯ (23 АПРЕЛЯ)**

Я должен доложить съезду об одной неудачной попытке соглашения с с.-р. За границу приехал т. Гапон. Повидался с с.-р., потом с «Искрой», затем и со мной. Он говорил мне, что стоит на точке зрения с.-д., но по некоторым соображениям он не считает возможным заявить это открыто. Я ему сказал, что дипломатия вещь очень хорошая,—но не между революционерами. Нашего разговора не передаю—его содержание изложено во «Вперед»³⁹. На меня он произвел впечатление человека безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного мирозерцания.

Через некоторое время я получил от т. Гапона письменное приглашение на конференцию социалистических организаций, имевшую целью, по мысли Гапона, согласование их деятельности. Вот список тех 18 организаций, которые, по этому письму, были приглашены на конференцию т. Гапона:

- 1) Партия соц.-революционеров. 2) Р. С.-Д. Р. П. «Вперед».
- 3) Р. С.-Д. Р. П. «Искра». 4) Польская Партия Социалистическая. 5) С.-Д. Польши и Литвы. 6) П.П.С. «Пролетариат».
- 7) Латышская С.-Д. Р. П. 8) Бунд. 9) Армянская с.-д. рабочая организация. 10) Армянская революционная федерация (Дрошак).
- 11) Белорусская Социалистическая Громада. 12) Латышский С.-Д. Союз. 13) Финляндская Партия активного сопротивления. 14) Финляндская Рабочая Партия. 15) Грузинская Партия соц.-федер.-революционеров. 16) Украинская револю-

ционная Партия. 17) Литовская С.-Д. Партия. 18) Украинская Соц. Партия⁴⁰.

Я указывал и т. Гапогу и одному видному с.-р., что сомнительный состав конференции может затруднить дело. На конференции складывается огромное преобладание с.-р. Дело созыва конференции надолго затянулось. «Искра» ответила, как видно из предъявленных мне т. Гапоном документов, что она предпочитает прямые соглашения с организованными партиями. «Тонкий» намек на «Вперед», который-де является дезорганизатором и т. д. В конце концов «Искра» на конференцию не явилась. Мы, представители и от редакции «Вперед» и от Бюро комитетов большинства, на конференцию явились. Мы здесь увидели, что конференция является с.-р. Оказалось, что рабочие партии либо вовсе не приглашены, либо нет никаких сведений, что они приглашены. Так была представлена Финляндская Партия активного сопротивления, но не было Финляндской Рабочей Партии.

На наш вопрос, почему?—нам ответили, что приглашение Финляндской Рабочей Партии передано через Партию активного сопротивления, так как, по словам говорившего это с.-р., они не знали, как сообщить это непосредственно. Между тем всякому, хоть сколько-нибудь знающему дела за границей, известно, что с Финляндской Рабочей Партией можно связаться хотя бы через вождя Шведской С.-Д. Р. П. Брантинга. На конференции были представители П. П. С., но не было представителя С.-Д. Польши и Литвы. И нельзя было добиться сведений, были ли они приглашены? От Литовской С.-Д., Революционной Украинской Партии ответа не получилось, как нам сообщил тот же с.-р.

С самого начала выдвинут был национальный вопрос. П. П. С. подняла вопрос о нескольких учредительных собраниях. И это дает мне основание сказать, что вперед необходимо будет или вовсе отказываться от участия в конференции, либо устранять конференцию из представителей рабочих партий одной национальности, либо приглашать на

конференцию представителей местных партийных комитетов, из районов с нерусским населением. Но я вовсе не вывожу отсюда, что конференции невозможны из-за принципиальных разногласий. Необходимо лишь, чтобы вопросы были поставлены чисто деловые.

Мы не можем из-за границы контролировать состав конференций и т. п. Необходимо, чтобы был представляем русский центр и обязательно с участием представителей местных комитетов. Вопрос, из-за которого мы удалились, был вопрос относительно латышей. Уходя с конференции, мы предъявили следующее заявление:

«Переживаемый Россией важный исторический момент ставит перед действующими в стране с.-д. и революционно-демократическими партиями и организациями задачу практического соглашения для более успешного нападения на самодержавный режим.

Придавая, поэтому, чрезвычайно серьезное значение созываемой для этой цели конференции, мы естественно должны самым строгим образом относиться к вопросу о ее составе.

В созванной т. Гапоном конференции, к сожалению, это необходимое условие плодотворности ее работы не было достаточно соблюдено, и мы вынуждены были ввиду этого уже при самом начале ее конституирования принять меры, которые обеспечили бы реальный успех данного совещания.

Чисто деловой характер конференции требовал, например, прежде всего, чтобы доступ к участию в ней был предоставлен лишь таким организациям, которые составляют действительную реальную силу в России.

А между тем состав конференции в смысле реальности некоторых организаций оказался весьма неудовлетворительным. На ней оказалась представленной даже такая организация, фиктивность которой стоит вне сомнений. Мы говорим о Латышском С.-Д. Союзе.

Представитель Латышской С.-Д. Р. П. потребовал отвода этого Союза, придав этому требованию ультимативный характер.

Выяснившаяся, затем, на особом совещании представителей четырех с.-д. организаций при участии делегатов «Союза» полная фиктивность последнего, естественно, заставила и нас—остальные бывшие на конференции с.-д. организации и партии—присоединиться к этому ультимативному требованию.

Но тут же, с первых шагов, мы натолкнулись на резкий отпор всех рев.-демокр. партий, которые своим отказом в удовлетворении нашего ультимативного требования предпочли одну фиктивную группу ряду известных с.-д. организаций.

Наконец, практическое значение конференции еще более умалялось отсутствием на ней целого ряда других с.-д. организаций, участие которых, насколько нам удалось выяснить, не было обеспечено надлежащими мерами.

Вынужденные ввиду всего этого оставить конференцию, мы выражаем вместе с тем уверенность, что неудача одной попытки не остановит настойчивого стремления к повторению ее в самом близком будущем, и что стоящая пред всеми революционными партиями задача практического соглашения будет выполнена этой ближайшей конференцией в составе действительно работающих в России, а не фиктивных организаций.

За Латышскую С.-Д. Р. П.—Ф. Розин.

За «Вперед» Росс. С.-Д. Р. П.—Н. Ленин.

За Центр. Ком. Бунда—И. Гельфин.

За Арм. С.-Д. Р. Организацию—Лерр.

Через 1½—2 недели т. Гапон передал мне следующее заявление:

«Дорогой товарищ! Препровождая вам две декларации, исходящие от известной вам конференции, прошу сообщить их предстоящему III съезду Р. С.-Д. Р. П. Считаю долгом оговориться лично за себя, что я принимаю эти декларации с некоторыми оговорками в вопросах социалистической программы и федералистического принципа.

Георгий Гапон».

При этом заявлении были переданы два интересных документа, в которых обращают на себя внимание следующие места:

«Применение федеративного начала в отношениях между национальностями, остающимися под одной государственной кровлей»...

«Социализация, т.-е. переход в общественное заведывание и в пользование трудового земледельческого населения всех земель, обработка которых основывается на эксплуатации чужого труда,

при чем определение конкретных форм, последовательности в проведении этой меры и ее размеров остается в сфере компетенции партий отдельных национальностей, сообразно особенностям местных условий их страны; развитие общественного, муниципального и общинного хозяйства»...

«...Хлеба—голодным!

Земля и ее блага—всем трудящимся!»

«...Учредительного собрания из представителей всех мест Российской империи, за исключением Польши и Финляндии!»

«...Созыв для Кавказа, как автономной, федеративно связанной с Россией части,—учредительного собрания»...

Результат конференции, как видно из приведенных цитат, вполне подтвердил опасения, побудившие нас покинуть конференцию. Здесь перед нами сколок с с.-р. программы со всевозможными уступками националистическим непролетарским партиям. Странно было без национальных пролетарских партий участвовать в решении выдвинутых на конференции вопросов. Ею выставлено, например, требование ссбного учредительного собрания для Польши. Мы не можем быть ни за, ни против. Наша программа признает принцип самоопределения национальностей. Но недопустимо решать этот вопрос без С.-Д. Польши и Литвы. Конференция поделила учредительное собрание—и это без присутствия рабочих партий! Мы не можем допустить практического решения подобных вопросов помимо партии пролетариев.—Но вместе с тем нахожу, что принципиальные разногласия не исключают все же возможности практических конференций, во-1-х,—в России, во-2-х, по проверке реальности сил и, во-3-х, отделяя национальные вопросы, или по крайней мере приглашая на конференцию представителей местных комитетов тех из районов, где есть национальные с.-д. и не с.-д. партии.

Перехожу к предлагаемой резолюции о практических соглашениях с с.-р. (читает проект в ред. т. Воинова):

«Подтверждая отношение Р. С.-Д. Р. П. к партии с.-р., определенное резолюцией II съезда, и принимая во внимание:

1) что временные боевые соглашения с.-д. с организацией с.-р.

в целях борьбы с самодержавием являются в настоящее время в общем желательными;

2) что такие соглашения ни в коем случае не должны ограничивать полной самостоятельности с.-д. раб. партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов,— III съезд Р.С.-Д.Р.П. поручает Ц.К. и местным комитетам в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями с.-р., при чем местные соглашения могут заключаться лишь под непосредственным контролем Ц.К.»

Я согласен с этим проектом. Только нельзя ли как-нибудь смягчить конец, напр., вместо «под непосредственным контролем Ц.К.» оставить лишь «под контролем Ц.К.»

РЕЧЬ ПО ДОКЛАДУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ц.К.
8 МАЯ (26 АПРЕЛЯ)

Действительно, доклад о деятельности Ц. К. касался больше техники, чем политики Ц. К. С 1900 г. я слежу за деятельностью центрального аппарата партии и должен констатировать гигантский прогресс. Если он нас не удовлетворяет, так ведь полное удовлетворение наступит разве при диктатуре пролетариата, да и то едва ли! Имейте в виду, что «кооптация» все еще вредит! Ц. К. говорит мало о своей политике, ибо ничего хорошего о ней он не мог сказать. Главная его ошибка—это борьба против созыва съезда. Будь съезд созван годом раньше, он был бы более примиренческим, чем теперь. Я сам стою за раскассирование, но я против него безусловно в одном случае,—когда оно делается из-за агитации за съезд, но на этом я не хочу останавливаться: больше радости об одном грешнике раскаявшемся, чем о 99 праведниках. Что касается упреков по моему адресу, то я скажу лишь, что литератор без партии ничего сделать не в состоянии.

В дополнение к этой резолюции, принятой в начале съезда, Ц. К. считает необходимым добавить, на основании позднейших данных, следующее. Общее число полноправных голосов нашей партии было определено съездом окончательно в 71, т.-е. 62 голоса у 31 полноправной организации и 9 голосов у центральных учреждений партии. Комитеты Кременчугский, Казанский и Кубанский не признаны съездом полноправными. На съезде присутствовали с решающими голосами делегаты комитетов: Петербургского, Московского, Тверского (в конце съезда), Рижского, Северного, Тульского, Нижегородского, Уральского, Самарского, Саратовского, Кавказского Союза (8 голосов, т.-е. равняется четырем комитетам), Воронежского, Николаевского, Одесского, Полесского, Северо-Западного, Курского и Орловско-Брянского. Всего 21 организация с 42 голосами, затем делегаты Ц. К. и представители Ц. К. в совете всего с 4 голосами. Итого 46 голосов из 71. С совещательными голосами: присутствовали делегаты Архангельского комитета, Уральского Союза (второй делегат, прибывший к концу съезда), Казанского комитета, Одесского комитета; групп: Екатеринославской, Харьковской, Минской, редакции «Вперед» и Комитета Заграничной Организации. Делегат Кременчугского комитета выразил желание принять участие в работах съезда, но опоздал приездом. Далее, делегаты третьего Съезда получили во время его заседаний документ, из которого явствует, что приехали за границу, благодаря усилиям Организационного Комитета создать общепартийный съезд, предста-

вители организаций: Петербургской группы Ц.К., Одесской группы Ц.К., Николаевского комитета, Харьковского комитета, Киевского комитета, Екатерины. комитета, Кубанского комитета, Донского комитета, Донецкого Союза, Сибирского Союза, периферии Московского комитета, Сормовской периферии, Смоленского комитета, Крымского Союза и Украинского С.-Д. Союза. Документ этот есть письмо к «Товарищам, собравшимся на съезд по приглашению Организационного комитета», письмо, подписанное представителями всех названных организаций. Отсюда видно, что Организационному Комитету действительно удалось обеспечить возможность общепартийного съезда в полном смысле слова.

Съезд имел всего 26 заседаний. В порядке дня стояли вопросы тактические: 1) Вооруженное восстание. 2) Отношение к политике правительства накануне и в самый момент переворота. 3) Отношение к крестьянскому движению. Затем вопросы организационные. 4) Отношение рабочих и интеллигентов в партийных организациях. 5) Устав партии. Далее, вопросы об отношении к другим партиям и организациям, именно: 6)—к отколовшейся части Р.С.-Д.Р.П. 7)—к национальным с.-д. партиям. 8)—к «социал-революционерам». 9)—к либералам. Далее, 10) Улучшение пропаганды и агитации. 11) Отчет Ц.К. 12) Отчеты делегатов местных комитетов. 13) Выборы. 14) Порядок оглашения протоколов и решений съезда и вступления должностных лиц в должность.

Издание протоколов съезда поручено особой выбранной съездом комиссией, которая приступила уже к своим работам.

Ц.К. Росс. С.-Д.Р.П.

ИЗВЕЩЕНИЕ О III СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Товарищи-рабочие! Недавно состоялся III съезд Р.С.-Д.Р.П.⁴², который должен открыть собой новую полосу в истории нашего социал-демократического рабочего движения. Россия переживает великий исторический момент. Революция вспыхнула и разгорается все шире, охватывая новые местности и новые слои населения. Пролетариат стоит во главе боевых сил революции. Он принес уже наибольшие жертвы делу свободы и готовится теперь к решительному бою с царским самодержавием. Сознательные представители пролетариата знают, что свобода не даст трудящимся избавления от нищеты, гнета и эксплуатации. Буржуазия, ныне стоящая за дело свободы, постарается на другой день после революции опять у рабочих возможно большую часть ее завоеваний, выступит непримиримым врагом социалистических требований пролетариата. Но мы не боимся свободной, объединенной и окрепшей буржуазии. Мы знаем, что свобода даст нам возможность широкой, открытой, массовой борьбы за социализм. Мы знаем, что экономическое развитие с неумолпаемой силой — и тем быстрее, чем свободнее оно пойдет, — будет подкапывать власть капитала и готовить победу социализма.

Товарищи-рабочие! Чтобы достигнуть этой великой цели, мы должны сплотить всех сознательных пролетариев в единую Российскую С.-Д. Рабочую Партию. Наша партия начала складываться уже давно, тотчас после широкого рабочего движения 1895 и 1896 годов. В 1898 году собрался первый съезд, основавший Российскую Соц.-Дем. Рабочую Пар-

тию и наметивший ее задачи. В 1903 году состоялся второй съезд, давший партии программу, вынесший ряд резолюций о тактике и впервые попытавшийся создать цельную партийную организацию. Правда, эта последняя задача не удалась партии сразу. Меньшинство второго съезда не захотело подчиниться большинству его и начало раскол, принесший глубокий вред с.-д. рабочему движению. Первым шагом этого раскола было нежелание исполнять постановления второго съезда, отказ работать под руководством созданных им центральных учреждений; последним шагом явился отказ принять участие в III съезде. III съезд был созван Бюро, выбранным большинством комитетов, работающих в России, и Ц.К. партии. На съезд были приглашены все комитеты, отделившиеся группы и недовольные комитетами периферии, и громадное большинство их, в том числе почти все комитеты и организации меньшинства, выбрали своих делегатов и послали их на съезд за границу. Таким образом было достигнуто все, осуществимое при наших полицейских условиях, для созыва общепартийного съезда, и только отказ трех зарубежных членов бывшего Совета Партии повлек за собой бойкот съезда всем меньшинством партии. III съезд, как видно из приводимой ниже резолюции его⁴³, возлагает на этих трех членов всю ответственность за раскол партии. Но тем не менее III съезд, несмотря на отсутствие меньшинства, принял все меры к тому, чтобы меньшинство могло работать вместе с большинством в одной партии. III съезд признал неправильность того поворота к устарелым, отжившим взглядам экономизма, который намечился в нашей партии, но в то же время съезд создал точные и определенные, закрепленные уставом партии, обязательные для всех членов ее, гарантии прав всякого меньшинства. Меньшинство имеет теперь безусловное, обеспеченное уставом партии, право отстаивать свои взгляды, вести идейную борьбу,—лишь бы споры и разногласия не вели к дезорганизации, не мешали положительной работе, не дробили наших сил, не препятствовали дружной борьбе с самодержавием

и с капиталистами. Право на издание партийной литературы дано теперь уставом всякой полноправной организации партии. Ц. К. партии вменено теперь в обязанность транспортировать всякую партийную литературу, раз этого требуют пять полноправных комитетов, т.-е. одна шестая доля всех полноправных комитетов партии. Автономия комитетов определена точнее, личный состав комитетов объявлен неприкосновенным, т.-е. у Ц. К. отнято право исключать членов из местных комитетов и вводить новых без согласия комитета. Единственным исключением из этого является тот случай, когда $\frac{2}{3}$ организованных рабочих требуют смещения комитета: тогда по уставу, принятому III съездом, это смещение обязательно для Ц. К., раз $\frac{2}{3}$ его согласны с решением рабочих. Каждому местному комитету дано право утверждать периферийные организации в звании партийных организаций. Периферии дано право представлять кандидатов в члены комитетов. Границы партии определены точнее, согласно желанию большинства партии. Создан один центр вместо двух или трех. Обеспечено решительное преобладание работающих в России товарищей над заграничной частью партии. Одним словом, третьим съездом сделано все, чтобы рассеять всякую возможность нареканий на злоупотребление со стороны большинства его перевесом, на механическое подавление, на деспотизм центральных учреждений партии и проч. и т. п. Создана полная возможность для всех социал-демократов работать вместе, вступать уверенно в ряды одной партии, достаточно широкой и жизненной, достаточно окрепшей и сильной, чтобы парализовать традиции старой кружковщины, чтобы стереть следы минувших трений и мелочных конфликтов. Пусть же все действительно ценящие партийность работники социал-демократии последуют теперь призыву III съезда, пусть его постановления послужат исходным пунктом для восстановления единства партии, для устранения всякой дезорганизации, для сплочения рядов пролетариата. Мы уверены, что именно сознательные рабочие, всего лучше умеющие ценить значение

сплоченной, дружной работы, всего глубже прочувствовавшие весь вред розни, шатаний и усобиц, будут настаивать теперь со всей энергией на всеобщем и безусловном признании партийной дисциплины всеми членами партии как из низов, так и из верхов ее!

Стремясь сохранить во всех своих организационных и тактических решениях преемственную связь с работами второго съезда, III съезд пытался учесть новые задачи момента в резолюциях о подготовке партии к открытому выступлению, о необходимости самого энергичного практического участия в вооруженном восстании и руководства им со стороны партии, наконец, об отношении ее к временному революционному правительству. Съезд обратил внимание всех членов партии на необходимость пользоваться всяким колебанием правительства, всяким юридическим или фактическим расширением свободы нашей деятельности для укрепления классовой организации пролетариата, для подготовки открытого выступления его. Но кроме этих общих и основных задач социал-демократической рабочей партии переживаемый революционный момент выдвигает перед ней роль передового борца за свободу, роль авангарда в вооруженном восстании против самодержавия. Чем упорнее становится сопротивление царской власти народному стремлению к свободе, тем могучее растет сила революционного натиска, тем вероятнее полная победа демократии с рабочим классом во главе ее. Проведение победоносной революции, отстаивание ее завоеваний возлагает гигантские задачи на плечи пролетариата. Но пролетариат не испугается великих задач. Он с презрением отбросит от себя тех, кто сулит ему несчастья от его победы. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он сумеет стать во главе народного вооруженного восстания. Он не испугается трудной задачи участия во временном революционном правительстве, если эта задача выпадет на его долю. Он сумеет отбить все контр-революционные попытки, беспощадно раздавить всех врагов свободы, грядью отстоять демократическую республику,

добиться революционным путем осуществления всей нашей программы-минимум. Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии. Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами.

Вперед же, товарищи рабочие, на организованную, дружную и стойкую борьбу за свободу!

Да здравствует революция!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

«Пролетарий» ¹¹ № 1, 27 (14) мая 1905 г.

Собр. Соч., т. VII, стр. 295—298.

Долгая и упорная борьба за съезд в Р. С.-Д. Р. П. наконец закончилась. Третий съезд состоялся. Подробная оценка всех его работ будет возможна лишь после выхода в свет протоколов съезда. В настоящее время мы намерены лишь наметить, на основании опубликованного «Извещения» и впечатлений участников съезда, главные вехи партийного развития, отлившегося в решения III съезда.

Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России накануне III съезда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе. Во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще. В-третьих,—главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент. Рассмотрим решение этих трех вопросов, переходя от менее к более существенному.

Партийный кризис вырешился сам собой одним уже фактом созыва съезда. Основу кризиса, как известно, составляло упорное нежелание меньшинства II съезда подчиниться большинству его. Мучительность этого кризиса и затяжной характер его обуславливались промедлением в созыве III съезда, обуславливались наличием фактического раскола партии, раскола скрытого и тайного при лицемерном соблюдении внешнего и показного единства и при отчаянных усилиях большинства ускорить прямой выход из невозможного положения. Съезд дал этот выход, поставив перед меньшинством в упор вопрос о признании решений большинства, т.-е. о фактическом восстановлении или полном формальном

нарушении единства партии. Меньшинство решило этот вопрос во втором смысле, предпочитая раскол. Отказ Совета участвовать в съезде вопреки несомненно выраженной воле большинства полноправных организаций партии, отказ всего меньшинства явиться на съезд были, как сказано уже в «Извещении», последним шагом к расколу. Мы не будем останавливаться здесь на формальной законности съезда, вполне доказанной в «Извещении». Тот довод, что съезд, созданный не Советом, т.-е. не по уставу партии, незаконен, трудно даже взять всерьез после всей истории партийного конфликта. Для всякого, усвоившего себе основы всякой партийной организации вообще, ясно, что дисциплина по отношению к низшей коллегии обусловлена дисциплиной по отношению к высшей коллегии; дисциплина по отношению к Совету обусловлена подчинением Совета его доверителям, т.-е. комитетам и их совокупности, партийному съезду. Кто не согласен с этой азбукой, тот неизбежно приходит к абсурдному выводу, что не доверенные лица ответственны перед доверителями и подотчетны им, а наоборот. Но, повторяем, на этом вопросе не стоит долго останавливаться не только потому, что не понять дела могут лишь нежелающие понимать, а еще и потому, что с момента раскола спор о формальностях между расколовшимися частями становится особенно сухой и бесцельной схоластикой.

Меньшинство откололось теперь от партии, это—совершившийся факт. Одна часть его, вероятно, убедится из решений и еще более из протоколов съезда в наивности разных басен о механическом подавлении и т. п., в наличности полных гарантий прав меньшинства вообще в новом уставе, во вреде раскола,—и войдет в партию. Другая часть, может быть, будет упорствовать некоторое время в непризнании партийного съезда. По отношению к этой части нам остается пожелать, чтобы она как можно скорее сорганизовалась внутренне в цельную организацию со своей особой тактикой и особым уставом. Чем скорее это будет, тем легче будет

всем и каждому, широкой массе партийных работников, разобраться в причинах раскола и в оценке его, тем осуществимее будут практические соглашения между партией и отколовшейся организацией, смотря по нуждам работы на местах, тем скорее, наконец, наметится путь к неизбежному будущему восстановлению единства партии.

Перейдем теперь ко второму вопросу, к общим организационным нормам партии. III съезд довольно существенно переработал эти нормы, пересмотревши весь устав партии. Пересмотр этот коснулся трех главных пунктов: а) изменения § 1 устава; б) точного определения прав Ц. К. и автономии комитетов с расширением этой последней; в) создания единого центра. Что касается до пресловутого вопроса о § 1 устава, то его достаточно выяснила уже партийная литература. Неправильность принципиальной защиты расплывчатой формулировки Мартова доказана вполне. Попытка Каутского защитить эту формулировку не принципиальными соображениями, а удобством с точки зрения русских конспиративных условий, не имела и не могла иметь успеха⁴⁵. Кто работал в России, тот прекрасно знает, что таких соображений удобства не существует. Остается теперь ждать первого опыта коллективной *работы* партии над осуществлением нового § 1 устава. Мы подчеркиваем, что над его осуществлением надо еще работать и много работать. Чтобы зачислить себя самого в члены партии «под контролем одной из партийных организаций»,—для этого никакой работы не требуется, ибо эта формула есть звук пустой и все время была, от второго до третьего съезда, звуком пустым. Чтобы создать широкую сеть разнородных партийных организаций, начиная от узких и конспиративных и кончая возможно более широкими и возможно менее конспиративными, для этого нужна упорная, долгая, умелая организационная работа, которая и ложится теперь на наш Ц. К., а еще более на наши местные комитеты. Именно комитетам придется утверждать в звании партийных наибольшее число организаций, придется избегать при этом

всякой ненужной волокиты и придирчивости, придется пропагандировать всегда и непрестанно среди рабочих идею необходимости создавать как можно больше самых различных рабочих организаций, входящих в нашу партию. Мы не можем здесь останавливаться дольше на этом интересном вопросе. Заметим лишь, что революционная эпоха делает особенно необходимым резкое отграничение социал-демократии от всех и всяких демократических партий. А такое отграничение немислимо без постоянной работы над расширением числа партийных организаций и укреплением их связи между собою. Делу этого укрепления связи должны служить, между прочим, двухнедельные отчеты, установленные съездом. Пожелаем, чтобы эти отчеты не остались на бумаге, чтобы практики не рисовали себе ужасов волокиты и канцелярщины по поводу этого, чтобы они приучали себя сначала к немногому, к простому хотя бы сообщению числа членов каждой, даже самой мелкой, самой отдаленной от центра партийной организации. «Лиха беда начало», говорит пословица, а там уже видно будет, какое громадное значение имеет привычка к регулярным организационным сношениям.

На вопросе об одном центре мы не будем долго останавливаться. III съезд таким же громадным большинством отверг «двоецентрие», каким II съезд принял его. Причины этого легко поймет всякий, внимательно следящий за историей партии. Съезды не столько творят новое, сколько закрепляют результаты уже выработанные. Ко времени II съезда опорой устойчивости была и считалась редакция «Искры»,— ей дан был перевес. Преобладание российских товарищей над заграничными казалось еще проблематичным при том уровне развития партии. После второго съезда неустойчивой оказалась именно заграничная редакция,—партия же выросла, несомненно и значительно выросла, именно в России. Назначение редакции Ц. О. Центральным Комитетом партии не могло не встретить при этих условиях сочувствия массы партийных работников.

Наконец, попытки более точного разграничения прав Ц. К. и местных комитетов, идейной борьбы и дезорганизаторской свары равным образом с неизбежностью вытекали из всего хода событий после II съезда. Тут перед нами последовательное и систематическое «накопление партийного опыта». Письмо Плеханова и Ленина к недовольным редакторам от 6 октября 1903 г.*—стремление разграничить элементы раздражения и разногласия. Ультиматум Ц. К. от 26 ноября 1903 г.—то же стремление в виде оформленного предложения литературной группы. Заявление представителей Ц. К. в Совете в конце янв. 1904 г.**—попытка призвать всю партию к отделению идейных форм борьбы от бойкота и т. п. Письмо Ленина к русским членам Ц. К. от 26 мая 1904 г.***—признание необходимости формально гарантировать права меньшинства. Известная «декларация 22-х» (осень 1904 г.)—то же в более отчетливой, разработанной и категорической форме. Совершенно естественно, что по этой дороге пошел и III съезд, который «окончательно рассеял, формальными решениями рассеял мираж осадного положения». В чем именно состоят эти формальные решения, т. е. видоизменения устава партии, мы не будем повторять здесь, ибо это видно из устава и из «Извещения». Заметим только две вещи. Во-первых, позволительно надеяться, что гарантия права издавать литературу и обеспечение комитетов от «раскассирования» облегчит возвращение в партию отколовшихся национальных с.-д. организаций. Во-вторых, установление неприкосновенности личного состава комитетов заставило предусмотреть возможность злоупотреблений этой неприкосновенностью, т. е. неудобство «несменяемости» абсолютно негодного комитета. Таким образом возник § 9 нового устава партии, устанавливающий условия распушения комитета при требо-

* См. т. VI, стр. 73. *Ред.*

** Там же, стр. 147—148. *Ред.*

*** Там же, стр. 141—143. *Ред.*

вании этого $\frac{2}{3}$ местных рабочих, входящих в партийные организации. Подождем указаний опыта, чтобы решить, насколько практичным оказалось это правило.

Наконец, переходя к последнему и самому важному предмету работ съезда, к установлению тактики партии, мы должны заметить, что перечислять отдельные резолюции и рассматривать подробно их содержание здесь не место. Может быть, нам придется сделать это в особых статьях, посвященных главнейшим резолюциям. Здесь же необходимо обрисовать общую политическую ситуацию, в которой должен был разобраться съезд. Возможен двойкий ход и исход начавшейся русской революции. Возможно, что царское правительство сумеет еще вывернуться из тисков, в которых оно сжато, посредством ничтожных уступок, посредством какой-нибудь «шиповской» конституции. Такой исход мало вероятен, но если международное положение самодержавия улучшится в случае, напр., удачного сравнительно мира, если предательство буржуазии по отношению к делу свободы реализуется быстро в сделке с властью имущими, если неизбежный революционный взрыв или взрывы окончатся поражением народа,— тогда этот исход наступит. Нас, социал-демократов, да и весь сознательный пролетариат, ждут тогда долгие серые будни свирепого якобы-конституционного господства буржуазии, как класса, всевозможного подавления политической самостоятельности рабочих, медленного экономического прогресса при новых условиях. Мы не падем духом, разумеется, ни при каких исходах революции, мы будем утилизировать всякое изменение условий для расширения и укрепления самостоятельной организации рабочей партии, для политического воспитания пролетариата к новой борьбе. С этой задачей считался между прочим съезд в резолюции об открытом выступлении Р. С.-Д. Р. П.

Возможен и более вероятен другой исход революции, именно та «полная победа демократии с рабочим классом во главе ее», о которой говорит «Извещение». Нечего и говорить о том,

что мы сделаем, что только в наших силах, для достижения этого результата, для устранения условий, допускающих первый исход. И объективные исторические условия складываются благоприятно для русской революции. Бессмысленная и позорная война затягивает мертвую петлю над царским правительством и создает необыкновенно выгодный момент для революционного уничтожения военщины, для широкой пропаганды народного вооружения взамен постоянных армий, для быстрого проведения этой меры при сочувствии ей массы населения. Долгое и безраздельное господство самодержавия накопило невиданное, пожалуй, в истории количество революционной энергии в народе: наряду с громадным рабочим движением ширится и растет крестьянское восстание, спланивается мелкобуржуазная демократия в лице преимущественно представителей свободных профессий. Ирония истории наказала самодержавие тем, что даже дружественные по отношению к нему общественные силы, в роде клерикализма, должны организовываться отчасти против него, ломая или раздвигая рамки полицейского бюрократизма. Брожение среди духовенства, стремление его к новым формам жизни, выделение клерикалов, появление христианских социалистов и христианских демократов, возмущение «иноверцев», сектантов и т. д.: все это играет как-нельзя больше на руку революции, создавая благоприятнейшую почву для агитации за полное отделение церкви от государства. Вольные и невольные, сознательные и бессознательные союзники революции растут и множатся не по дням, а по часам. Вероятность победы народа над самодержавием усиливается.

Эта победа возможна только при героическом напряжении силы пролетариата. Она предъявляет к социал-демократии такие требования, каких ни разу еще и нигде не ставила история перед рабочей партией в эпоху демократического переворота. Тут перед нами не проторенные пути медленной подготовительной работы, а величайшие, грандиозные задачи организации восстания, концентрации революционных сил про-

летариата, сплочения их с силами всего революционного народа, вооруженного нападения, учреждение временного революционного правительства. В резолюциях, которые опубликованы теперь во всеобщее сведение, III съезд пытался учесть эти новые задачи и дать посильные директивы организациям сознательных пролетариев.

Россия приближается к развязке вековой борьбы всех прогрессивных народных сил против самодержавия. Никто уже не сомневается теперь в том, что самое энергичное участие в этой борьбе примет пролетариат и что именно его участие в борьбе решит исход революции в России. Нам, социал-демократам, предстоит теперь оказаться достойными представителями и руководителями самого революционного класса, помочь ему добиться самой широкой свободы,—залога победоносного шествия к социализму.

Собр Соч., т. VII, стр. 301—306.

О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ¹⁶

Статья первая

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПЛЕХАНОВА

Третий съезд партии принял резолюцию по вопросу о временном революционном правительстве. Резолюция эта выражает именно ту позицию, которую занимали мы в газете «Вперед». Мы намерены приступить теперь к подробному разбору всех возражений против нашей позиции и к разъяснению со всех сторон истинного принципиального смысла и практического значения съездовской резолюции. Начнем с попытки Плеханова поставить этот вопрос на строго принципиальную почву. Плеханов озаглавил свою статью: «К вопросу о захвате власти». Он критикует «тактику, направляемую (очевидно «Вперед») к захвату пролетариатом политической власти». На самом деле, как прекрасно знает всякий, знакомый с «Вперед», никогда «Вперед» вопроса *о захвате власти* не поднимал и никакой «тактики к захвату» не направлял. Плеханов старается подменить действительно обсуждавшийся вопрос другим, вымышленным; чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить ход спора.

Мартынов первый выдвинул вопрос в своих знаменитых «Двух диктатурах». Он утверждал, что если наша партия примет руководящее участие в восстании, то отсюда, в случае успеха, вытечет необходимость участия ее во временном революционном правительстве, а таковое участие принципиально недопустимо и ни к чему, кроме гибельного и компрометирующего исхода, привести не может. «Искра» защищала эту позицию. «Вперед» возражал, что такой исход,

напротив, есть наиболее желательный, что участие социал-демократии во временном революционном правительстве, равносильное демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, допустимо, что без такой диктатуры не удастся отстоять республику. Итак, обе спорившие стороны, отвечая на вопрос, *поставленный Мартыновым*, принимали два предположения и расходились в выводах из них: обе принимали 1) руководящее участие партии пролетариата в восстании; 2) победу восстания и полное свержение самодержавия; расходились они в оценке тактических выводов из этих предположений. Неужели это похоже на «тактику, направляемую (II) к захвату (??) власти»? Неужели не ясно, что Плеханов стремится *уклониться* от Мартыновской постановки вопроса, обсуждавшейся «Искрой» и «Вперед»? Мы спорили о том, опасно ли, губительно ли победоносное проведение восстания, раз оно может привести к необходимости участия во временном революционном правительстве. Плеханов выражает желание поспорить о том, следует ли *направлять* тактику к захвату власти. Боимся, что желание Плеханова (понятное лишь с точки зрения затушевывания Мартыновской постановки вопроса) останется невинным пожеланием, ибо никто на эту тему не спорил и не спорит.

Какое значение имеет этот подмен вопроса во всей аргументации Плеханова, видно особенно наглядно из эпизода с «виртуозами филистерства». Плеханову не дает покоя это, употребленное «Вперед», выражение. Плеханов возвращается к нему раз семь, грозно и гневно уверяя своих читателей, что «Вперед» дерзнул Маркса и Энгельса назвать этим не слишком лестным эпитетом, что «Вперед» начинает *критиковать* Маркса и проч. и т. д. Мы прекрасно понимаем, что Плеханову, задавшемуся целью реабилитировать Мартынова и «разнести» «Вперед», было бы весьма приятно, если бы «Вперед» сказал хоть что-либо похожее на приписываемую ему Плехановым нелепость. Но дело-то в том, что *ничего подобного «Вперед» не говорил*, и всякий вниматель-

ный читатель легко разоблачит Плеханова, который запутал интересный принципиальный вопрос совершенно пустяковинной и мелочной придиркой.

Как ни скучно отвечать на придирки, но приходится подробно разъяснять, в чем на самом деле состоял этот эпизод с пресловутыми «виртуозами филистерства». «Вперед» рассуждал так. Мы все говорим о завоевании республики. Чтобы завоевать ее на деле, необходимо, чтобы мы стали «вместе бить» самодержавие,—мы, т.-е. революционный народ, пролетариат и крестьянство. Но этого еще недостаточно. Недостаточно даже «вместе добить» самодержавие, т.-е. совершенно свергнуть самодержавное правительство. Необходимо еще «вместе отбить» неизбежно предстоящие отчаянные попытки восстановить свергнутое самодержавие. Это «вместе отбить», примененное к революционной эпохе, есть не что иное, как революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, есть участие пролетариата в революционном правительстве. Поэтому люди, *пугающие* рабочий класс возможной перспективой этой диктатуры, т.-е. такие люди, как Мартынов и Л. Мартов в новой «Искре»⁴⁷, впадают в противоречие с своим собственным лозунгом борьбы за республику и доведения революции до конца. Эти люди, в сущности, рассуждают так, как будто они хотят ограничить, урезать свою борьбу за свободу,—именно отмерить себе наперед самый скромный кусочек завоеваний, какую-нибудь куцую конституцию вместо республики. Такие люди, говорил «Вперед», филистерски опошляют известное марксистское положение о трех главных силах революции XIX (и XX) века и трех основных стадиях ее. Это положение состоит в том, что первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая—завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т.-е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья—социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат. *«Эта картина верна в общем и целом»*, писал «Вперед». Перед

нами действительно подъем на эти три различные схематические ступеньки, различные по тому, какие классы могут в лучшем случае сопровождать нас в этом подъеме. Но если мы эту верную марксистскую схему трех ступеней будем понимать так, что *до всякого подъема* надо отмеривать себе наперед скромненькую меру, например, не более одной ступени, если мы по этой схеме будем, до всякого подъема, *«составлять себе план деятельности в революционную эпоху»*, то мы будем виртуозами филистерства.

Вот каково было рассуждение «Вперед» в № 14*. И вот тут-то вздумал придраться Плеханов к последним подчеркнутым словам. «Вперед»—объявляет он с торжеством—тем самым обозвал Маркса филистером, ибо Маркс именно по этой схеме составлял себе план деятельности в самую революционную эпоху!

Доказательство? Доказательство состоит в том, что в 1850 году, когда революционный народ Германии потерпел поражение в борьбе 1848—1849 годов, не сумев добить самодержавие, когда либеральная буржуазия уже получила куцую конституцию и перешла на сторону реакции,—одним словом, когда германское демократически-революционное движение поднялось только на одну первую ступеньку и остановилось, бессильное подняться выше, тогда... тогда Маркс говорил, что новый революционный подъем будет подъемом на вторую ступеньку.

Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизм у Плеханова получился, в самом деле, немножечко... как бы это помягче выразиться?.. «диалектический». *Так как* Маркс в соответствующий конкретный момент конкретной демократической революции говорил, что после происшедшего подъема на первую ступень предстоит подъем на вторую,—то *поэтому* лишь «критики» Маркса могут называть филистерами людей, которые до подъема на первую ступень пугают нас ужасной

* См. т. VII, стр. 199. *Ред.*

перспективой прыжка (в случае особенно удачно организованного и проведенного восстания) на две ступени сразу.

Да, да, нехорошая вещь «критика» Маркса... и не очень хорошая вещь—неудачная ссылка на Маркса. Мартынов неудачно истолковал Маркса. Плеханов неудачно защитил Мартынова.

И пусть не делает из наших слов какой-нибудь придиричивый читатель того вывода, будто мы проповедуем «тактику, направленную» к обязательным прыжкам через ступеньку, независимо от соотношения общественных сил. Нет, мы никакой подобной тактики не проповедуем. Мы боремся только против влияния на пролетариат людей, способных говорить о республике и о доведении революции до конца и в то же время страшающих себя и других возможностью участия в демократической диктатуре. Мы замечали уже в № 14 «Вперед», что после теперешнего революционного подъема реакция, конечно, будет неизбежна, но она тем меньше отнимет у нас свободы, чем больше завоюем мы теперь и чем беспощаднее мы будем давить и уничтожать контр-революционные силы в эпоху возможной (и желательной) демократической диктатуры. Мы замечали также в № 14 «Вперед», что самый вопрос об этой диктатуре имеет смысл лишь при допущении такого рода событий, когда демократическая революция доходит до полного низвержения абсолютизма, до республики, а не останавливается на полдороге.

Перейдем теперь от эпизода с «виртуозами филистерства» к содержанию знаменитого «Обращения» (Центрального Комитета Союза Коммунистов к членам Союза, в марте 1850 года), цитируемого Плехановым. В этом чрезвычайно интересном и поучительном «Обращении» (которое стоило бы перевести целиком на русский язык) Маркс рассматривает конкретную политическую ситуацию в Германии в 1850 г., указывает на вероятность нового политического взрыва, констатирует неизбежность перехода власти, в случае революции, к республиканской, мелко-буржуазной демократической пар-

тин и анализирует тактику пролетариата. Особо рассматривая тактику до революции, в момент ее и после победы мелко-буржуазной демократии, Маркс настаивает на необходимости создания «самостоятельной тайной и открытой организации рабочей партии», борется всеми силами против «принижения ее до роли придатка официальной буржуазной демократии», подчеркивает важность вооружения рабочих, образования самостоятельной пролетарской гвардии, строгого надзора пролетариев за предательской мелко-буржуазной демократией и т. д.

Во всем «Обращении» ни слова не говорится ни об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, ни о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Плеханов выводит отсюда, что Маркс «как видно не допускал даже и мысли о том, что политические представители революционного пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя». Логика этого вывода хромает. Маркс *не поднимает* вопроса об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, а Плеханов заключает, что Маркс решает этот вопрос вообще и принципиально в безусловно отрицательном духе. Маркс говорит только о конкретной ситуации, Плеханов делает общий вывод, не рассматривая вовсе вопроса в его конкретности. А между тем, достаточно взглянуть на некоторые места «Обращения», опущенные Плехановым, чтобы видеть полную неправильность его выводов.

«Обращение» писано на основании опыта двух лет революционной эпохи, 1848 и 1849. Результаты этого опыта Маркс формулирует так: «В то же самое время (т.-е. именно в 48—9 г.г.) прежняя крепкая организация Союза Коммунистов значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные кружки и организации

(Gemeinden) стали запускать свои сношения с Центральным Комитетом и постепенно прекратили их вовсе. Таким образом, в то время, как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого попала в общем всецело под господство и под руководство мелко-буржуазных демократов»*. И на следующей странице «Обращения» Маркс заявляет: «В настоящее время, когда предстоит новая революция,... крайне важно, чтобы рабочая партия выступила возможно более организованной, возможно более единодушной и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатируемой буржуазией и идти у нее на буксире».

Вдумайтесь хорошенько в значение этих категорических утверждений! После 2-х лет открытой революции, после победы народного восстания в Берлине, после созыва революционного парламента, после того, как часть страны находилась в открытом восстании и власть временно переходила в руки революционных правительств,—Маркс констатирует поражение революционного народа и, в отношении партийной организованности, *выигрыш* мелко-буржуазной демократии, *проигрыш* рабочей партии. Разве это не указывает яснее ясного на такую политическую ситуацию, когда вопроса об участии рабочей партии в правительстве не к чему было и ставить? После 2-х лет революционной эпохи, когда Маркс в течение девяти месяцев издавал открыто самую революционную газету рабочей партии, приходится констатировать полную дезорганизацию этой партии, полное отсутствие

* Ansprache der Zentralbehörde an den Bund, von März 1850, K. Marx: «Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln», 1885, Anhang IX, S. 75. (Обращение Центрального Комитета к Союзу, март 1850, К. Маркс: «Разоблачения о процессе коммунистов в Кельне», 1885, прилож. IX, с. 75. *Ред.*) Курсив в цитатах весь наш.

сколько-нибудь резко выраженной пролетарской струи в общем течении (рабочие братства Стефана Борна слишком незначительны), полное подпадение пролетариата не только под господство, но и под руководство буржуазии! Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было, мелкая буржуазия господствовала безраздельно. Понятно, что при таких условиях писателю, разбирающему конкретную ситуацию, нельзя было даже допускать мысли о возможности участия рабочей партии во временном правительстве. Понятно, что Маркс должен был в своем «Обращении» вдалбливать (извините за выражение) членам Союза Коммунистов такие истины, которые нам теперь кажутся азбучными. Маркс должен был доказывать необходимость выставления рабочими особых кандидатов при выборах независимо от буржуазной демократии. Маркс должен был опровергать демократические фразы, что-де отделение рабочих «раскалывает» (это заметьте! раскалывать можно только то, что было вчера еще едино и что продолжает быть идейно единым!) демократическую партию. Маркс должен был *предостерегать* членов Союза Коммунистов от увлечения этими фразами. Маркс должен был, от имени Ц. К. Союза, обещать при первой возможности созыв съезда рабочей партии для централизации рабочих клубов,—в течение революционных лет 1848—1849 не было еще на-лицо условий, для того, чтобы допускать мысль о возможности особого съезда рабочей партии!

Вывод отсюда ясен: в знаменитом «Обращении» Маркс совершенно не касается вопроса о принципиальной допустимости участия пролетариата во временном революционном правительстве. Маркс исключительно рассматривает конкретную ситуацию Германии в 1850 году. Маркс ни слова не говорит при этом об участии Союза Коммунистов в революционном правительстве потому, что при тогдашних условиях

не могло возникнуть и мысли о таком участии от имени рабочей партии в целях демократической диктатуры.

Мысль Маркса состоит вот в чем: мы, немецкие социал-демократы 1850 г., не организованы, мы потерпели поражение в первый период революции, мы всецело попали на буксир буржуазии; мы должны организовать самостоятельную, непременно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно,—иначе и при грядущей победе усилившей свою организацию и могучей мелко-буржуазной партии мы тоже будем в хвосте.

Мысль Мартынова состояла вот в чем: мы, русские с.-д. 1905 года, организованы в самостоятельную партию и хотим идти на первый штурм против крепости царизма, идти во главе мелко-буржуазного народа. Но если мы очень уж хорошо организуем штурм и, боже упаси, победоносно проведем его, то нам придется, пожалуй, участвовать во временном революционном правительстве или даже в демократической диктатуре. А это участие принципиально недопустимо.

И Плеханов хочет серьезно уверить кого-нибудь, что можно защитить Мартынова по Марксу? Должно быть, Плеханов считает читателей «Искры» за ребят. Мы же скажем только: одно дело марксизм, другое дело мартыновизм.

* * *

Чтобы покончить с «Обращением», необходимо еще разъяснить следующее неправильное мнение Плеханова. Он указывает справедливо, что в марте 1850 г., когда писалось «Обращение», Маркс верил в дряхлость капитализма, и социалистическая революция казалась ему «совсем близкой». Очень скоро Маркс исправил свою ошибку: уже 15 сентября 1850 г. он разошелся с Шаппером (Шаппер с Виллихом остался в меньшинстве Союза и вышел из него), который поддался буржуазно-демократическому революционаризму или утопизму до того, что говорил: «мы должны тотчас достиг-

нуть власти или же мы можем лечь спать». Маркс возражал Шапперу, что нельзя считать двигателем революции одну только свою волю вместо действительных условий. Пролетариату может быть придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений «не только для того, чтобы изменить эти условия, но и для того, чтобы изменить самих себя, пролетариев, и сделать себя способными к политическому господству». Плеханов рассказывает вкратце об этой перемене взглядов Маркса и умозаключает:

«Политические задачи пролетариата были бы определены ими» (Марксом и Энгельсом после этой «перемены») «уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы участие социалистов в мелко-буржуазном правительстве» («Искра» № 96).

Это умозаключение Плеханова совершенно неправильно. Оно сводится именно к тому смешению социалистической и демократической диктатуры, за которое мы не раз упрекали Л. Мартова и Мартынова. Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или вернее вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким. Они не различали поэтому в то время и программы-минимум от программы-максимум. Если же делать это различие (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом «социалистов-революционеров»), то надо *особо* разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре. Не делая этого, Плеханов поступает непоследовательно. Выбирая уклончивую формулировку, говоря вообще об «участии социалистов в мелко-буржуазном правительстве», он тем самым именно подсовывает вопрос о социалистической диктатуре на место ясно, определению и точно поставленного вопроса о демократической диктатуре. Он смешивает (употребляя сравнение «Впе-

ред» *) участие Мильерана в министерстве рядом с Галлифе в эпоху накануне социалистического переворота с участием Варлена в революционном правительстве рядом с мелко-буржуазными демократами, отстаивавшими и отстаившими республику.

Маркс и Энгельс в 1850 году считали социализм близким и потому недооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными ввиду несомненной победы мелко-буржуазной демократической партии⁴⁸. 25 лет спустя, в 1875 г., Маркс указывал на недемократический строй Германии—«абсолютизм, обшитый парламентскими формами»⁴⁹. 35 лет спустя, в 1885 г., Энгельс предсказывал переход власти в Германии к мелко-буржуазной демократии при грядущем европейском потрясении⁵⁰. Отсюда вытекает как раз обратное тому, что хочет доказать Плеханов: если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они *тем больше* значения придавали бы *демократической* диктатуре пролетариата и крестьянства в целях упрочения республики, полного уничтожения всех следов абсолютизма и полной расчистки арены для битвы за социализм. Они *тем больше* осудили бы хвостистов, способных накануне демократического переворота *пугать* пролетариат *возможностью* революционно-демократической диктатуры.

Плеханов сам чувствует слабость своей позиции, основанной на кривотолковании «Обращения». Он осторожно оговаривается поэтому, что не претендует своей справкой окончательно исчерпать вопрос,—хотя делает выводы «исчерпывающей» категоричности, не приведя ровно ничего, кроме не относящейся к делу справки и не попытавшись даже разобрать конкретной постановки вопроса, данной «Вперед». Плеханов старается навязать «Вперед» и желание «критиковать» Маркса и точку зрения Маха и Авенариуса. Это покушение его вы-

* См. т. VII, стр. 187. *Ред.*

зывает у нас лишь улыбку: должно быть, плоха позиция Плеханова, если он не может найти себе мишени из действительных утверждений «Вперед» и должен выдумывать мишень из сюжетов, совершенно посторонних и газете «Вперед» и рассматриваемому вопросу. Наконец, Плеханов ссылается еще на одно доказательство, которое ему «кажется неотразимым». На самом деле, это доказательство (письмо Энгельса к Турати от 1894 года) совсем уже из рук вон плохо.

Как видно из плехановского изложения этого письма (к сожалению, Плеханов не приводит письма полностью и не указывает, было ли оно напечатано и где именно), Энгельс *должен был доказывать Турати различие между социалистической и мелко-буржуазной революцией*. Этим все сказано, т. Плеханов! Турати—итальянский Мильеран, бернштейнианец, которому Джюльетти предлагал портфель в своем министерстве. Турати *смешивал*, очевидно, два переворота самого различного классового содержания. Турати воображал, что он будет проводить интересы господства пролетариата, а Энгельс разъяснял ему, что при данной ситуации в Италии 1894 года (т.е. несколько десятилетий спустя *после* подъема Италии на «первую ступень», после завоевания политической свободы, позволившей пролетариату открыто, широко и самостоятельно организоваться!), он, Турати, в министерстве победившей мелко-буржуазной партии будет отстаивать и проводить на деле интересы *чужого класса*, мелкой буржуазии. Мы имеем, следовательно, перед собой один из случаев мильеранизма; против смешения мильеранизма с демократической диктатурой «Вперед» прямо восстал, и к доводам «Вперед» Плеханов даже не прикоснулся. Мы имеем перед собой характерный пример того ложного положения, от которого Энгельс давно предостерегал вождей крайних партий, именно когда они не понимают истинного характера переворота и бессознательно проводят интересы «чужого» класса. Ради всего святого, тов. Плеханов, неужели это имеет

хоть какое-нибудь отношение к вопросу, возбужденному Мар-
тиновым и разобранному «Вперед»? Неужели опасность сме-
шения второй и третьей ступеней людьми, поднявшимися
на первую ступень, может служить оправданием того, чтобы
нас перед подъемом на первую ступень пугали перспективой
возможного подъема на две ступени сразу??

Нет, «небольшая историческая справка» Плеханова ровне-
хонько ничего не доказывает. Его принципиальный вывод:
«участвовать в революционном правительстве вместе с пред-
ставителями мелкой буржуазии значит изменять пролетар-
нату» нисколько не подтверждается ссылками на те ситуации,
которые имели место в Германии 1850 и Италии 1894 г.г.
и которые радикально отличаются от русской в январе и
в мае 1905 года. Эти ссылки ничего не дают по вопросу
о демократической диктатуре и временном революционном
правительстве. А если Плеханов хочет применять свой вывод
к *этому* вопросу, если он *всякое* участие пролетариата в
революционном правительстве при борьбе за республику,
при демократическом перевороте, считает *принципиально не-*
допустимым, то мы беремся доказать ему, что это есть
«принцип» анархизма, самым недвусмысленным образом осу-
жденный Энгельсом. Это доказательство мы приведем в сле-
дующей статье.

Статья вторая

ТОЛЬКО СНИЗУ ИЛИ И СНИЗУ И СВЕРХУ?

В предыдущей статье, разобрав историческую справку
Плеханова, мы показали, что Плеханов неосновательно де-
лает общие и принципиальные выводы на основании слов
Маркса, всецело и исключительно относящихся к конкретной
ситуации Германии в 1850 году. Эта конкретная ситуация
вполне объясняет, почему Маркс не поднимал и не мог
поднимать тогда вопроса об участии Союза Коммунистов во
временном революционном правительстве. Теперь мы переи-

дем к разбору общего и принципиального вопроса о допустимости такого участия.

Прежде всего необходимо точно поставить спорный вопрос. В этом отношении мы можем, к счастью, воспользоваться одной из формулировок, данных нашими оппонентами, чтобы устранить таким образом пререкания из-за сущности спора. В № 93 «Искры» сказано: «Лучший путь для такой организации (для организации пролетариата в партию, оппозиционную буржуазно-демократическому государству)—путь развития буржуазной революции *снизу* (курсив «Искры»), давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». И дальше «Искра» говорит про «Вперед», что «он хочет, чтобы давление пролетариата на революцию шло не «снизу» только, не только с улицы, но и сверху, из чертогов временного правительства».

Итак, вопрос поставлен ясно. «Искра» хочет давления снизу, «Вперед»—«не снизу только, но и сверху». Давление снизу есть давление граждан на революционное правительство. Давление сверху есть давление революционного правительства на граждан. Одни *ограничивают* свою деятельность давлением снизу. Другие не согласны на такое ограничение и требуют *дополнения* давления снизу давлением сверху. Спор сводится, следовательно, именно к вопросу, поставленному нами в подзаголовке: только снизу или и снизу и сверху? Принципиально недопустимо для пролетариата в эпоху демократической революции давление сверху, «из чертогов временного правительства», говорят одни. Принципиально недопустимо пролетариату в эпоху демократической революции безусловно отказываться от давления сверху, от участия во временном революционном правительстве, говорят другие. Речь идет, таким образом, не о том, вероятно ли при данной конъюнктуре, осуществимо ли при таком-то соотношении сил давление сверху. Нет, мы не разбираем теперь совершенно никакой конкретной ситуации, и ввиду неоднократных попыток подменить один спорный вопрос другим мы усиленно

просим читателей иметь это в виду. Перед нами общий принципиальный вопрос о *допустимости* перехода от давления снизу к давлению сверху в эпоху демократической революции.

Для разъяснения этого вопроса обратимся сначала к истории тактических взглядов основателей научного социализма. Не было ли в этой истории споров именно из-за общего вопроса о допустимости давления сверху? Такой спор был. Повод к нему подало испанское восстание летом 1873 г. Энгельс оценивал те уроки, которые социалистический пролетариат должен извлечь из этого восстания, в статье «Бакунисты за работой», помещенной в 1873 году в немецкой соц.-дем. газете «Volksstaat» и перепечатанной в 1894 году в брошюре «Internationales aus dem Volksstaat»*. Посмотрим же, какие общие выводы делал Энгельс.

9-го февраля 1873 г. испанский король Амадео отрекся от престола—«первый король, устроивший забастовку», острит Энгельс. 12 февраля была провозглашена республика. В провинциях баскских вспыхнуло затем восстание карлистов. 10 апреля выбрано было Учредительное Собрание, провозгласившее 8 июня федеративную республику. 11-го июня конституировалось новое министерство Пи-и-Маргаль. Крайние республиканцы, так называемые «нитрансиженты» (непримиримые) не попали при этом в комиссию по выработке конституции. И когда, 3-го июля, была провозглашена эта новая конституция, нитрансиженты подняли восстание. С 5-го по 11-ое июля они победили в провинциях Севилья, Гранада, Алькой, Валенсия и ряде других. Правительство Салмерона, который сменил вышедшего в отставку Пи-и-Маргалья, двинуло военную силу против восставших провинций. Восстание было подавлено после более или менее упорного сопротивления: Кадикс пал 26-го июля 1873 г., Картагена—11-го января 1874 года. Таковы краткие хронологические данные, предполагаемые Энгельсом его изложению.

* «На международные темы из «Народного государства»⁵¹. *Ред.*

Оценивая уроки события, Энгельс подчеркивает прежде всего, что борьба за республику в Испании отнюдь не была и не могла быть борьбой за социалистический переворот. «Испания—говорит он—страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия,—таковы были шансы, которые открывала республика. Но использовать эти шансы можно было лишь посредством деятельного *политического* вмешательства испанского рабочего класса. Масса рабочих чувствовала это; она стремилась повсюду к тому, чтобы участвовать в событиях, чтобы использовать удобный случай для действия, не предоставляя, как до сих пор, свободного поприща для действия и для интриг имущих классов».

Итак, дело шло о борьбе за республику, о демократической, а не социалистической революции. Вопрос о вмешательстве рабочих в события ставился тогда двояко: с одной стороны, бакунисты (или «алиансисты»,—основатели «алианса» для борьбы с марксистской «интернациональю») отрицали политическую деятельность, участие в выборах и т. д. С другой стороны, они были против участия в революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения рабочего класса, против всякого участия в революционном правительстве. Вот эта последняя сторона дела и представляет для нас особый интерес с точки зрения нашего спорного вопроса. Эта сторона дела и подала, между прочим, повод к формулировке *принципиальной* разницы между двумя тактическими лозунгами.

«Бакунисты—говорит Энгельс—много лет проповедывали,

что *всякое революционное действие сверху вниз зловредно, что все должно быть организуемо и проводимо снизу вверх*».

Итак, принцип: «только снизу» есть принцип *анархический*.

Энгельс показывает как раз сугубую нелепость этого принципа в эпоху демократической революции. Из него вытекает естественно и неизбежно тот практический вывод, что учреждение революционных правительств есть измена рабочему классу. И бакунисты делали именно такой вывод, провозглашали именно как принцип, что *«учреждение революционного правительства есть новый обман рабочего класса, новая измена рабочему классу»*.

Как видит читатель, перед нами как раз те два «принципа», до которых договорилась и новая «Искра», именно: 1) допустимо лишь революционное действие снизу в противоположность тактике «и снизу и сверху»; 2) участие во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу. Оба эти новонсковские принципа суть принципы анархические. Фактический ход борьбы за республику в Испании показал как раз всю нелепость и всю реакционность этих обоих принципов.

Энгельс показывает это на отдельных эпизодах испанской революции. Вот, например, вспыхивает революция в городе Алькой. Это фабричный город сравнительно нового происхождения с 30 тысячами жителей. Рабочее восстание побеждает, несмотря на руководство бакунистов, принципиально чуравшихся идеи организовать революцию. Бакунисты стали задним числом хвастать, что они оказались «господами положения». И что же сделали эти «господа» из своего «положения», спрашивает Энгельс. Во-первых, они основали в Алькой «комитет благосостояния», т.-е. революционное правительство. Между тем эти самые аллиансисты (бакунисты) на своем конгрессе 15 сентября 1872 года, т.-е. всего за десять месяцев до революции, постановили: «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти может быть лишь новым обманом и оказалась бы

столь же опасной для пролетариата, как все ныне существующие правительства». Вместо опровержения этих анархических фраз, Энгельс ограничивается саркастическим замечанием, что как раз сторонникам революции пришлось стать «участниками этой временной и революционной правительственной власти» в Алькой. Энгельс третирует этих господ с заслуженным ими презрением за то, что они обнаружили, оказавшись у власти, «абсолютную беспомощность, растерянность и неэнергичность». Энгельс с таким же презрением ответил бы на обвинения в «якобинизме», излюбленные жирондистами социал-демократии. Он показывает, что в ряде других городов, напр., в Сан-Люкар-де-Баррамеда (портовый город с 26 тыс. жителей около Кадикса) «аллиансистам тоже пришлось вопреки их анархическим принципам образовать революционное правительство». Он упрекает их за то, что они «не знали, что делать с своей властью». Прекрасно зная, что бакунистские вожди рабочих участвовали во временных правительствах *вместе с интрансижентами*, т.-е. вместе с республиканцами, представителями мелкой буржуазии, Энгельс ставит в упрек бакунистам не их участие в правительстве (как это следовало бы сделать по «принципам» новой «Искры»), а *недостаток организованности, недостаток энергии участия*, подчинение их руководству господ буржуазных республиканцев. Какими уничтожающими сарказмами осыпал бы Энгельс людей, приносящих в эпоху революции значение «технического» и военного руководства, видно между прочим из того, что Энгельс упрекал бакунистских вождей рабочих за то, что они, попав в революционное правительство, предоставляли «политическое и *военное* руководство» господам буржуазным республиканцам, а сами кормили рабочих пышными фразами да бумажными прожектами «социальных» реформ.

Как настоящий якобинец социал-демократии, Энгельс не только умел ценить важность действия сверху, не только вполне допускал участие в революционном правительстве

вместе с республиканской буржуазией, но *требовал* такого участия и энергичной военной инициативы революционной власти. Энгельс считал своим долгом при этом давать *практически-руководящие военные* советы.

«Несмотря на то,—говорит он,—что восстание было начато бессмысленно, оно имело все же большие шансы на успех, *если бы оно было направляемо хоть с капелькой смысла**, хотя бы даже по образцу испанских военных бунтов. При таких бунтах поднимается гарнизон одного города, двигается в соседний город, увлекает за собой его гарнизон, распропагандированный уже ранее, и таким образом повстанцы, возрастая в числе подобно лавине, идут на столицу, пока счастливое сражение или переход посланных против них войск на их сторону не решит победы. Этот способ был в особенности удобоприменим в данном случае. Инсургенты были давно уже организованы повсюду в добровольческие батальоны; правда, дисциплина в них была жалкая, но во всяком случае не хуже, чем в остатках старой, большей частью распушенной, испанской армии. Единственными надежными войсками у правительства были жандармы, но они были рассеяны по всей стране. Задача состояла, прежде всего, в том, чтобы помешать этим жандармам стянуться вместе, а это было возможно лишь посредством наступательного образа действий и при смелом выступлении на бой в открытом поле. Большой опасности такой образ действий не представлял, потому что правительство могло выставить против добровольцев лишь столь же недисциплинированные войска, как и сами эти добровольцы. И кто хотел победить, у того не было иных путей к победе».

Вот как рассуждал основатель научного социализма, когда

* Wäre er nur mit einigem Verstand geleitet worden. Бедный Энгельс! Жаль, что незнаком он с новой «Искрой»! Тогда он знал бы о гибельности, зловредности, утопичности, буржуазности, гехнической односторонности и заговорщической узости «якобинской» идеи о *проведении* (geleitet werden) восстания!

ему приходилось иметь дело с задачами восстания и непосредственной борьбы в эпоху революционного взрыва! Несмотря на то, что восстание было поднято мелко-буржуазными республиканцами; несмотря на то, что для пролетариата не стоял вопрос ни о социалистическом перевороте, ни об элементарно необходимой политической свободе;—несмотря на это, Энгельс страшно высоко ценил активнейшее участие рабочих в борьбе за республику, Энгельс требовал от вождей пролетариата, чтобы они всю свою деятельность подчинили необходимости победы в начавшейся борьбе; Энгельс входил при этом и сам, как один из вождей пролетариата, даже в детали военной организации, Энгельс не пренебрегал, раз это нужно было для победы, и устаревшими способами борьбы военных бунтов, Энгельс во главу угла ставил наступательный образ действий и централизацию революционных сил. Самые горькие упреки направлял он против бакунистов за то, что они возвели в принцип «то, что было неизбежным злом в эпоху немецкой крестьянской войны и во время майских восстаний в Германии в 1849 году, именно *раздробленность и обособленность революционных сил*, позволившие одним и тем же правительственным войскам подавлять одно отдельное восстание за другим». Взгляды Энгельса на проведение восстания, на организацию революции, на использование революционной власти, как небо от земли, отличаются от хвостистских взглядов новой «Искры».

Подводя итог урокам испанской революции, Энгельс отмечает прежде всего, что «бакунисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу». Именно, во-первых, пришлось выбросить за борт принцип воздержания от политической деятельности, от выборов, принцип «уничтожения государства». Во-вторых, «они выбросили за борт тот принцип, что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения пролетариата, они

участвовали сами в движении заведомо чисто буржуазном». В-третьих,—и этот вывод дает ответ как раз на наш спорный вопрос—«они попирали только что провозглашенный ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу,—они попирали его, преспокойно заседаая в правительственных комитетах отдельных городов и притом почти везде как бессильное меньшинство, майоризируемое господами буржуа и политически эксплуатируемое ими». Не умея руководить восстанием, раздробляя революционные силы вместо централизации их, уступая проведение революции господам буржуа, распуская прочную и крепкую организацию интернационала, «бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию».

* * *

Суммируя вышесказанное, получаем следующие выводы:

1) Принципиально ограничивать революционное действие давлением снизу и отказываться от давления также и сверху есть *анархизм*.

2) Кто не понимает новых задач в эпоху революции, задач действия сверху, кто не умеет определять условия и программу такого действия, тот понятия не имеет о задачах пролетариата во всякой демократической революции.

3) Тот принцип, что для социал-демократии недопустимо участвовать вместе с буржуазией во временном революционном правительстве, что всякое такое участие есть измена рабочему классу, есть принцип *анархизма*.

4) Перед партией пролетариата всякое «серьезное революционное положение» ставит задачу сознательного *проведения* восстания, организации революции, централизации всех революционных сил, смелого военного наступления, энергичнейшего использования революционной власти.

5) Маркс и Энгельс не могли одобрить и никогда не одо-

брили бы тактика новой «Искры» в теперешний революционный момент, ибо эта тактика как раз состоит в повторении всех перечисленных выше ошибок. Маркс и Энгельс назвали бы принципиальную позицию новой «Искры» созерцанием «задней» пролетариата и перепевом анархических заблуждений.

В следующей статье мы перейдем к разбору задач временного революционного правительства.

Собр. Соч., т. VII, стр. 314—329.

Из резолюций III съезда Р. С.-Д. Р. П. всем товарищам известно, каково должно быть принципиальное и организационное отношение к так наз. меньшинству или новоискровцам. Признавая необходимость идейной борьбы с пережитками «экономизма», III съезд признал возможным вступление в партийные организации сторонников меньшинства при условии признания съездов партии и подчинения партийной дисциплине. Раз этого условия нет на-лицо, все группы «меньшинства» следует рассматривать, как стоящие вне партии, причем практические *соглашения* с ними, разумеется, допустимы, по усмотрению Ц. К. и местных комитетов, на тех же началах, как соглашения с Бундом и т. п.

В настоящее время мы можем сообщить товарищам лишь некоторые сведения о заграничной части отколовшегося от партии меньшинства. Ц. К. сейчас же после съезда послал письмо и в «Лигу» и заведующим техникой и кассой партии, прося первую—высказаться о своем отношении к III съезду, вторых—передать партийное имущество Ц. К. Ответа ни на одно письмо не последовало. Новоискровцы не прочь были от имени всей партии пользоваться партийной типографией и складом, получать деньги от немецкой социал-демократии, от заграницы вообще, но дать отчет партии в употреблении партийного имущества и расходовании партийных средств они не пожелали. Комментировать такое поведение мы считаем излишним.

В статье о III съезде («Прол.» № 1*) нами выражено пожелание, чтобы отколовшаяся часть партии по крайней мере сорганизовалась поскорее как можно цельнее внутри себя: тогда легче будут отдельные соглашения и яснее путь к будущему единству. К сожалению, и это наше пожелание оказывается почти неисполнимым. Резолюции «конференции» меньшинства теперь опубликованы (см. крайне интересную брошюру: «Первая общерусская конференция партийных работников», Отд. Приложение к № 100 «Искры», а также № 100 «Искры»). Мы настоятельно рекомендуем всем партийным организациям ознакомиться с этой брошюрой, ибо лучше этого материала для идейной борьбы с отколовшейся частью партии мы не могли бы ничего себе представить. Резолюции эти обнаруживают полную неспособность меньшинства организовать даже своих собственных сторонников. Они не могли даже созвать своей собственной конференции: их конференцию созвали мы, Бюро Комитетов Большинства и Ц. К., объявившие созыв III съезда. Делегаты меньшевистских организаций ехали по поручению своих организаций на съезд, а попали на конференцию! Конференция постановила не признавать решений III съезда—и отменить устав партии, принятый на II съезде! Конференция не смогла конституироваться как съезд,—ее решения суть решения *советательного* собрания, подлежащие утверждению каждой отдельной организацией. Полного перечня участников конференции нет, протоколов тоже нет. Организации меньшинства могут, след., отвечать лишь да или нет на вопрос о признании ими той или другой резолюции. Таким образом, решающие голоса будут подаваться при невозможности видоизменять тексты резолюций и при отсутствии перед голосящими всего хода прений о резолюциях. Как будут подытоживаться эти решающие голоса, могущие разойтись при утверждении одной части и отмене другой части резолюции,

* См. т. VII, стр. 301. *Ред.*

Аллах ведает. Перед нами—принцип бонапартистских плебисцитов в противоположность общепринятому в международной социал-демократии принципу демократического представительства. У нас—демократически выбранные и подотчетные представители полноправных организаций совещаются и решают. У них—представители плюс гости совещаются и предлагают, а полноправные организации говорят задним числом: да или нет. Трудно представить себе систему, более способную дезорганизовать социал-демократов. На практике эта система плебисцитов всегда вырождается в комедию.

«Организационный устав», принятый конференцией и состоящий из 13-ти параграфов, есть в своем роде перл. Создается партийное здание из шести этажей в следующем порядке снизу вверх: 1) руководящий коллектив, 2) комитет, 3) областной съезд, 4) областной комитет, 5) конференция и 6) исполнительная комиссия. Вообще говоря, низшая коллегия выбирает высшую. Но отношения между руководящим коллективом и комитетом определяются не началом выборов, а началом «соглашения», как думают новоискровцы, или началом «путаницы», как кажется нам. С одной стороны комитет входит весь в состав руководящего коллектива вместе со всеми членами не только районных комитетов, но и «групп, работающих среди особых слоев населения». С другой стороны, «в районный комитет входит также представитель от комитета»! С одной стороны, все существенные решения должны исходить от руководящего коллектива, с другой стороны, в экстренных случаях комитет действует самостоятельно «до опроса (1) районных комитетов». С третьей стороны, «комитет обязан периодически давать районным комитетам отчет о своей деятельности». При выражении комитету недоверия большинством членов районных комитетов он реорганизуется «по взаимному соглашению областного комитета и районных комитетов». Ни права, ни состав других партийных организаций (в том числе и районного комитета) вовсе не определены. Понятие членства партии, из-за которого меньшевики

принципиально сражались на II съезде, вовсе выброшено за борт! До сих пор принцип «соглашения» между членами одной и той же организации или партии, во всех существенных вопросах программы и тактики между собою спевшихся, считался принципом анархизма. Социал-демократы всего мира в таких случаях проводили и проводят принцип подчинения меньшинства большинству. Новоискровцы хотят явить миру неувядаемый образец того, как оба эти принципа могут перемешиваться в самом «поэтическом» беспорядке. Недавно как-то попался нам на глаза экземпляр одной немецкой газеты с девизом: «Weder Autorität noch Majorität»—«ни авторитета, ни большинства». Принцип сродни новоискровской организации-процессу. Газета эта—орган немецких анархистов: «Der Anarchist».

При выборе центра («органа, объединяющего всю партийную работу») новоискровцы предпочитают прямым выборам не прямые, через выборщиков. Исполнительная комиссия выбирается не прямо представителями руководящих коллективов, а посредством *четырёхстепенных выборов!* Отчего вдруг явилась нелюбовь к прямым выборам—Аллах ведаёт. Некоторые думают: не повлиял ли уже на новоискровцев пример г. Струве, желающего установить для верхней палаты всеобщие, но не прямые выборы? Как именно будут производиться эти четырёхстепенные выборы, это ведаёт тоже один Аллах, ибо в «уставе» об этом ни слова.

Само собою разумеется, что этот устав, красоты которого мы исчерпали далеко не все, брать в серьёз было бы смешно. Никогда он применяться не будет. Шестиэтажная колымага, даже если бы её удалось построить, не сможет сдвинуться с места. Значение этого устава не практическое, а принципиальное. Это—великолепная, бесподобная иллюстрация знаменитой теории «организации-процесса». Отныне даже слепому должно быть видно, что организация-процесс есть дезорганизация. До сих пор меньшевики выступали как дезорганизаторы по отношению к своим оппонентам, по отношению

к II съезду и созданным им органам. Теперь меньшевики выступают как дезорганизаторы по отношению к своим единомышленникам. Это уже настоящее возведение дезорганизации в принцип.

Нас не удивляет, что меньшевики начали с нарушения своего собственного устава. Никакого деления России на области они не наметили. Никакой исполнительной комиссии, даже предварительно, впредь до утверждения комитетов и организаций они не выбрали. Конференция выбрала Организационную Комиссию, уставом не предусмотренную, и дала ей особые поручения! Теперь даже временные и частные соглашения с меньшевиками страшно затруднены, ибо никакого официального положения эта Организационная Комиссия не занимает и никакого решающего значения ее шаги иметь не могут. Кто хочет иметь дело с меньшевиками, пусть позаботится снестись с каждой отдельной их организацией и даже с каждым отдельным «паном», который может сказать: «не позволяя!»

Наконец, особенно поразительным является полное умолчание в «уставе» меньшинства о партийных органах и партийной литературе вообще. Органы есть («Искра», «Социал-Демократ»⁵³) и будут, но *никакой* связи между ними и партией «устав», принятый конференцией, не устанавливает. Это чудовищно, но это так. Литераторы—вне партии, над партией. Никакого контроля, никаких отчетов, никакой материальной зависимости. Нечто вроде того, что было в худшие времена оппортунизма французских социалистов: партия сама по себе, литераторы сами по себе. С этой точки зрения не случайно, может быть, следующее постановление конференции. Резолюция о *партийной* (?) литературе: «Конференция признает необходимым: 1) чтобы Организационная Комиссия приняла меры к расширению возможности для партийных литераторов вести в легальной печати борьбу за теоретические принципы партии». Некоторый прообраз меньшевистской организации: группа неотчетственных и «независимых», *незаменимых* и *незаменимых*, «партийных литераторов». А

при них—комиссия, озабочивающаяся... легальным издательством!

Об этом типе организации трудно говорить серьезно. Чем ближе революция, чем ближе возможность открытого выступления в «легальной» печати социал-демократов, тем строже должна блюсти партия пролетариата принцип безусловной ответственности «партийных литераторов» перед партией, зависимости их от партии.

Что касается до тактических резолюций конференции, то они замечательно подтверждают заявление III съезда об оттенках с.-д., «родственных экономизму», о «суживании размаха партийной работы». Не будем говорить уже о невероятно небрежном редактировании резолюций, больше подходящих на наброски мыслей, афоризмы, рассуждения и отрывки из черновых записей. В этом отношении с резолюциями конференции может конкурировать лишь «программа Союза Освобождения». Перед нами не точные, ясные директивы, даваемые высшим органом партии, а... проба пера некоторых партийных литераторов.

Возьмите содержание их. По жгучему вопросу о восстании вам не скажут, что оно стало «необходимо», что надо разъяснять не только политическое значение, но и «практически-организационную сторону» его, что надо «организовать пролетариат» с этой целью и «создавать по мере надобности особые группы» (резолюция III съезда). Нет. Вам скажут сначала, что возможность приурочить восстание к назначенному сроку и подготовить его конспиративно организационными средствами «исключается»,—а затем вы прочтете, что при расширении агитации и организации возможно превращение стихийных движений в «планомерные восстания». И эта путаница должна дать идейное руководство партии пролетариата! Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. *повторяет и подтверждает* все старые истины о пропаганде, агитации, об общедемократическом движении и т. д., но *добавляет* к этому новую задачу: организовывать пролетариат для восстания,

выяснять «практически-организационную сторону» *новых* приемов борьбы, решительной борьбы за свободу. Конференция говорит только о «подготовке восстания» вообще, повторяет только зады об агитации и организации вообще, не решаясь наметить самостоятельно никакой новой задачи, не давая никакого руководящего лозунга о необходимости шага вперед, от подготовки вообще, о которой мы говорим с 1902-го года, к практически-организационной постановке дела. Точь в точь старые экономисты. Когда выступили на сцену новые задачи политической борьбы, их стали принижать, разменивать на стадин, соподчинять задачам экономической борьбы.

Не только экономическая борьба, но и политическая в самых широких и смелых формах, говорили революционные социал-демократы. Лучшее средство для политической агитации есть экономическая борьба, отвечали экономисты. Не только пропаганда и агитация вообще, говорят теперь революционные социал-демократы, не только выяснение политического значения восстания, но и создание особых групп, немедленный приступ к практически-организационной работе, «самые энергичные меры к вооружению пролетариата». Планомерное восстание исключается, отвечают новоискровцы, надо расширять агитацию, укреплять организацию, готовить превращение стихийного в планомерное; только на этой почве «может быть приближен момент восстания», «могут приобрести более или менее серьезное значение технически-боевые приготовления»...

Для них еще не «приблизился» момент восстания! Для них практические приготовления только еще «могут приобрести» «более или менее серьезное значение»! Разве это не хвостизм чистой воды? Разве это не принижение «неотложной» (по мнению III съезда) задачи, для выполнения которой нами сделано еще страшню мало? Разве не пятятся эти люди назад, от восстания к агитации, как пятились экономисты от политической борьбы к экономической борьбе с хозяевами и с правительством? Прочтите, как пятится г. Струве в № 71

«Освобождения» от лозунга: вооруженное восстание, как оспаривает этот вождь либеральной буржуазии его неизбежность (стр. 340), как старается он принизить значение «революции в техническом смысле», как «углубляет» он лозунг восстания указанием на «социально-психические условия», как заменяет он этот лозунг лозунгом «пропитывания масс идеями демократического преобразования»⁵⁴,—и вы поймете, какое глубоко-развращающее влияние на пролетариат должен оказывать хвостизм новоискровцев, кому играет он на руку.

Другой насущный политический вопрос: о временном революционном правительстве. Резолюция III съезда ставит его ясно и отчетливо. В мотивировке—борьба за республику; возможность завоевать ее лишь при полной победе восстания; необходимость созыва учредительного собрания временным революционным правительством для действительного обеспечения свободы и правильности выборов; необходимость готовиться к борьбе с буржуазией за охрану завоеваний революции. Выводы съезда и директивы его: надо выяснять пролетариату необходимость временного революционного правительства. От этого правительства пролетариат должен требовать точно определенных вещей, именно: осуществления всей программы-минимум. Участие соц.-дем. в правительстве (действие «сверху») допустимо; цель этого участия указывается точно (беспощадная борьба с контр-революцией и отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса). Условия участия указываются не менее определенно; формальное условие—строгий контроль партии; материальное условие, т.-е. условие целесообразности участия,—неуклонное охранение независимости социал-демократии, подготовка условий социалистического переворота. Этот перечень условий участия в правительстве, условий давления сверху, как новой только революционной эпохе свойственной формы деятельности, дополняется указанием на формы и цель постоянного и во всяком случае обязательного давления снизу,—давления на временное революционное правительство со стороны воору-

женного и руководимого социал-демократией пролетариата. В общем и целом, перед нами—полный ответ на *новый* политический вопрос, точное указание значения *новых* форм борьбы, цели их, программы этой борьбы, условий допустимости их.

А в резолюции конференции? Начинается эта резолюция вопиюще *неверным* утверждением, будто «решительная победа революции над царизмом» может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, «либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание».

Можно и должно давать партии тактические указания и на случай победы и на случай поражения восстания, и на случай созыва действительно учредительного собрания революционным путем, и на случай созыва царем какой-нибудь карикатуры на народное представительство. Но называть решительной победой то, в чем недостает самого решительного условия для победы, значит вносить смуту в революционное сознание, а не руководить таковым. Любое «решение» любого представительного учреждения организовать учредительное собрание так же далеко еще от решительной победы, как слово далеко от дела, ибо царская власть держит в руках силу, способную помешать слову стать делом. Резолюция новонсковцев—точь в точь утверждение старых экономистов, что-де решительной победой рабочих может быть либо завоевание ими 8-ми час. раб. дня, либо дарование правительством 10-ти часового раб. дня, от которого рабочие перейдут к 9-ти часовому.

Резолюция конференции повторяет несомненные положения марксизма о буржуазном характере демократической революции, но придает им узкое или неправильное толкование. Вместо боевого лозунга: республика—нам дают описание процесса «ликвидации монархического строя». Вместо ука-

зания условий и задач *нового* приема борьбы «сверху», возможного и обязательного при успехе пролетарского восстания в эпоху революции, нам дают положение «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Положение это очень хорошо для парламентской борьбы, очень хорошо для действия снизу, но оно как раз недостаточно во время восстания. В такое время задача «оппозиции» состоит в насильственном свержении правительства, а по этому вопросу конференция не умела дать руководящего лозунга.

Допуская частичный и эпизодический «захват власти» в отдельных городах и районах, резолюция конференции отказывается от «принципа» новой «Искры», будто участие во временном революционном правительстве вместе с буржуазией есть измена пролетариату, мильеранизм и т. п. Частичная и эпизодическая измена не перестает быть изменой. Но ограничение задачи отдельными городами или районами не решает ее, а только раздробляет внимание и разбивает вопрос на частности, запутывая его. Наконец, лозунг: «революционные коммуны», данный в резолюции конференции, по своей неясности приближается просто к фразе, в отличие от лозунга: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Вся резолюция новоискровцев о временном революционном правительстве грешит тем же грехом, что и их резолюция о восстании: неумение определить новые тактические задачи момента, повторение задов вместо призыва идти вперед, отсутствие руководящего лозунга для передового класса в демократической революции, принижение задач и размаха деятельности этого класса, его революционного энтузиазма и революционной энергии. Политическая тенденция этой ошибочной тактической линии—приближение новоискровства к освобожденству, уступка руководящей роли в демократическом перевороте либеральной буржуазии, превращение пролетариата в простой придаток ее.

На других, менее важных резолюциях конференции ука-

занный основной недостаток тоже сказывается. Например, вместо лозунга: осуществление революционным путем 8-ми часового рабочего дня (резолюция III съезда), выдвигается лишь старый, недостаточный в настоящий момент, лозунг агитации за законодательное установление 8-ми часового рабочего дня. Вместо немедленной организации революционных крестьянских комитетов, предлагается лишь предъявление требования об их учреждении к учредительному собранию. Вместо лозунга: борьба с непоследовательностью, ограниченностью и недостаточностью освободительного движения буржуазии, везде, где эти свойства проявляются (резолюция III съезда),—резолюция конференции, повторяя ошибку Старовера, преследует химерическую задачу: найти «лакмусову бумажку», перечислить «пункты», выполнение которых позволяет назвать буржуазного демократа нелицемерным другом народа. «Пункты» новоискровской резолюции оказались, конечно, сразу не полными. Отсутствует лозунг республики. Выходит, что демократическая группа вроде «Росс. Освоб. Союза» («Пролетарий», № 4)⁵⁵ подходит под эти «пункты», хотя на деле никаких гарантий против преобладания освободителей в этой группе нет.

Само собою разумеется, что в газетной статье мы могли только в самых общих и кратких чертах наметить основную ошибку всей тактической линии новоискровства, выразившейся в резолюциях конференции. Насколько несерьезна их «организация-процесс», настолько серьезны и важны для партни ошибочные тенденции их тактики. Поэтому мы подробно разберем эти тенденции в особой брошюре, которая уже печатается и выйдет в свет в самом непродолжительном времени⁵⁶.

В СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО В БРЮССЕЛЕ

24 июля 1905 г.

Дорогие товарищи! Несколько дней тому назад мы получили ваше письмо от 28 июня и вместе с ним интересные документы (письма товарищей Бебеля и Плеханова), но, будучи крайне заняты, мы не имели возможности Вам ответить немедленно.

1. Что касается письма тов. Плеханова, то мы принуждены сделать следующие замечания: 1) Утверждение тов. Плеханова, будто после второго съезда нашей партии (август 1903 г.) между нами разногласия только по организационному вопросу, не вполне соответствует действительности. «Меньшинство» II съезда (с тт. Аксельродом, В. Засулич и Мартовым во главе) фактически раскололо партию немедленно после съезда, объявив бойкот выбранным съездом центральным учреждениям и создав тайную организацию «меньшинства», распущенную лишь осенью 1904 г. Сам тов. Плеханов, бывший на нашей стороне на II съезде партии и съезде Заграничной Лиги русской социал-демократии (октябрь 1903 г.), был, очевидно, несколько иного мнения о наших разногласиях, когда публично объявил в № 52 «Искры» (ноябрь 1903 г.), что нужно умело делать уступки «ревизионистам» (выражение Плеханова), чтобы избежать раскола в партии.

2) Не соответствует действительности также и утверждение, будто III съезд партии был созван «совершенно произвольно». По уставу партии Совет обязан созвать съезд, коль скоро этого потребует половина комитетов. Совет, как

Вам известно из резолюций III съезда, переведенных на французский язык, игнорировал устав партии. Комитеты партии и избранное ими «Бюро комитетов большинства» были морально и формально обязаны созвать съезд, хотя бы против воли Совета, уклонявшегося от его созыва.

3) Из тех же резолюций III съезда Вы знаете, что на этом съезде было представлено не «что-то около половины полноправных организаций», а значительное большинство наиболее крупных комитетов. 4) В нашей партии, действительно, есть товарищи, которых в шутку называют «болотом». Члены этого «болота», в продолжении раздоров в недрах нашей партии, беспрестанно переходили с одной стороны на другую. Первый из этих перебежчиков был т. Плеханов, который еще в ноябре 1903 г. перешел от «большинства» к «меньшинству», чтобы снова покинуть «меньшинство» в мае сего года, выйдя из редакции «Искры». Мы никоим образом не одобряем таких поворотов, но, думаем, нельзя ставить нам в вину, что товарищи из «болота», после бесконечных комбинаций, решили присоединиться к нам. 5) В письме к Бюро (16 (3) VI 05) т. Плеханов очень некстати забыл упомянуть свое письмо от 29 мая 1905 г., напечатанное в «Искре» (№ 101), точный и полный перевод которого мы Вам уже доставили⁵⁷. 6) Говоря о другой, «искровской», фракции партии, т. Плеханов опять-таки забывает прибавить, что конференция «меньшинства» (май 1905 г.) отменила устав, выработанный на II съезде, и не создала нового центрального органа. Мы полагаем, что Международное Социалистическое Бюро должно иметь полный перевод всех резолюций этой конференции. Если же «Искра» не захочет их послать в Бюро, мы готовы взять это на себя. 7) Тов. Плеханов говорит, что за созыв III съезда высказались лишь 2 уцелевшие члена Ц. К. (остальные были арестованы). Письмо т. Плеханова помечено 16 (3) VI 05; на следующий день, 17 (4), в № 4 «Пролетария», центрального органа партии, созданного III съездом, было помещено следующее

заявление: «Ознакомившись с открытым письмом Ц.К. к председателю Совета Партии т. Плеханову и будучи совершенно солидарны с Ц.К., мы находим необходимым—по причинам, которые поймут товарищи, осведомленные в ходе дел внутрипартийной жизни,—заявить о нашей солидарности с Ц.К. публично». Подписи—псевдонимы: Ма, Бем, Владимир, Иннокентий, Андрей, Ворон. Конфиденциально мы можем Вам сообщить, что эти псевдонимы принадлежат арестованным членам Ц.К.⁵⁸ Следовательно, лишь только члены Ц.К. узнали о конфликте между Ц.К. и т. Плехановым (а, значит, и Советом) по вопросу о созыве съезда, большинство их тотчас высказалось за Ц.К. против т. Плеханова. Мы настоятельно просим Международный Секретариат известить нас, счел ли т. Плеханов нужным ознакомить Бюро с этим важным заявлением арестованных членов Ц.К., совершенно опровергающим утверждения т. Плеханова в его письме от 16 (3) июня? 8) Тов. Плеханов ошибается, говоря, что обе фракции просили его оставаться представителем партии в Международном Бюро. До сих пор Ц.К. нашей партии не обращался ни с какой просьбой по этому поводу. Как мы Вам сообщали несколько дней тому назад, вопрос этот еще не решен окончательно, хотя и поставлен на очередь. 9) Т. Плеханов полагает, что ему нетрудно быть беспристрастным в вопросе о наших разногласиях. После же всего вышезложенного, мы полагаем, что это ему довольно трудно, а в настоящий, по крайней мере, момент почти невозможно.

II. Перехожу к предложению т. Бебеля, имеющему отношение к данному вопросу.

Тут мне необходимо сделать следующие замечания: 1) Я только один из членов Ц.К. и ответственный редактор Центрального Органа партии «Пролетарий». За весь Ц.К. я могу решать только заграничные дела и некоторые другие, специально мне порученные. Во всяком случае, все мои решения могут быть отменены общим собранием Ц.К. Я не могу, следовательно, решать вопроса вмешательства Бюро

в дела нашей партии. Но я немедленно отослал в Россию всем членам Ц.К. ваше письмо, а также письма гг. Бебеля и Плеханова. 2) Чтобы ускорить ответ Ц.К., было бы весьма полезно получить от Бюро некоторые необходимые разъяснения: а) Нужно ли понимать под словом «вмешательство» (intervention) только примирительное посредничество и совет, имеющие лишь моральную, но не принудительную силу; б) или же Бюро имеет в виду обязательное решение при посредстве третьей стороны; в) предлагает ли Исполнительный Комитет Бюро предоставить право окончательного и безапелляционного решения по вопросу о наших разногласиях Общему Собранию Международного Социалистического Бюро.

3) С своей стороны, считаю себя обязанным сообщить для сведения Бюро, что г. Бебель за несколько времени до III съезда сделал уже подобное предложение мне и моим единомышленникам, предлагая нам свои услуги или услуги всего правления немецкой партии (Parteivorstand) в качестве третьей стороны в споре между «большинством» и «меньшинством».

Я ответил, что вскоре состоится съезд партии и что я лично не могу решать за партию или от имени ее.

Бюро комитетов большинства отвергло предложение Бебеля. III съезд не принял никакого решения по поводу этого предложения и тем самым выразил молчаливое присоединение к ответу Б. К. Б. 4) Так как Международное Бюро считает возможным черпать сведения в «некоторых немецких газетах», я вынужден заявить, что почти все немецкие социалистические газеты, а особенно «Die Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung» стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, напр., тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в которой она защищала дезорганизацию в партии. В «Leip-

ziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций III съезда! После этого трудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социал-демократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах Российской социал-демократии.

Примите, дорогие товарищи, наш братский привет.

Вл. Ульянов (Н. Ленин).

Собр. Соч., т. VIII, стр. 9—12.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОЗЫВЕ ТРЕТЬЕГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Революция началась. Кровь тысяч людей обогрела улицы Петербурга, и клик мести, клик ненависти к правительству убийц пронесся по всей стране, находя отклик повсюду. Идея свободы и народного правления проникла в широкие массы, мысль о необходимости вооруженного восстания распространяется с поразящей быстротой. Пролетарии Петербурга подали сигнал, дело идет к развязке. Волна всеобщих политических стачек и массовых демонстраций проходит теперь по всем крупным центрам России. Вероятно, волна эта отхлынет, но она глубоко встряхнет народное сознание, она даст массам первоначальное революционное воспитание. За нею вскоре последует другая и та должна решить дело. Эта другая волна неизбежна, потому что те условия, которые вызвали первую, не только продолжают существовать, но все более усиливаются. Позорная война идет по-прежнему, экономический кризис обостряется, приближается чума, холера, голодовка, страна разорена... Перед рабочей партией выступает новая задача, небывалая по своей важности и трудности. Это задача политического руководства рабочим классом во время революции, задача найти и провести в жизнь общую тактику, при которой с наименьшей растратой драгоценной крови пролетариата им были бы достигнуты наибольшие политические и экономические завоевания в предстоящей ломке общественного строя России. В силах ли партия, такая, какая она есть, разрешить эту задачу? Всякий честный член партии должен открыто сказать: нет. Незачем доказывать этого; фактов слишком много, они слишком известны, довольно одного, самого яркого, самого ужасного. В Петербурге, в главном центре, где собрана масса партийных сил и лучших сил, руководство движением в январские революционные дни принадлежит не партии, а совершенно чужому партии лицу—священнику с группой полусознательных людей, слепо в него верящих, увлеченных его религиозно-утопическим энтузиазмом. В эти дни буржуазные

группы оппозиции отказываются признать социал-демократию законной представительницей пролетариата, ссылаясь на ее внешнюю слабость, на отсутствие в ней единства; они даже пользуются случаем *заводить самостоятельные* связи в рабочей среде, надеясь получить политическое влияние на нее и надеясь использовать ее силу в своих интересах. Это небывалое унижение партии. Так дальше нельзя. С этим надо покончить. Партия должна сделать себя достойной своей великой идеи. Где причины слабости социал-демократии? Ответ простой. В отсутствии партийного единства, политической неспособности официальных вождей партии. Эти две причины неразделимы. Неспособность официальных вождей подерживала и обостряла неурядицу. Неурядица, запутывая их все больше и отнимая у них возможность производительной партийной работы, делала их все более негодными. Мы, сторонники партийного *большинства*, давно уже ведем борьбу за единство партии. Мы давно указывали на единственно-возможный для партии, единственный достойный ее выход из этой неурядицы, на партийный съезд.

Мы давно указывали на новые и труднейшие тактические и организационные задачи, которых не в силах и не в праве разрешить самостоятельно наши центры. Мы выяснили, что время не терпит, что скоро будет поздно, что партия рискует раздробленной и бессильной попасть в поток великих событий, рискует потерять тогда свою политическую честь и проиграть дело пролетариата. Как же отнеслись ко всему этому центры? Ц. О. упорно продолжал свою борьбу против большинства партии и, лицемерно говоря в последнее время о партийном мире, угрожал расколом на съезде, хотя было выяснено, что никаких программных разногласий в партии нет, а тактические и организационные не так велики, чтобы угрожать единству партии при очной ставке ее оттенков. Совет партии отчаянно боролся против съезда, открыто нарушая устав партии. Он под фантастическими предложениями объявлял отдельные резолюции за съезд недействительными, он установил двухмесячные периоды, из которых в каждом счет должен начинаться снова, установил, прекрасно зная, что при русских расстояниях и конспиративных условиях двух месяцев практически недостаточно даже для оповещения всех комитетов о ходе партийных дел, и сделал еще целый ряд постановлений в этом же роде. Словом, он отменил своей властью установленные съездом права комитетов по созыву съезда. Ц. К. энергично агитировал против съезда, объявлял всех, борющихся за съезд, дезорганизаторами и наконец сделал ряд попыток дезорганизовать мест-

ную работу комитетов, стоявших за съезд. Он неофициально поддерживает или устраняет в целом ряде городов группы организационного меньшинства, работающие параллельно с комитетом, конкурируя с ними; так поступает он в Одессе, Екатеринославе, Н.-Новгороде; в Петербурге он официально утвердил такую группу, под именем «группы Ц.К.», вопреки прямому официальному своему обещанию, данному им за несколько дней Петербургскому комитету о том, что подобные шаги не будут предприняты без обсуждения их при участии Петербургского комитета. Следовательно, Ц.К. практически своим давлением свел к нулю право членов партии на агитацию за съезд и нарушил уставом данное комитетам право организовать всю местную работу. Так руководили центры внутривнутрипартийной жизнью. А их внешняя политика? Ц.О. сделал одну единственную попытку реального политического руководства партией: листок «Искры» о плане земской кампании. Сущность этого плана сводится к тому, что социал-демократия должна идти в хвосте буржуазных партий, представляя им говорить от имени народа. Негодность этого заграничного измышления признается теперь, повидимому, даже большею частью сторонников «Искры». Ц.К., обязанный быть постоянным политическим руководителем партии, не выполнил этого ни в один из трудных моментов обще-партийной жизни: ни при начале войны, ни 1-го мая, ни при осенних мобилизациях. Он не установил никакого собственного отношения к либерально-буржуазным партиям и распространял нелепый план кампании «Искры», не высказываясь даже против него. Хода событий Ц.К. не предвидел. Когда некоторые из нас в собраниях комитетов страстно убеждали представителей Ц.К. в неотложности съезда ввиду предстоящих революционных конфликтов, представители эти, пожмая плечами, отвечали: «а может быть революция будет не так скоро». Допустима ли в политических вождах такая степень близорукости и наивности? Благодаря негодности центров, партия неподготовлена к борьбе. Необходимо подготовиться как можно быстрее. Средство—немедленный созыв съезда.

Съезду предстоит решить следующие неотложные вопросы революционной тактики: 1. Вопрос о методах непосредственной политической борьбы. Здесь на наш взгляд первое место занимают вопросы: о планомерной организации всеобщих политических стачек, о способах вооружения масс, о способах организации вооруженного восстания, о способах воздействия на армию, о границах революционных действий, поскольку они затрагивают не только наших прямых врагов, но и другие классы общества (напр., на-

сколько допустимо в больших городах разрушение водопроводов, закрытие лавок, торгующих необходимыми припасами). 2. Вопрос об отношениях к буржуазной оппозиции: при каких условиях и в каких пределах возможно координировать в борьбе с самодержавием наши действия с их действиями. Какое значение придавать формальным переговорам и т. п. Их открытое выступление и та позиция, которую они заняли по отношению к социал-демократам, изменили многое со времени второго съезда, и история с планом земской кампании показывает, как мало мы можем полагаться в этом вопросе на свои нынешние центры. 3. Вопрос о соглашениях и объединении с национальными социалистическими партиями: Бундом, польской, литовской, украинской, финляндской, армянской и др. Настоятельность вопроса очевидна: восстановление единства партии на наш взгляд чрезвычайно облегчит достойное партии разрешение этой задачи. Вопрос о соглашении с соц.-рев. на наш взгляд должен быть подвергнут детальному обсуждению. 4. Вопросы собственно организационные: I. Установление определенных границ партии путем замены нынешнего параграфа I устава мартовского ленинским, по которому членами партии являются только члены партийных организаций. II. Установление реального единства партийной организации путем следующих реформ: а) точное определение границ централизации и автономии отдельных организаций. Мы будем бороться за строгую централизацию, но против наивного бюрократического ее понимания, выдвигаемого теперь центрами, которые требуют слепого повиновения при своей очевидной негодности; надо помнить, что основу организации составляют сознательно-товарищеские отношения. Мы будем стоять за возможно-широкую автономию местных комитетов и групп, к ним примыкающих, но против выдвигаемого меньшинством якобы демократического понимания этой автономии, которое при тяжелых внешних условиях революционной борьбы привело бы на практике к настоящей анархии; б) уставное определение основ взаимных отношений комитетов с перифериями; с) преобразование центров. Мы полагаем, что центр должен быть *одним* и притом *русский*. Мы не думаем исчерпать поставленными вопросами программу съезда, но считаем их важнейшими и наиболее неотложными. Уже из их перечисления видно, что у съезда будет слишком много работы в деле реформы, чтобы он мог обратиться в съезд суда над отдельными членами партии; к тому же мы и не считаем нынешних плохих руководителей партии сознательно преступными по отношению к ее интересам: они только жертвы непосильности задач, выпавших на их долю. Съезд

необходим. Это сознано комитетами большинства, и они выбрали путем ряда конференций (Северной—6 комитетов, Южной—3 комитета, Кавказской—4 комитета) организационное бюро III съезда, при чем предоставили этому бюро право, когда будут исчерпаны средства, добиться, чтобы съезд был организован центрами, выступить в роли организационного комитета и устроить самый съезд. Теперь все средства исчерпаны. На все вопросы большинства Ц. К. отвечал отказом созвать съезд или при помощи уклончивых ответов старался затянуть дело. Между тем время не ждет. Грозные события надвигаются. Ввиду этого организационное бюро приступает к делу организации съезда. Если бы у кого-нибудь все еще остались сомнения, законен ли созыв съезда не через центры, то мы такому товарищу ответим одно: революционные события вызывают к действию революционное право, а оно отрицает практически негодные учреждения. Надо спасти честь партии, спасти дело пролетариата.

Бюро комитетов большинства.

Собр. Соч., т., VII, стр. 427—430.

РЕЗОЛЮЦИИ III СЪЕЗДА Р. С.-Д. Р. П.

О конституировании съезда

Выслушав доклад Организационного Комитета и комиссии по проверке мандатов и обсудив эти доклады, съезд констатирует, что на нем представлены партийные организации, имеющие больше половины решающих голосов,—что, согласно партийному уставу, ставит законность съезда вне сомнений.

Что же касается того пункта договора между Центральным Комитетом и Бюро Комитетов Большинства, по которому съезд открывается при наличии трех четвертей делегатов российских комитетов, считая и Лигу, то по этому вопросу съезд постановляет:

Согласно докладу Орг. Комитета, обе стороны, составившие Организационный Комитет, смысл этого пункта договора видели в том, что необходимо было и Ц.К. и Б.К.Б. принять самые энергичные меры для достижения полноты представительства на съезде, а также дать партии все гарантии того, что Ц.К. и Б.К.Б. поставили себе целью организовать общепартийный, а не фракционный съезд. Этим пунктом договора отнюдь не имелось в виду устранить действие того параграфа партии, по которому съезд действителен при наличии более чем половины общего числа решающих голосов. Что же касается полноты представительства на съезде, то съезд констатирует, что в этом отношении приняты все меры. Известия не получены только от Астраханского комитета и Крымского союза. Выбор делегатов и посылка их за границу (в двух случаях—Тверской и Кубанский комитеты—передача мандатов заграничным товарищам) произведены девятью комитетами* из числа не представленных на съезде. В совокупности с наличными делегатами от 20 комитетов это со-

* Донской, Горнозаводский, Киевский, Кубанский, Тверской, Харьковский, Смоленский, Екатеринославский, Сибирский.

ставляет 29 комитетов, т.-е., во всяком случае, более $\frac{3}{4}$ от 34-х комитетов*.

Если девять делегатов от названных комитетов не явились на съезд, несмотря на то, что получили от комитетов соответственные мандаты и явились за границу, то отсутствие их на съезде объясняется не виною Организационного Комитета, а тем, что все усилия Орг. Ком. создать полноту представительства на съезде разбились о незаконное противодействие трех заграничных членов бывшего Совета партии. Таким образом три члена Совета партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии. Рассматривая такое противодействие как прямое нарушение доверенными должностными лицами партии определенно выраженной воли их доверителей, съезд возлагает на этих трех членов бывшего Совета партии ответственность за раскол партии и, выражая глубокое сожаление об этом расколе, высказывает непреложное убеждение в скором восстановлении единства партии, безусловно необходимого с точки зрения интересов российского пролетариата в переживаемый критический момент его революционной борьбы.

О вооруженном восстании

Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием, путем

* Число 34 есть максимум правоспособных организаций, первоначально вошедших в список Организационного Комитета.

вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников.

О временном революционном правительстве

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное Революционное Правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у русского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления Временного Революционного Правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программы-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не

подающихся точному предварительному определению, допустимо участие во Временном Революционном Правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

Об отношении к тактике правительства накануне переворота

Принимая во внимание:

что в целях самосохранения правительство в переживаемый революционный период, усиливая обычные репрессии, направленные преимущественно против сознательных элементов пролетариата, вместе с тем:

1) пытается путем уступок и обещаний реформ политически развратить рабочий класс и тем отвлечь его от революционной борьбы;

2) с той же целью облекает свою лицемерную политику уступок в псевдо-демократические формы, начиная с приглашения рабочих выбирать в комиссии и совещания своих представителей и кончая созданием карикатурных форм народного представительства, вроде так называемого Земского Собора;

3) организует так называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет предложить всем партийным организациям:

а) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы—с другой;

б) пользоваться предвыборной агитацией, разъяснять рабочим истин-

ный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата созыва революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайною подачей голосов;

в) организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса;

г) организовывать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством.

По вопросу об открытом политическом выступлении Р.С.-Д.Р.П.

Принимая во внимание:

1) что революционное движение в России до известной степени расшатало и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить некоторую свободу политического выступления враждебных ему классов;

2) что этой свободой политического выступления преимущественно пользуются теперь буржуазные классы, усиливая таким образом еще более свое экономическое и политическое преобладание над пролетариатом и увеличивая опасность превращения рабочего класса в простой придаток буржуазной демократии;

3) что среди рабочих масс все шире и шире обнаруживается стремление к самостоятельному и открытому выступлению на политическую арену хотя бы и без всякого участия социал-демократии,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. обращает внимание всех партийных организаций на необходимость:

а) пользоваться каждым случаем открытого выступления для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социал-демократическую силу;

б) использовать все легальные или полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их по мере возможности в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России;

в) принять меры к тому, чтобы наши партийные организации, наряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных

форм перехода во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности социал-демократической партии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства.

Об отношении к крестьянскому движению

Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, неминуемо обращается тем не менее против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще;

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования;

4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель;

б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него, призывать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов;

г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты.

Об отколовшейся части партии

Съезд констатирует, что в Р. С.-Д. Р. П. со времени ее борьбы с экономизмом сохраняются до сих пор в различной мере и в различных отношениях родственные ему оттенки, характеризующиеся общей тенденцией принижать значение элементов сознательности в пролетарской борьбе, подчиняя их элементам стихийности. Представители этих оттенков в вопросе организационном теоретически выставляют несоответствующий планомерно оформленной работе партии принцип организации-процесса, на практике же проводят в массе случаев систему уклонений от партийной дисциплины, а в других случаях, обращая к наименее сознательной части партии проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действительности, применения выборного начала, пытаются подорвать единственно возможные в данное время основы партийной связи. В вопросах тактических они проявляют себя стремлением сузить размах партийной работы, высказываясь против законченно-независимой партийной тактики по отношению к либерально-буржуазным партиям, против возможности и желательности для нашей партии взять на себя организующую роль в народном восстании, против участия партии при каких бы то ни было условиях во временном демократически-революционном правительстве.

Съезд предлагает всем членам партии вести повсюду энергичную идейную борьбу против подобных частичных уклонений от принципов революционной социал-демократии, но в то же время находит, что участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный устав, всецело подчинялись партийной дисциплине.

Об отношении к национальным социал-демократическим организациям

Принимая во внимание:

1) что интересы экономической и политической борьбы пролетариата требуют объединения социал-демократических организаций всех национальностей России;

2) что начавшаяся открытая революционная борьба против самодержавного строя и близость вооруженного восстания делают такое объединение особенно необходимым,—

III съезд, подтверждая отношение II съезда к вопросу о федерализме, поручает как Центральному Комитету, так и местным комитетам приложить все усилия к соглашению с национальными социал-демократическими организациями в целях согласования местной работы и приготовления таким образом возможности объединения всех социал-демократических партий в единую Р. С.-Д. Р. П.

О практических соглашениях с социалистами-революционерами

Подтверждая отношение Р. С.-Д. Р. П. к партии социалистов-революционеров, определенное резолюцией II съезда, и принимая во внимание:

1) что временные боевые соглашения социал-демократов с организациями социалистов-революционеров в целях борьбы с самодержавием могут быть в некоторых случаях полезными;

2) что такие соглашения ни в каком случае не должны ограничивать полной самостоятельности социал-демократической партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает Центральному Комитету и местным комитетам в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями социалистов-революционеров, при чем местные соглашения могут заключаться лишь под контролем Центрального Комитета.

Об отношении к либералам

Принимая в соображение:

а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом;

б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии, но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. настоятельно рекомендует товарищам:

1) разъяснять рабочим антиреволюционный и противпролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренно-либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым Союзом Освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий;

2) энергично бороться в силу изложенного против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его.

Примечание. Настоящей резолюцией отменяется резолюция об отношении к либералам тов. Старовера, принятая на II съезде.

О пропаганде и агитации

Принимая во внимание:

1) что задача планомерной и стройной организации революционно-пролетарского движения требует при теперешнем колоссальном его росте несравненно большей массы социалдемократических сил, чем когда бы то ни было прежде;

2) что при этом исключительную важность приобретает привлечение к роли руководителей движения,—в качестве агитаторов, пропагандистов и особенно в качестве членов местных центров и центра общепартийного,—возможно большего числа сознательных рабочих, как людей, наиболее непосредственно связанных с этим движением и наиболее тесно связывающих с ним партию,—и что именно недостатком таких политических руководителей среди рабочих объясняется наблюдаемое до сих пор сравнительное преобладание интеллигентов в партийных центрах;

3) что необходимые при таких условиях кадры партийных работников может дать партии только значительно расширенная и улучшенная постановкой агитация и пропаганда,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. подтверждает резолюцию II съезда о пропаганде и поручает Центральному Комитету:

а) организовать литературно-пропагандистскую группу для выработки общей пропагандистской программы и для составления применительно к ней ряда популярных брошюр по главным вопросам партийной программы, тактики, организации, причем обратить особое внимание на издание брошюрной литературы для работы среди крестьянства;

б) озаботиться постановкой издания популярного органа в России;

- в) принять меры к организации разъездных групп агитаторов и пропагандистов для содействия местным центрам;
- г) озаботиться изданием пропагандистской и агитационной литературы на жаргоне и других языках, входя для этого в случае надобности в соглашения с местными комитетами.

По поводу событий на Кавказе

Принимая во внимание:

1) что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии;

2) что революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и в деревнях дошло уже до всеобщего восстания против самодержавия;

3) что самодержавное правительство посылает уже войско и артиллерию в Гурню, подготавливая самый беспощадный разгром всех важнейших очагов восстания;

4) что победа самодержавия над народным восстанием на Кавказе, облегчаемая иноплеменным составом тамошнего населения, будет иметь самые вредные последствия для успеха восстания во всей России,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых беседований и т. д., а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

По поводу событий в Польше

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. выражает свое негодование по поводу новых убийств народа, организованных преступным правительством 1 мая в Варшаве и Лодзи, приветствует мужество и решимость братского пролетариата Польши и выражает уверенность в скором наступлении того дня, когда пролетариат всех национальностей России дружно выступит против ненавистного самодержавия и окончательной победой над ним расчистит себе путь для дальнейшей борьбы за социализм.

О центральном органе партии

Принимая во внимание:

1) что редакция «Искры» не явилась на съезд и не приняла мер к согласованию своей дальнейшей деятельности с решениями и директивами III партийного съезда;

2) что деятельность редакции новой «Искры» отнюдь не является гарантией за правильное разрешение тактических вопросов в будущем,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет, что газета «Искра» перестает быть Ц. О. партии, и поручает Ц. К. создать новый Ц. О. согласно уставу партии, дав ему имя «Пролетарий».

Об обязанности центров осведомлять периферию о партийных делах и считаться с их совещательным голосом

Принимая во внимание, что только широкая осведомленность всех членов партии и возможно более тесное общение центров с их периферией могут обеспечить дружную и продуктивную работу нашей партии,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. разъясняет, что в обязанности как Ц. К., так и местных центров входит возможно полное осведомление партийных организаций о всех общепартийных и местных делах, поскольку этому не препятствуют конспиративные соображения, а также привлечение в пределах тех же конспиративных соображений с совещательным голосом периферийных организаций при обсуждении этих дел.

О материальной поддержке партии

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. обращает внимание всех членов партии на то, что если, с одной стороны, фактическая невозможность поддерживать партию материальными средствами и не лишает, разумеется, партийного работника прав члена партии, то, с другой стороны, такая поддержка в высшей степени важна для нашей партии, как партии пролетарской. Новые политические задачи, особенно те, которые связаны с восстанием, требуют несравненно больших, чем до сих пор, материальных средств, а между тем развитие самостоятельной организации буржуазных элементов и возрастающая их враждебность по отношению к социалдемократии дают все основания думать, что приток средств извне партии будет все более уменьшаться. Необходимо, чтобы партия могла существовать всецело на свои собственные средства.

О периодических конференциях представителей различных партийных организаций

Принимая во внимание, что объединение партийной работы является неотложным требованием партийной жизни, что такое объединение всего лучше достигается совместным обсуждением всех вопросов социал-демократической теории и практики,—

III партийный съезд выражает пожелание, чтобы как Центральный, так и местные комитеты организовали возможно чаще конференции представителей различных организаций нашей партии.

Относительно «Вперед»

Принимая во внимание ту революционную инициативу, которую проявила газета «Вперед», выступив с критикой проникших в партию под официальным знаменем «Искры» уклонений от указаний II партийного съезда, ту революционную чуткость, которую проявила газета «Вперед» в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики, ту энергию, с которой «Вперед» вел борьбу против воскресших в партии демагогических приемов, принимая далее во внимание выдающуюся роль, сыгранную газетой «Вперед» в борьбе за восстановление партийности, наконец, ее значение в деле реализации съезда,—съезд выражает благодарность редакции «Вперед».

Об обсуждении доклада организационного комитета

Съезд обсуждает в настоящее время доклад О. К. только с точки зрения законности съезда.

О резолюции об отношениях рабочих и интеллигенции

Съезд считает излишним выносить особую резолюцию об отношении рабочих и интеллигенции и переходит к следующему вопросу порядка дня.

О деятельности партийных типографий

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П., выслушав доклад Ц. К. о постановке партийных типографий в России и принимая во внимание в частности деятельность товарищей, работающих в главной типографии Ц. К. в России с 1901 г., шлет свой привет названным

товарищам и выражает надежду в недалеком будущем видеть их в числе тех товарищей, которые войдут в первую открытую легальную типографию Российской социал-демократической партии.

О докладе Центрального Комитета

Выслушав доклад Ц. К., съезд переходит к очередным делам.

О работе нового Центрального Комитета

Съезд постановляет, что выбранный им новый Ц. К. вступает в отправление должности немедленно.

Об информации по поводу работ съезда

Съезд поручает Ц. К. немедленно приступить к изданию краткого извещения о III съезде с полным текстом программы, устава и резолюций.

Съезд поручает Ц. К. ускорить всеми мерами опубликование этого извещения.

Съезд поручает комиссии по изданию протоколов съезда:

1) определить окончательно, что не подлежит, по конспиративным соображениям, ни в каком случае опубликованию;

2) определить, каким способом и в каких пределах следует ознакомить членов партии с неопубликованной частью протоколов III съезда;

3) произвести необходимые сокращения для издания, исключительно относящиеся к прениям о порядке заседания или отклоненным мелким поправкам к резолюциям.

УСТАВ ПАРТИИ

§ 1. Членом партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций.

§ 2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается ежегодно Центральным Комитетом партии. Центральный Комитет обязан созвать в течение двух месяцев съезд, если созыва съезда требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе право более чем на половину решающих голосов.

Примечание 1. В случае отказа Ц.К. созвать съезд при требовании половины комитетов, съезд созывается Организационным Комитетом, избранным на конференции представителей от полных комитетов. О.К. по созыву съезда пользуется всеми правами Ц.К.

Примечание 2. Список вновь утверждаемых организаций публикуется немедленно в Ц.О. партии с указанием момента их утверждения Ц.К.

§ 3. Представительство на съезде имеют: а) Ц.К., б) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, в) иные организации, приравненные в этом отношении к комитетам, г) все союзы комитетов, признанные партией. Все означенные организации представляются на съезде каждая одним делегатом, имеющим один голос; Ц.К. представляется двумя делегатами, имеющими каждый по одному голосу; одним из этих делегатов должен быть ответственный редактор Ц.О.

Представительство союзов определяется особыми уставами.

Примечание 1. Правом представительства пользуются лишь те организации, которые утверждены не позже как за полгода до съезда.

Примечание 2. Ц. К. предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1.

§ 4. Съезд выбирает Ц. К.

§ 5. Центральный Комитет представляет партию в сношениях с другими партиями, назначает ответственного редактора Ц. О. из своей среды, организует комитеты, союзы комитетов и другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет и направляет всю деятельность партии.

§ 6. Все партийные организации, выполняющие целостную работу (комитеты местные, районные, заводские и т. п.), ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведывания которой они созданы; степень автономии групп, выполняющих частные и специальные функции (группы технические, агитаторские и т. п.), определяется создавшими их центрами.

§ 7. Всякая утвержденная съездом или Ц. К. организация имеет право издавать от своего имени партийную литературу. Ц. К. обязан транспортировать издания всякой организации, если этого потребуют пять полноправных комитетов. Все периодические партийные издания обязаны по требованию Ц. К. печатать все его заявления.

§ 8. Помимо организаций, утвержденных съездом партии, другие партийные организации утверждаются Ц. К.; местные периферийные организации—местными центрами. Все постановления Ц. К. обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать в центральную кассу 20% всех своих доходов, кроме Комитета Заграничных Организаций, который обязан отдавать Ц. К. 90%.

§ 9. Местный комитет должен быть распущен Ц. К., если за распускание выскажутся одновременно Ц. К. $\frac{2}{3}$ голосов и $\frac{2}{3}$ местных рабочих, входящих в партийные организации.

§ 10. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К., или в редакцию Ц. О., или партийному съезду.

§ 11. Всякая партийная организация обязана доставлять и Ц. К.,

и редакции Ц.О. все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью и всем ее личным составом, представляя в Ц.К. подробные отчеты о своей деятельности не реже одного раза в две недели.

§ 12. Все партийные организации решают дела простым большинством голосов; организации автономные имеют право кооптации. Для кооптации и исключения членов требуется $\frac{2}{3}$ голосов. В автономные периферийные организации комитеты имеют право вводить членов. На постановление о кооптации или исключении членов допускается апелляция в Центральный Комитет.

Кооптация членов в Ц.К. производится единогласно. В комитетах и соответствующих им организациях официальные кандидаты, предложенные Ц.К. или автономными периферийными организациями, кооптируются простым большинством голосов.

РЕЗОЛЮЦИИ, НЕ ПОДЛЕЖАВШИЕ ОПУБЛИКОВАНИЮ

Об общих собраниях Центрального Комитета

Признавая тесное общение заграничной и находящейся в России части Ц. К. безусловно необходимым для нормального течения общепартийных дел, съезд вменяет Ц. К. в обязанность периодические, не реже раза в четыре месяца, съезды той и другой его части.

О перенесении издания Центрального Органа в Россию

Третий съезд предлагает Ц. К. приложить все усилия к перенесению издания Ц. О. в Россию.

О подготовке условий слияния с меньшевиками

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает Ц. К. принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью Р. С.-Д. Р. П., причем окончательное утверждение таких условий должно быть предоставлено новому партийному съезду.

О роспуске комитетов, которые откажутся признать решения III съезда

Принимая во внимание возможность того, что некоторые меньшевистские организации откажутся принять решения III съезда, съезд предлагает Ц. К. распускать такие организации и утверждать параллельные им, подчиняющиеся съезду организации, как комитеты, но лишь после того, как тщательным выяснением будет вполне установлено нежелание меньшевистских организаций и комитетов подчиниться партийной дисциплине.

ПРИМЕЧАНИЯ *

¹ «Рассказ о II съезде Р.С.-Д.Р.П.» написан Лениным для ознакомления сравнительно узкого круга лиц, сторонников большинства из среды заграничного партийного «актива», с обстоятельствами, вызвавшими на съезде раскол. Рукопись переписывалась, с нее снимали копии, и поэтому «Рассказ» получил довольно широкое распространение в эмигрантских соц.-демократических кругах. «Рассказ» был известен и меньшевикам.—53

² На съезде фигурировали следующие «официальные» списки кандидатов в Ц.К.: 1) «примирительный» список большинства: Розанов («южно-рабоченец, угодный меньшинству»), Троцкий («боевой член меньшинства»), Носков (принимал участие в работах съезда и съездовской борьбе), Ленгник-Васильев и Кржижановский—не были на съезде, 2) аналогичный список меньшинства: Розанов, Троцкий, Крохмаль-Фомин, Носков, Кржижановский, 3) боевой список большинства: Носков-Глебов, Кржижановский-Травинский, Розанов-Попов, 4) аналогичный список меньшинства: Носков-Глебов, Розанов-Попов, Троцкий. При выборах Розанов отказался идти в боевом списке большинства и был заменен Ленгником. Всего в Ц.К. были избраны тайным голосованием 3 сторонника большинства: Носков, Кржижановский и Ленгник; из них по конспиративным соображениям назван съезду был только Носков.—62

³ Адресованные Г. Кржижановскому (Смиту), находившемуся в это время в России, письма фактически предназначались для Ц.К., который в данное время состоял из Г. Кржижановского, В. Носкова (Бориса), Ф. Ленгника, Курца (находился за границей), Л. Красина, Р. Землячки, М. Эссен и Ф. Гусарова («доктора»). По настоянию Ленина Кржижановский, получив полномочия от остальных членов Ц.К., приехал в Женеву (около 20 ноября) и принимал участие в выработке ультиматума Ц.К. меньшинству.—69

* Большинство примечаний взято из 3-го изд. Собр. соч. В. И. Ленина. Ред.

⁴ Рукопись какой брошюры М. Лядова читал в это время Ленин—не установлено. Издана брошюра не была. Несомненно, однако, что этой брошюрой не был отчет большевиков к Амстердамскому конгрессу о положении в Р.С.-Д.Р.П., изданный в августе 1904 г. за подписью М. Лидина (псевдоним М. Лядова) на немецком языке.—76

⁵ Вскоре после съезда, в половине сентября 1903 г., в Женеве состоялось, тайно от большинства партии и ее руководящих органов, фракционное совещание 17 меньшевиков (во главе с Троцким, Мартовым, Потресовым и др. лидерами меньшинства), выработавшее тактическую платформу меньшинства по вопросам внутрипартийного характера. В числе мер, рекомендуемых меньшинством для борьбы за «изменение состава высших учреждений партии», видное место занимает тактика бойкота центральных учреждений. Принятая совещанием резолюция написана в мотивированной части Л. Троцким и в практической—Л. Мартовым. Впервые эта резолюция была опубликована в печати в 1924 г.—79

⁶ Повидному, речь идет о таких фактах, как обвинение, выдвинутое против С. Гусева, в составлении «фальшивого» списка кандидатов в Ц. К. на втором съезде партии (см. т. VI, стр. 329—336).—87

⁷ Сопроводительное письмо к «Краткому очерку раскола в Р.С.-Д.Р.П.», или «введение» к очерку, опубликованное от имени Бериской группы содействия большевикам, написано, как и самый очерк, Вл. Ильичем.

Тов. Степанов, о котором говорится в сопроводительном письме, это—А. М. (Бур). О попытке правления Германской партии через Бебеля разрешить вопрос о расколе путем третейского суда см. письмо Ленина к Бебелю (т. VII, стр. 99).—93

⁸ Вл. Ильич имеет в виду брошюру «Краткий отчет о собрании членов Р.С.-Д.Р.П. в Женеве 2 сентября 1904 г.» (изд. Партийного Клуба в Женеве). Собрание было созвано под предлогом примирения большевиков и меньшевиков. Большая часть большевиков, во главе с Лениным, на собрание не явилась. Речь Плеханова, произнесенная им на этом собрании, перепечатана в XIII т. Сочинений Г. В. Плеханова.—98

⁹ Письмо А. А. Богданову и С. И. Гусеву от 11 февраля было написано после получения Вл. Ильичем письма от М. М. Литвинова, на котором Н. Крупская сделала пометку «получено 10/II».

Вот что писал Литвинов: «Пишу вам по поручению Бюро. Декларация (т.-е. «Извещение о съезде». *Ред.*) выработана. Принципиально не разнится от проекта (т.-е. от проекта извещения с семью

пунктами, написанного Лениным и посланного всем членам Бюро. См. т. VII, стр. 21—23. *Ред.*). Был спор о едином центре... Гораздо больше изменений в проекте устава съезда. В п. I проекта включены, как учрежденные съездом организации: Совет, Ц.К., Ц.О. и Лига; во II пункте перечислены с решающим голосом 8 новых комитетов. Пункты III и IV без изменений. Пункт V выброшен. Пункты VI и VII без изменений. Всюду выброшено слово «очередной». Мотивировка—нужно быть по возможности лояльным. Лояльным по отношению к тем, против которых в то же время поднимается знамя восстания (декларация). Так как изменения значительны, то решено запросить вас. Если вы на них согласны, телеграфируйте: благополучно, здоровы...» (см. «Пролетарская Революция» № 4 (39) за 1925 г.).

Упомянутый в тексте анонс—«Объявление об издании газеты «Вперед». Это «объявление», написанное А. В. Луначарским и отредактированное Вл. Ильичем, было издано отдельным листком в Женеве в декабре 1904 г.

Выступая против плана устроить съезд в Лондоне, Вл. Ильич полемизировал с А. Богдановым, выдвинувшим этот план в письме от 23 января 1905 г. (см. «Пролетарская Революция» № 4 (39) за 1925 г.).—101

¹⁰ Экономисты, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Рабочее Дело», выходявшего за границей под редакцией Б. Кричевского, Акимова-Махновца и А. Мартынова, выдвинули идею *тактики-процесса*, меняющейся, приспособляющейся к имеющемуся движению, плывущей по волнам стихии без руководства.

По теориям рабочедельцев социал-демократия не должна идти во главе масс, а плестись в хвосте рабочего движения, должна строить свою тактику в зависимости от настроения отсталых слоев пролетариата. Тактика-процесс—эта типично хвостистская тактика свойственна всем оппортунистическим течениям.

В противовес этой оппортунистической, хвостистской тактике Ленин в книге «Что делать?» выдвинул идею *тактики-плана*, которую вырабатывает социал-демократия, ведущая массы, руководящая ими, а не плетущаяся в хвосте, ставящая определенные цели и планы и разрешающая их.—106

¹¹ На II съезде партии в редакцию Ц. О. «Искры» были избраны Ленин, Плеханов и Мартов. Однако Мартов отказался войти в редакцию «Искры» ввиду провала меньшевиков при выборах центральных органов.

После съезда Ленин развернул беспощадную борьбу против меньшевиков, борьбу за выполнение решений II съезда. Плеханов

вскоре после съезда занял примиренческую позицию и потребовал от Ленина ввода в редакцию «Искры» бывших членов редакции, не избранных съездом. Ленин, не желая нарушать решение съезда и ведя линию раскола с меньшевиками, вышел 1 ноября 1903 г. из редакции «Искры». Плеханов тогда немедленно ввел в «Искру» меньшевиков: Мартова, Аксельрода, Потресова и Засулич. Таким образом эта, уже новая, «Искра» стала меньшевистской.—107

¹² *Аксельрод, П. Б.* (1850—1928)—вначале бакунист, с расколом «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к черно-передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основывает группу «Освобождение Труда». С 1900 г.—один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. примкнул к меньшевизму, дал ему принципиальное обоснование в своих статьях в «Искре» (№№ 55 и 57) и выступал с тех пор неизменно в качестве одного из самых яростных противников большевизма. Аксельроду принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики и в последующие годы. В ноябре 1904 г. написал листовку «Письмо к партийным организациям», с планом земской кампании. В 1905 г. выступал с агитацией за «народную думу». На IV (объединительном) съезде Р. С.-Д. Р. П. (Стокгольм 1906 г.) выступил с программным докладом о тактике по отношению к Государственной Думе, защищал идею «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». Осенью 1905 г. выдвинул идею созыва «рабочего съезда». В годы реакции входил в редакцию ликвидаторского органа «Голос Социал-Демократа». Участник циммервальдской и кинтальской конференций, где занимал крайне-правое крыло. Был яростнейшим противником Советской власти, проповедывавшим вооруженную интервенцию против С. С. С. Р.—107

¹³ *Мартынов, А. С. (Пикер)* (р. 1865)—в революционном движении принял участие с половины 80-х г.г. в организациях партии «Народной Воли». Будучи арестован в 1886 г. и просидев два года в Одесской тюрьме, Мартынов был сослан на десять лет в Сибирь и в конце 90-х г.г. вернулся из ссылки социал-демократом. В 1900 г. эмигрировал за границу, где вступил в «Союз русских социал-демократов» и стал одним из редакторов органа экономистов «Рабочее Дело». В 1901—1902 г.г. Мартынов вел ожесточенную полемику против программных, тактических и организационных принципов «Искры». Его взгляды, как в этот период, так и позднее, неоднократно подвергались жестокой критике со стороны Ленина. На II съезде партии Мартынов был делегатом от Союза русских социал-демократов. После раскола на съезде примкнул к меньшевикам и вскоре вошел в состав их руково-

дящего ядра; сотрудничал в меньшевистской «Искре» и во всех последующих легальных и нелегальных руководящих органах меньшевиков в качестве одного из их редакторов. Брошюра Мартынова «Две диктатуры», вышедшая в начале 1905 г., и развитые в ней взгляды легли в основу меньшевистской тактики и политики в эпоху революции 1905 г. С 1905 по 1907 г. работал в России в Петербурге, а затем снова эмигрировал за границу. Во время империалистской войны Мартынов занимал колеблющуюся позицию по отношению к войне. В 1919 г. начал отходить от меньшевизма и затем вступил в В. К. П.(б); ныне работает в органе Коминтерна «Коммунистический Интернационал».—107

¹⁴ *Мартнов, Л. (Цедербаум, Ю. О.)* (1873—1923)—один из лидеров меньшевизма. В 1891 г. вступил в студенческий революционный кружок, в 1892 г. был впервые арестован. В следующие годы работал в Виленской организации Бунда. В октябре—ноябре 1895 г. вместе с Лениным, Кржижановским и другими принимал участие в организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В начале января 1896 г. был арестован и после тюремного заключения сослан в Туруханск на три года. Весною 1901 г. приехал в Мюнхен и принял деятельное участие в работе «Искры» и «Зари». На II съезде Р. С.-Д. Р. П. стал во главе меньшинства и с тех пор до смерти оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма, неизменным участником всех центральных учреждений меньшевистской партии и редактором меньшевистских изданий. В 1905 г., после манифеста 17 октября, вернулся в Россию, работал в ноябре—декабре в Совете Рабочих Депутатов и в редакции меньшевистской газеты «Начало». В годы реакции редактировал орган ликвидаторов «Голос Социал-Демократа». В период войны был центристом, участвовал в Циммервальдской конференции. После Октябрьского переворота противник советской власти.—107

¹⁵ *Либер, М. И. (Гольдман)* (р. 1880)—был делегатом на II съезде Р. С.-Д. Р. П. от Ц. К. Бунда и во главе делегации Бунда занимал антиискровскую позицию. На V, Лондонском, съезде партии был избран в члены Ц. К. от Бунда. Активный участник организованной Троцким «Августовской» ликвидаторской конференции 1912 г. Активный «оборонец»—во время империалистской войны 1914—1918 г.г.; наиболее яркий представитель правого меньшевизма во время революции 1917 г. Враг советской власти.—107

¹⁶ «*Вперед*»—большевистская газета, выходившая в Женеве в 1905 г., редактировалась В. И. Лениным, М. С. Ольминским, В. В. Воровским и А. В. Луначарским. Всего вышло 18 номеров.

Первый номер датирован 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.), последний 18 (5) мая 1905 г. Название газеты, по воспоминаниям М. С. Ольминского, предложено было Владимиром Ильичем. Ленин не только писал руководящие статьи в газете «Вперед», но его перу принадлежит также большое число различных замсток, он лично обрабатывал большинство корреспонденций. Роль газеты «Вперед» в истории большевизма определяется тем, что «Вперед», в качестве идейно-политического боевого органа за границей, впервые выдвинул и обосновал идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и полностью провел размежевание по вопросам тактики и политики с меньшевиками.—115

¹⁷ *Парус* (псевдоним А. Л. Гельфанда) (1869—1924)—русский эмигрант, в 90-х и начале 900-х годов работавший в германской социал-демократии, примыкал к ее левому крылу. Сотрудничал в «Искре», «Заре» (под псевдонимом Молотова). После раскола поддерживал меньшевиков. Выдвинул вместе с Р. Люксембург полуменьшевистскую схему «перманентной революции», которую пытался осуществить в России меньшевик Троцкий. В 1905 г. вернулся в Россию и принимал участие в первой русской революции. Входил в редакцию меньшевистского «Начала». Был сослан в Сибирь и бежал обратно в Германию. В эпоху войны—крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма.—116

¹⁸ Данная цитата приводится из статьи меньшевика Л. Мартова «Девятое января», помещенной в № 85 «Искры» 9 февраля (27 января) 1905 г.—121

¹⁹ Большевики потребовали созыва III съезда партии через несколько месяцев после II съезда, мотивируя свое требование саботажем и срывом меньшевиками решений II съезда.

В августе 1904 г. в Женеве под руководством Ленина состоялась конференция большевиков. На конференции присутствовало 22 человека. Эта конференция высказалась за скорейший созыв III съезда и призвала партию к энергичной борьбе за созыв съезда, за осуждение фракционной работы меньшевиков.

Вскоре большевиками были проведены три областных партийных конференции—*Южная* (организации Одессы, Николаева, Екатеринослава), *Кавказская* (четыре комитетов) и *Северная* (организации Петербурга, Москвы, Твери, Риги и Северного комитета с его группами в Ярославле, Костроме, Нижнем-Новгороде, Владимире). На этих конференциях был выделен руководящий центр по созыву III съезда—«Бюро комитетов большинства» (БКБ).

Ленин со всей энергией боролся за созыв III съезда.

Статья «О созыве III партийного съезда» (заголовок принадлежит редакции Сочинений Ленина) помещена была в газете «Вперед» 28 (15) февраля 1905 г. в качестве редакционной вслед за «Извещением о созыве III партийного съезда», подписанным «Бюро комитетов большинства» («Извещение» дается в приложении к сборнику).—126

²⁰ Накануне II съезда партии Ленин, который был автором принятой съездом аграрной программы, указывал, что в условиях нарастания революционного движения необходимо будет выдвинуть требование *национализации* земли. Однако на данном этапе Ленин высказывался за включение в аграрную программу требования возвращения крестьянам «отрезков», т.-е. земель, которые были «отрезаны» у крестьян при проведении реформы 1861 г. («освобождение» крестьян от крепостной зависимости). Внося это требование в программу, большевики указывали, «что отрезки вовсе не загородка, а дверь, чтобы идти дальше»...

В данной статье «О нашей аграрной программе», опубликованной в газете «Вперед» за месяц до созыва съезда, Ленин намечает те изменения, которые необходимо внести в аграрную программу на новом этапе революционного движения.

1905 г. характеризуется широко развернувшимся крестьянским революционным движением. Если в 1904 г. в Европейской России было 91 крестьянское выступление, то в 1905 г.—уже 670 крестьянских выступлений. Это растущее и усиливающееся крестьянское движение, как указывает Ленин в статье, «выдвигает опять на первый план вопрос о нашей аграрной программе».

Съезд вынес решение о полной поддержке всех революционных мероприятий крестьянства, выдвинул революционное требование конфискации помещичьих, казенных, удельных и монастырских земель. На местах должны создаваться революционные крестьянские комитеты для немедленного захвата самими крестьянами всех помещичьих земель. В то же время съезд считал необходимым создание самостоятельных организаций сельскохозяйственного пролетариата под руководством социал-демократической партии.

Резолюция съезда «Об отношении к крестьянскому движению» дается в приложении к сборнику.—130

²¹ *Кригэ, Герман* (1820—1850)—немецкий революционер 40-х г.г., ученик Л. Фейербаха, представитель так называемого немецкого «истинного социализма», который К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачили в «Коммунистическом манифесте». Будучи членом «Союза Справедливых», Кригэ в 1845 г. отправился в качестве эмиссара союза в Америку, завязал сношения с американской «Ассоциацией национал-реформистов», основал журнал «Народный Трибун»

и стал проповедывать от имени союза христианский «этически-религиозный» коммунизм Вейтлинга. Вредное влияние, оказываемое им на немецких рабочих в Америке, и его неправильная тактика в американском аграрном движении вызвали резкое выступление против него Маркса и Энгельса.—135

²² *Джордж, Генри* (1839—1897)—американский экономист и публицист. В своем основном труде «Прогресс и бедность» Джордж доказывает, что главная причина бедности народных масс заключается в поземельной ренте, поглощающей все большую часть народного производства. Джордж не признает противоположности интересов труда и капитала. Джордж защищает национализацию земли, при помощи высоких на нее налогов, как главное средство к исцелению всех социальных бедствий. В вопросах экономической политики Джордж ревностный сторонник свободы торговли.—135

²³ Развертывавшееся революционное движение и борьба за свержение самодержавия требовали точного марксистского анализа и оценки характера движущих сил и задач революции. В этом вопросе между большевиками и меньшевиками были глубокие принципиальные разногласия.

Меньшевики рассматривали революцию 1905 г. как буржуазную революцию, которая должна проходить под руководством буржуазии, являющейся главной движущей силой революции. Меньшевики держались того мнения, что пролетариат самостоятельных задач в этой революции не имеет, он должен только поддерживать буржуазную, быть по существу ее придатком. По отношению к временному буржуазному правительству пролетариат должен, по их мнению, играть роль левой оппозиции. Крестьянство меньшевики рассматривали как враждебную силу. Революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства меньшевики отрицали.

Большевики стояли на принципиально совершенно другой точке зрения.

Большевики считали, что в предстоящей буржуазно-демократической революции пролетариат—гегемон, главная движущая сила революции. Пролетариат действует в союзе со всем крестьянством. В союзе с крестьянством пролетариат свержает самодержавие и устанавливает революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства.

Буржуазная революция, руководимая рабочим классом, стараящимся по мере сил и способности объединить вокруг себя деревенскую бедноту, немедленно перерастает в революцию социалистическую.

Эта революция должна была стать прологом новой, пролетарской, революции. Ленин указывал, что «Победа демократической революции в России будет сигналом к началу социалистической революции, к новой победе наших братьев, сознательных пролетариев всех стран» (Ленин, т. VII, стр. 365).

В статье «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» Ленин решительно критикует меньшевистские установки в этом важнейшем вопросе партийной тактики и намечает большевистскую партийную линию в борьбе за победу буржуазно-демократической революции и ее немедленное перерастание в революцию социалистическую.

По вопросу об участии социал-демократов во временном правительстве III съезд принял специальную резолюцию «О временном революционном правительстве» (дается в приложении к сборнику).—136

²⁴ Международный социалистический конгресс в Амстердаме—VI конгресс II Интернационала—происходил с 14 по 20 августа 1904 г., в разгар русско-японской войны. В президиум конгресса были избраны представители социалистических партий обеих воюющих стран—Г. В. Плеханов и Сен-Катаяма. Рассмотрению конгресса подлежало шесть вопросов: 1) международные правила социал-демократической политики; 2) колониальная политика; 3) эмиграция и иммиграция; 4) всеобщая стачка; 5) социальная политика и страхование рабочих и 6) тресты и безработица. Третий вопрос был отложен до следующего конгресса. Конгресс высказался против участия представителей социалистической партии в *буржуазном* правительстве.—138

²⁵ «Парламентский кретинизм»—выражение, которое неоднократно встречается у Владимира Ильича, употреблено Энгельсом в его работе «Революция и контр-революция в Германии» и Марксом в его «18 брюмера».—142

²⁶ В этом разделе нашего сборника под общим заголовком «III съезд Р.С.-Д.Р.П.» мы даем все сохранившиеся и опубликованные речи и доклады Ленина на съезде, а также проекты написанных и внесенных им на съезде резолюций по важнейшим вопросам, обсуждавшимся на съезде.

Этот раздел ярко характеризует ту поистине огромную роль и работу Ленина, которую он проделал, руководя съездом.

III съезд Р.С.-Д.Р.П. происходил с 25 (12) апреля по 10 мая (27 апреля) 1905 г. в Лондоне, имел 26 заседаний. На съезде присутствовало 24 делегата с решающим голосом и 14—с совещательным. Меньшевистские делегаты, выбранные на съезд и прибывшие

за границу, вместо Лондона поехали в Женеву на организованную редакцией новой «Искры» конференцию, заседавшую одновременно с III очередным съездом Р. С.-Д. Р. П., который стал, таким образом, первым большевистским съездом.

На съезде присутствовали с решающими голосами: Ленин (Фрей)—от Одесского комитета; Миха Цхакая (Леонов), Л. Каменев (Градов), А. Джапаридзе (Голубин), В. Галкин-Горин (Невский), Анашкин-Рыбкин (Летучий)—от Кавказского союза; В. Лосев-Валерианов (Семен)—от Уральского комитета; В. М. Обухов-Камский (Волгин)—от Саратовского; М. К. Владимиров (Константинов)—от Полесского; Н. Романов (Бергер)—от Северного; А. Богданов (Максимов)—от Тульского; М. Литвинов (Кузнецов)—от Рижского; Манин (Юлин?)—от Тверского; Д. Постоловский (Михайлов)—от Северо-Западного; Г. Крамольников (Массальский)—от Самарского; Аристархов-Осетров (Багров)—от Курского; В. Воровский (Орловский)—от Николаевского; Р. Землячка (Осипов)—от Петербургского; О. Квиткин (Панов)—от Орловского; А. Рыков (Сергеев)—от Московского; В. Десницкий (Сосновский)—от Нижегородского; П. Румянцев-Филиппов (Шмидт)—от Воронежского; Л. Красин (Винтер) и А. Любимов (Зоммер)—от Совета партии.

С совещательным голосом: П. Красиков (Бельский), А. Луначарский (Воинов), В. Фридолин (Дашин), Швелкин (Диогенов), Г. Шкловский (Дедушкин), М. Лещинский (Жарков), А. Эссен (Бур), М. Лядов, И. Саммер (Любич), Н. Крупская (Саблина), Б. Авилов (Тигров), Н. Скрипник (Щенский), Яблочкин.

Съезд избрал Ц. К. в составе Ленина, Красина, Богданова, Рыкова и Постоловского. Центральным Органом был утвержден «Пролетарий», ответственным редактором которого Ц. К. назначил Владимира Ильича.—146

²⁷ В № 11 (46) «Пролетарской Революции» за 1925 г. А. В. Луначарский в своей статье «Большевики в 1905 г.» пишет: «Первая резолюция о вооруженном восстании была принята по моему докладу. Вл. Ильич дал мне все основные тезисы доклада. Мало того,.... он потребовал..., чтобы я всю свою речь написал и дал ему предварительно прочесть. Ночью, накануне заседания, где должен был иметь место мой доклад, Владимир Ильич внимательнейшим образом прочитал мою рукопись и вернул ее с двумя-тремя незначительными поправками, что неудивительно, потому что, насколько я помню, я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Вл. Ильича». Печатаемый здесь проект резолюции, почти дословно совпадающий с проектом, зачитанным на съезде А. Луначарским, показывает, что Владимир Ильич дал

Воинову (съездовская кличка Луначарского) не только тезисы доклада, но и готовый проект резолюции.—151

²⁸ Доклад П. П. Румянцева (по съезду Филиппов) по вопросу об отношении к тактике правительства накануне переворота, сделанный им 29 апреля 1905 г. на 9 заседании съезда, далеко вышел за пределы намеченной темы и охватил также вопрос об использовании социал-демократией легальных и полулегальных возможностей, возникших в ограниченных размерах после 9 января, для открытых выступлений социал-демократии. Прения еще более подчеркнули необходимость расчлнить названную выше тему и дать специальную партийную директиву по вопросу об открытом политическом выступлении социал-демократии. Многие практики комитетчики из провинции, бывшие на съезде, не осознали еще необходимости крутого перелома в работе. Вопрос об отношении к комиссии Шидловского, созданной царским указом 11 февраля (29 января) «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе С.-Петербурге и в пригородах и изыскания мер к устранению таковых», приобрел на съезде важное значение.

Румянцев, бывший делегатом петербургской организации, в заключительном слове следующим образом излагал точку зрения петербургских социал-демократов на комиссию Шидловского:

«Стремление со стороны рабочих участвовать в выборах было несомненно. Нам предстояло или стоять в стороне от предвыборной агитации, или показать на деле фальшивость и обманчивость правительственной политики. А это можно было сделать, лишь приняв участие в выборах, проведя сознательных рабочих в число выборщиков, предъявив требования к комиссии, которые несомненно не будут исполнены. Надо пользоваться каждым случаем открытого выступления, показывать на деле лицемерие правительства,—тогда и только тогда массы будут верить нам,—иначе влияние будет ничтожно, влиять же на рабочих будут Гапоны и даже провокаторы». В листке группы выборщиков, изданном Петербургским Комитетом совместно с БКБ, были выставлены следующие требования: «1) публичность заседаний комиссии; 2) свобода печати для того, чтобы те из рабочих, кто не может пойти на заседания комиссии, могли следить за деятельностью своих депутатов по газетным отчетам; 3) свобода собраний и открытие 11 отделов, чтобы рабочие могли получить сейчас же после каждого заседания комиссии отчеты от своих депутатов и имели бы возможность обсудить их действия и выражать им одобрение или порицание; наконец 4) освобождение арестованных товарищей».

Когда Владимир Ильич говорил на съезде, что «из опыта с ко-

миссией Шядловского нельзя вывести безусловно отрицательного отношения», он возражал провинциальным делегатам, в частности Н. В. Романову (по съезду Лескову), который сказал: «резолуция предлагает участвовать в легальных обществах, овладевать ими, превращать их в опорные пункты. Вовлечение рабочих в такие общества... разбивает их внимание, совлекает с революционного пути на легальный, заставляет ожидать улучшения от таких обществ».

Три резолюции, о которых упоминает Владимир Ильич, это— резолюция докладчика Румянцева, резолюция Лескова и резолюция В. А. Десницкого (по съезду Сосновского) и три поправки к ним: две—В. Воровского и одна—Л. Красина. В результате прений вопрос был сдан в комиссию, по докладу которой съезд принял 2 мая две резолюции: 1) «об отношении к тактике правительства накануне переворота» и 2) «по вопросу об открытом политическом выступлении российской социал-демократической рабочей партии». Эти резолюции печатаются в приложении к сборнику.—155

²⁹ Напечатанный в «Ленинском Сборнике» V (стр. 262—265) «проект изменений резолюции Шмидта» (П. П. Румянцева.—Ред.) и набросок резолюции показывают, что внесенный 2 мая на 13-м заседании съезда Филипповым (Румянцев) и Лениным проект резолюции об открытом политическом выступлении Р. С.-Д. Р. П., с незначительными поправками ставший резолюцией съезда, написан Владимиром Ильичем.—156

³⁰ Плеханов, Г. В. (1856—1918)—принимал вначале участие в народнической организации «Земля и Воля», после раскола которой на Воронежском съезде стал во главе «Черного Передела». Эмигрировав за границу и проанализировав причины неудач народофильского движения, порвал с народничеством и основал в 1883 г. за границей совместно с Аксельродом, Засулич, Дейчем и Игнатовым первую русскую социал-демократическую организацию—Группу «Освобождение Труда». В 90-х годах вел энергичную борьбу с «бернштейнством» и его отражением на русской почве—«экономизмом». В 900-х годах становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии в 1903 г. примкнул первоначально к Ленину, затем пошел к меньшевикам. После поражения декабрьского восстания 1905 г. выступил с пресловутым заявлением: «не надо было братья за оружие». С народническим ликвидаторством, в борьбе с ним образовал группу меньшевиков-партийцев. Когда разразилась империалистическая война, Плеханов стал во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжал ту же линию после Февральской революции («Единство»). После Октябрьской революции, оставаясь противни-

ком советской власти, в то же время отказался активно выступать против большевиков.—161

³¹ Ряд цитат из статьи Энгельса «Бакунисты за работой» приведен в VII томе Собрания сочинений Ленина (стр. 324—328).—170

³² Цитата из статьи Мартынова «Революционные перспективы», «Искра» № 95, 13 апреля (31 марта) 1905 г.—171

³³ Цитата из статьи «Баланс прусской революции», написанной 11 декабря 1848 г. Владимир Ильич пользовался немецким изданием Меринга 1902 г.

Дословный перевод приведенной в тексте цитаты таков: «Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством».—172

³⁴ Статья Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию», дающая описание и оценку восстания в Рейнской Пруссии, Бадене и Пфальце летом 1849 г., в котором Энгельс лично принимал участие в качестве адъютанта Виллиха,—была напечатана в 1850 г. в журнале «Новое Рейнское Обозрение».—172

³⁵ Ленин в брошюре «К деревенской бедноте», вышедшей в мае 1903 г., в главе VI («Каких улучшений добывается с.-д. для всех крестьян») писал: «Некоторые люди думают, что наше требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и возвращения отрезков есть какой-то забор, какая-то загородка. Стой, дескать тут и дальше не ходи. Такие люди очень плохо вдумались в то, чего хотят с.-д. Требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и для возвращения отрезков не есть загородка. Оно есть *дверь*. В эту дверь прежде всего надо выйти для того, чтобы идти дальше, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге идти до самого конца, до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси» (т. V, стр. 308).—182

³⁶ Настоящий проект был зачитан на заседании III съезда от 3 мая Зининым (Л. Б. Красиным). Принадлежность проекта перу Владимира Ильича устанавливается по сохранившемуся черновку резолюции, опубликованному в «Ленинском Сборнике» V, стр. 267—268.—185

³⁷ Вопрос об отношениях между рабочими и интеллигентами в социал-демократических организациях вызвал наиболее жаркие дебаты на III съезде. Вопросу посвящены 15 и 19-е заседания 3 и 5 мая 1905 г. Владимир Ильич настаивал на расширении рамок организации и проведении в определенных границах демократического централизма, без игры в демократизм и при условии сохранения конспиративного аппарата. Забота Владимира Ильича

о выдвижении наиболее активных рабочих на руководящую работу, борьба с косностью комитетчиков в этом вопросе нашли выражение как в речах его и в многочисленных репликах при обсуждении вопроса, так и в проекте резолюции, написанной Владимиром Ильичем (но не принятой съездом).—187

³⁸ Докладчиком по организационному вопросу на 15-м заседании съезда (3 мая) был А. Богданов (под псевдонимом Максимов). В своем докладе Богданов опирался на свой проект изменений устава, напечатанный от имени Иванова (тоже псевдоним Богданова) в № 13 «Вперед» от 5 апреля (23 марта) 1905 г., в статье под заголовком «Организационный вопрос».—192

³⁹ Говоря о том, что содержание разговора его с Гапоном изложено во «Вперед», Владимир Ильич имел, очевидно, в виду абзац статьи «О боевом соглашении для восстания», идущий непосредственно за «открытым письмом» Гапона (см т. VII, стр. 119—120); отдельного сообщения во «Вперед» о разговоре Ленина с Гапоном нет.—195

⁴⁰ Конференция революционных партий и организаций, созванной по инициативе Гапона и состоявшейся в Женеве 2 апреля 1905 г., посвящен ряд статей в русских и иностранных органах.—196

⁴¹ Заметка Владимира Ильича «О конституировании съезда» была дана в качестве примечания к резолюции «О конституировании съезда» в № 1 «Пролетария» (см. приложение к наст. сб.). Заголовок заметки принадлежит редакции Сочинений Ленина.—202

⁴² III съезд партии закончился 10 мая (27 апреля). В первом же номере центрального органа партии «Пролетарий», вышедшем 27 (14 мая), было помещено извещение о съезде с кратким изложением его решений. В этом же номере «Пролетария» была напечатана и статья Ленина «3-й съезд», уже подробно излагавшая решения съезда и задачи партии.—204

⁴³ Имеется в виду резолюция «О конституировании съезда», напечатанная в № 1 «Пролетария», непосредственно вслед за «Извещением о III съезде Р. С.-Д. Р. П.».—205

⁴⁴ «Пролетарий»—центральный орган Р. С.-Д. Р. П., выходил в Женеве с 27 (14) мая по 25 (12) ноября 1905 г. Всего вышло 26 номеров. 10 мая на своем первом пленуме Центральный Комитет, избранный III съездом, вынес постановление: «ответственным редактором Ц. О. партии назначается тов. Ленин». Будучи официально единоличным редактором «Пролетария», Владимир Ильич продолжал вести орган фактически с тем же составом руководителей, что и «Вперед».

В «Пролетарии» постоянно сотрудничали: М. Ольминский, В. Воровский, А. Луначарский, затем В. Карпинский, И. Теодорович,

А. Насимович («Чужак») и др. А. Елизаровой, С. Гусеву, В. Бонч-Бруевичу удалось организовать систематическую посылку в Женеву корреспонденции с мест. Переписка с местными организациями и читателями «Пролетария» велась Н. Крупской и Фотиевой.—208

⁴⁵ Указанная здесь попытка Каутского защитить мартовскую формулировку § 1 устава имеется в письме Каутского, напечатанном в виде фельетона под заголовком «Каутский о наших партийных разногласиях» № 66 «Искры» от 28 (15) мая 1904 г.—211

⁴⁶ В основу статей «О временном революционном правительстве», напечатанных 3 и 9 июня в «Пролетарии», лег доклад Ленина, сделанный им на ту же тему на III съезде. В этих статьях Ленин также разъясняет принципиальный смысл и практическое значение принятой съездом резолюции по вопросу о временном революционном правительстве.

В конце второй статьи говорится: «в следующей статье мы перейдем к разбору задач временного революционного правительства». Однако продолжение данной серии статей не появилось.—217

⁴⁷ Имеются в виду статьи А. Мартынова под заголовком «Революционные перспективы» в «Искре» № 90 от 16 (3) марта, № 93 от 30 (17) марта и № 95 от 13 апреля (31 марта) 1905 г. и статья Л. Мартова «Рабочая партия и «захват власти», как наша ближайшая задача» в № 93 «Искры».—219

⁴⁸ Вл. Ильич имеет в виду «Обращение Центрального Комитета к Союзу» (март 1850 г.), написанное Марксом.—227

⁴⁹ Выражение: «абсолютизм, обшитый парламентскими формами» взято Вл. Ильичем из «Критики Готской программы К. Маркса»—произведения, датированного 5 мая 1875 г.—227

⁵⁰ Во «Введении» к шюрингскому изданию «Разоблачений о Кельнском процессе коммунистов» Фр. Энгельс писал: «Мелко-буржуазная демократия еще и теперь является той партией, которая при ближайшем европейском потрясении—а оно скоро наступит (промежутки между европейскими революциями, 1815, 1830, 1848—1852, 1870, продолжают в нашем веке от 15 до 18 лет)—в Германии безусловно должна первой стать у кормила правления, как спасительница общества от коммунистических рабочих». Введение Энгельса датировано 8 октября 1885 г.—227

⁵¹ «Der Volksstaat» («Народное Государство»)—центральный орган германской социал-демократии в 1870—1876 гг., выходил в Лейпциге по постановлению Эйзенахского съезда (1869 г.) взамен «Demokratisches Wochenblatt» («Еженедельная Демократическая Газета»). «Der Volksstaat» редактировался В. Либкнехтом. В газете принимали участие Маркс и Энгельс.—231

⁵² Статья Ленина «Третий шаг назад», опубликованная в «Пролетарии» 3 июля (20 июня) 1905 г., дает анализ работы III съезда и меньшевистской конференции, происходившей в Женеве параллельно с III съездом.—239

⁵³ «Социал-Демократ», имевший подзаголовок «Рабочая Газета»,— популярный орган меньшевиков. Всего вышло 16 №№, № 1 датирован 1 октября (ст. стиля) 1904 г., № 16—14 октября 1905 г. Главным редактором «С.-Д.» был Ф. Дан. Из сотрудников большое число статей дал О. Ерманский. В газете имеется значительное число корреспонденций от местных организаций и от рабочих; это объясняется отчасти тем, что вначале «С.-Д.», в отличие от «Искры», воздерживался от полемики и фракционных выпадов против большевиков. В тактических вопросах «С.-Д.» занимал обычную меньшевистскую позицию.—243

⁵⁴ Ленин цитирует статью П. Струве «Как найти себя» в № 71 «Освобождения» от 31 (18) мая 1905 г.—246

⁵⁵ В № 4 большевистской газеты «Пролетарий» от 16 (3) июня 1905 г. имеется большой фельетон: «Новый революционный рабочий союз». Статья не подписана. Рукопись ее не найдена, но ряд отдельных выражений, мыслей, характерных ссылок на предыдущие статьи и пр. дает некоторое основание предполагать, что если даже статья написана не Вл. Ильичем, то ему все же принадлежит большая правка статьи.—249

⁵⁶ Брошюра, о которой говорит здесь Ленин,—«Две тактики социал-демократии в демократической революции» (Соч., т. VIII).—249

⁵⁷ Г. В. Плеханов в письме в редакцию «Искры», датированном 29 мая 1905 г., писал: «Тов., решения конференции, нанесшие смертельный удар центральным учреждениям нашей партии, заставляют меня сложить с себя звание редактора Ц. О. и пятого (выбранного вторым законным съездом) члена Совета» («Искра» № 101 от 14 (1) июня 1905 г.).—251

⁵⁸ Перечисленные псевдонимы принадлежали членам Ц. К.—примиренцам: Ма—В. А. Носкову, Бем—М. А. Сильвину, Владимир—Л. Я. Карпову, Иннокентий—И. Ф. Дубровинскому, Андрей—А. А. Квятковскому и Ворон—Л. Е. Гальперину. Все они были арестованы вместе с тремя кооптированными в Ц. К. меньшевиками—В. Н. Крохмелем, Е. М. Александровой и В. Н. Розановым на заседании Центрального Комитета 22 (9) февраля 1905 г. в Москве в квартире литератора Л. Н. Андреева.—252

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>От издательства</i>	3
III СЪЕЗД ПАРТИИ (Вводная статья)	5
<i>Статьи и речи В. И. Ленина о третьем съезде партии</i>	
РАССКАЗ О II СЪЕЗДЕ Р. С.-Д. Р. П.	53
ДВА ПИСЬМА Г. М. КРЖИЖАНОВСКОМУ	69
НЕПОСЛАННОЕ ПИСЬМО М. Н. ЛЯДОВУ	72
ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» (<i>Письмо в редакцию «Искры»</i>)	77
К ПАРТИИ	84
КРАТКИЙ ОЧЕРК РАСКОЛА В Р. С.-Д. Р. П.	93
ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ	100
ПИСЬМО А. А. БОГДАНОВУ И С. И. ГУСЕВУ	101
ДВЕ ТАКТИКИ	106
ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ОРГАНИЗОВАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ?	116
О СОЗЫВЕ III ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА	126
О НАШЕЙ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЕ (<i>Письмо III съезду</i>) . .	130
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА	136
III СЪЕЗД Р. С.-Д. Р. П. 25 (12) АПРЕЛЯ — 10 МАЯ (27 АПРЕЛЯ) 1905 г.	146
1. Речь о законности съезда 26 (13) апреля	146
2. Речь о полноправности Казанского и Кубанского комитетов 27 (14) апреля	148
3. Проект резолюции об отношении Р. С.-Д. Р. П. к вооруженному восстанию	151
4. Речь по вопросу о вооруженном восстании 28 (15) апреля	152
5. Речь по вопросу о вооруженном восстании 29 (16) апреля	153
6. Речь об отношении к тактике правительства накануне переворота 1 мая (18 апреля)	155
7. Проект резолюции по вопросу об открытом выступлении	156
8. Проект резолюции об участии социал-демократии во временном революционном правительстве	158
9. Доклад об участии с.-д. во временном революционном правительстве 1 мая (18 апреля)	160

10. Проект резолюции о временном революционном правительстве	176
11. Речь о поправках к резолюции о временном революционном правительстве 2 мая (19 апреля)	178
12. Доклад о поддержке крестьянского движения 2 мая (19 апреля)	180
13. Проект резолюции о поддержке крестьянского движения	185
14. Речь по вопросу об отношениях между рабочими и интеллигентами в с.-д. организациях 3 мая (20 апреля)	187
15. Проект резолюции об отношениях между рабочими и интеллигентами в с.-д. организациях	189
16. Замечание при обсуждении резолюции по вопросу об отношениях между рабочими и интеллигентами в с.-д. организациях 5 мая (22 апреля)	191
17. Речь при обсуждении устава партии 4 мая (21 апреля)	192
18. Речь о редакции § 9 устава партии 4 мая (21 апреля)	194
19. Речь по поводу соглашения с с.-р. 6 мая (23 апреля)	195
20. Речь по докладу о деятельности Ц. К. 8 мая (25 апреля)	201
О КОНСТИТУИРОВАНИИ СЪЕЗДА	202
ИЗВЕЩЕНИЕ О III СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ	204
ТРЕТИЙ СЪЕЗД	209
О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ	217
ТРЕТИЙ ШАГ НАЗАД	239
В СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО В БРЮССЕЛЕ	250

Приложения

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОЗЫВЕ ТРЕТЬЕГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА	257
РЕЗОЛЮЦИИ III СЪЕЗДА Р. С.-Д. Р. П.	252
УСТАВ ПАРТИИ	275
РЕЗОЛЮЦИИ, НЕ ПОДЛЕЖАВШИЕ ОПУБЛИКОВАНИЮ	278
ПРИМЕЧАНИЯ	279

Составили и подготовили к печати **М. Москалев** и **М. Чаров**

Корректор **З. Патеревская**

Техредактор **А. Илюшина**

Сдано в производство 5/IV 1935 г. Подписано в печать 7, V—15 V 1935 г.

Уп. Главлита Б—5938. Партиздаз № 128. Формат 82 × 111/16. 18 1/2 п. л. 31 000 зн. в п. л.

Заказ гил. № 11. Тираж 60 000 экз.

Фабрика книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б), Москва,
Краснопролетар. кля, 16.

Цена 2 р. 25 к.

Переплет 60 к.

В.И.ЛЕНИН О ТРЕТЬЕМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ